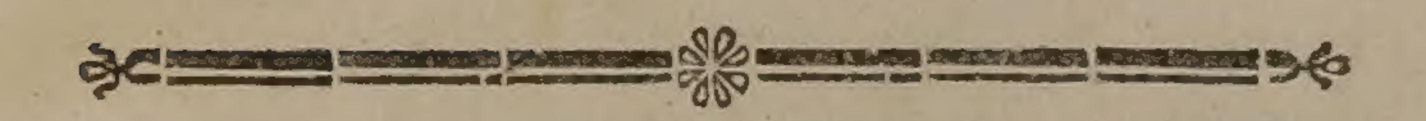
БИБЛІОТЕКА

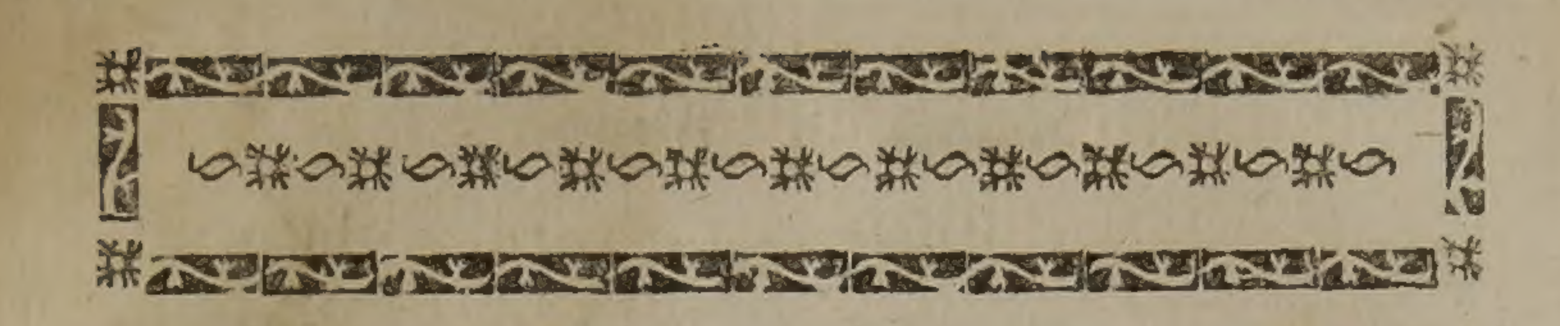
УЧЕНАЯ, ЕКОНОМИЧЕСКАЯ, НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ
Всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ VIII.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
ВЪ Типографіи у В. Корнильева.
1794 ГОДА.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ.

О КРАСНОРѢЧІИ.

Краснорѣчіе потому уступаетъ въ древности Поэзіи, что кромѣ огня и природнаго дара требуетъ оно еще и того, чтобъ Ораторъ имѣлъ свѣденіе о всѣхъ другихъ наукахъ, и стеченія благосклонныхъ и благопріятныхъ обстоятельствъ.

Краснорѣчіе находилося во всемъ своемъ блистаніи въ Аѳинахъ, и въ

такое время, гдѣ казалось, что всѣ обстоятельства нарочно стѣкалися для составленія совершеннаго Витіи. Науки, какъ то, искуство разсуждать, или Логика, Мораль и Политика, были доведены до такой степени, что казалось невѣроятно, чтобъ въ такое короткое время можно было учинить въ нихъ столько успѣха. Совершенныя творенія въ Поезіи и въ Исторіи воспламенили воображенія; великолѣпнѣйшія зданія являли всю красоту свою и величественность въ Аѳинахъ; лучшія творенія Живописи и Скульптуры блистали во всѣхъ храмахъ и на всѣхъ народныхъ площадяхъ; Аѳины находилися въ самомъ цвѣтущемъ своемъ состояніи; умы всѣхъ были воспалены, и понятія и мысли увеличены успѣхами и разнообразностію произшествій. Въ сихъ-то обстоятельствахъ возникъ Демосѳенъ: одаренный отъ природы обширнымъ и проницательнымъ умомъ, обладающій Героическою твердостію духа, возбужденный опасностію,

вЪ которую сіи любезныя ему Аѳины готовы были впасть отЪ нечувствительности его сограждан'Ъ, восходитЪ онЪ на каѳедру, гремитЪ, поражаетЪ, и разливаетЪ вЪ рѣчахЪ своихЪ сей огонь, сіе пламя, коего весь ледЪ перевода не могЪ погасить.

Послѣ АѳинЪ, Краснорѣчія должно искать вЪ Римѣ: вЪ тѣ времена, вЪ которыя нечемЪ инымЪ было отличится, кромѣ природныхЪ дарованій ума, увидѣли сію толпу ОраторовЪ, надЪ коими ЦицеронЪ вознесся столь высоко вЪ своихЪ твореніяхЪ, что Краснорѣчіе кажется доведено имЪ до вышшей степени совершенства, и не можетЪ уже итти далѣе.

Главнѣйшіе изЪ новѣйшихЪ ОраторовЪ суть: Бурдулу, МасильонЪ, ФлешьерЪ, ФеофанЪ Прокоповичь, Г. ЛомоносовЪ, и множество еще и нынѣ кЪ пользѣ Россіи здравствующихЪ знаменитыхЪ особЪ, коихЪ читатель самЪ наимянуетЪ.

Ораторская рѣчь состоитЪ обык-

новенно изъ шести частей, а имянно: 1е возгласъ, 2е повѣствованіе, 3е предложеніе и раздѣленіе, 4е доказательство, или подтвержденіе, 5е опроверженіе, 6е заключеніе.

Въ возгласѣ или приступѣ цѣль Оратора должна состоять въ томъ, чтобъ благосклонно предъубѣдить къ себѣ слушателя, и увѣдомить его въ кратцѣ о матеріи. И такъ возгласъ долженъ быть простъ, скроменъ и естествененъ; надлежитъ, чтобъ матерія, о которой предлагаешь, была бы только указана въ возгласѣ, и чтобъ находилася тесная связь между сею частію рѣчи и прочими, чтобъ никакъ не можно было ее отъ нихъ отдѣлить.

Наррація есть изложеніе матеріи, или того предмета, которой судьи должны рѣшить. Сія часть должна непосредственно слѣдовать послѣ возгласа, дабы судіи были съ начала извѣщены о свойствѣ тяжбы. Въ прочемъ должно излагать просто, коротко, ясно и правдоподобно.

Предложеніе есть простое, краткое и естественное изложеніе матеріи, о которой говорить намѣренъ. Сія часть помѣщается предъ каждымъ доказательствомъ, или доводомъ, а наипаче при началѣ главнаго вопроса. Оно служитъ въ тяжбахъ, для возвѣщенія того пункта, которой подлежитъ сужденію.

Разсужденіе извлекается изъ свойства предмета, изъ его причинъ, дѣйствій и обстоятельствъ.

Подтвержденіе, или доводъ, состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно лучше основать и утвердить свою рѣчь, посредствомъ разсужденія, или примѣровъ. Сія есть главнѣйшая часть Краснорѣчія: все искуство и вся сила Оратора въ оной заключается; прочее есть все побочное, и не имѣетъ иной цѣны, кромѣ придаваемой сей части рѣчи.

Все искуство довода состоитъ въ томъ, чтобъ положить такое предложеніе, которое бы не терпѣло ни какого затрудненія, и потомъ пока-

зать связь между оспориваемаго предложенія съ истинною предложенія неоспоримаго. Слѣдовательно, цѣль довода состоитъ въ томъ, чтобъ доказать истинну вещи, которая кажется сомнительною, посредствомъ другой вещи, которая почитается и достовѣрною.

Кромѣ одного только разсужденія, надлежитъ, чтобъОраторъ умѣлъ возбудить страсти, когда долженъ онъ преодолѣть упрямство слушателей. Разсудокъ умѣетъ убѣждать; но страсти трогаютъ сердце, возбуждаютъ чувствительность, и убѣждаютъ. Для сего надлежитъ вникнуть совершенно въ предлагаемой предметъ, облещись въ страсти тѣхъ, коихъ право защищаешь, поставить себя на мѣсто ихъ, и говорить за нихъ, какъ за себя самаго.

Опроверженіе состоитъ въ отмѣтаніи началъ, на коихъ соперникъ основалъ свои доводы.

Должность заключенія есть дво-

якая. Первая состоитъ въ краткомъ повтореніи доводовъ; а вторая должна возбудить въ душѣ судей тѣ чувствія, кои влекутъ къ убѣжденію. Первая требуетъ много краткости, искуства и разборчивости, чтобъ сказать только то, что необходимо нужно, и въ короткихъ словахъ привести на память главнѣйшія доказательства правости тяжбы. Но Краснорѣчіе заключаетъ всю свою силу во второй: ибо съ помощію побудительности, царствующей въ ней, оно господствуетъ, торжествуетъ, и утверждаетъ свою власть.

О живописи и скульптурѣ.

Живопись, Скульптура, Музыка и Архитектура имѣютъ общаго съ Стихотворствомъ и Краснорѣчіемъ огонь, природный даръ и восторгъ, кои должны возбуждать живописца подобно, какъ и стихотворца; ибо стихотворцы не одни владѣютъ Парнассомъ;

но великіе музыканты и великіе живописцы занимаютъ также на ономъ свои мѣста. Господину Левицкому не менѣе потребно было стихотворческаго природнаго дара, для начертанія образа Великія ЕКАТЕРИНЫ, какъ сколько требуется онаго воспѣвать въ стихахъ Ея дѣянія. Не менѣе потребно великости духа для изобрѣтенія начертанія какого либо совершеннаго сданія, какъ сдѣлать описаніе дворца Нептунова, или храма Юноны, кои мы читаемъ въ Одиссеи и въ Виргиліевой Енеидѣ.

О произхожденіи Живописи Плиній говоритъ слѣдующее: „ Что касается до произхожденія Живописи; то о немъ ничего не имѣется справедливаго, но множество противорѣчій. Египтяне утверждаютъ, что сіе художество изобрѣтено у нихъ за шесть тысячь лѣтъ прежде, нежели Греки имѣли объ ономъ малѣйшее понятіе. Легко можно почувствовать тщеславіе и неосновательность сего хвастовства

Египетскаго. Что касается до Грековъ; то они увѣряютъ, одни, что Живопись изобрѣтена въ Сикіонѣ, а другіе въ Коринѳѣ.,,

Тотъ же авторъ говоритъ ниже: ,,Искуство изображать выпуклыя и цѣлыя фигуры изъ мѣла или глины изобрѣтено Дивутадомъ, горшечникомъ Сикіонскимъ, поселившимся въ Коринѳѣ; но за сіе мы однако же должны благодарить дочь его: ибо сія дѣвушка, влюбясь въ одного молодаго человѣка, которой сбирался въ дальной путь, начертала тѣнь своего любовника на стѣнѣ при свѣтѣ лампады. Отецъ ея по сему самому начертанію налѣпилъ глины, и сдѣлалъ оное выпуклымъ, потомъ положилъ сію глину закалить въ печь.,, Онъ же говоритъ индѣ: ,,Живопись посредствомъ воску и огня есть такое изобрѣтеніе, коего авторъ неизвѣстенъ.

И такъ не тряя времени на изысканіе такого произхожденія, которое теряется во мракѣ древности;

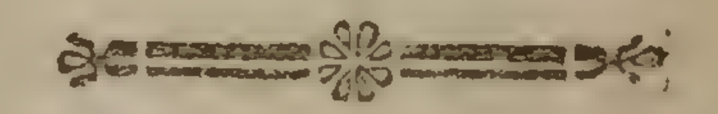
но можно сказать, что Живопись родилася вмѣстѣ со Скульптурою, поелику какъ та, такъ и другая имѣютъ началомъ рисованіе, и что, какъ послѣдняя была уже въ употребленіи во времена Авраамовы, то вѣроятно, что и Живопись была равномѣрно употребительна. Можетъ статься, что она терялася и опять появлялася, смотря по различнымъ перемѣнамъ обстоятельствъ: ибо вѣроятно, что даже и въ первыя времена погасала она, и опять многократно возобновлялась, и что тѣ коимъ приписываютъ изобрѣтеніе оной, были только ея возстановители. Въ Пли́ніи находится все то, что намъ нынѣ сказываютъ объ Електрической силѣ и о множествѣ вещей, кои намъ выдаютъ за новѣйшія изобрѣтенія. Колико врачебныхъ тайнствъ, найденныхъ въ древнихъ предписаніяхъ, сдѣлали счастіе многихъ нашихъ новѣйшихъ Медиковъ.

О искуствѣ древнихъ живописцовъ повѣствуются чудеса: Плиній

говоритъ, что Парразій спорилъ въ первенствѣ съ Зевксисомъ, что сей принесъ картину своей работы, представляющую виноградныя кисти, столь искусно изображенныя, что птицы прилѣтали ихъ клѣвать, что Парразій съ своей стороны показалъ картину изображающую занавѣску столь натурально, что Зевксисъ гордяся успѣхомъ винограда своего и нелестною похвалою птицъ, просилъ неотступно, чтобъ отдернули сію занавѣску, и показали бы, что подъ нею находится; но признавъ свою ошибку, признался побѣжденнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ обманулъ только птицъ, а Парразій обманулъ такого славнаго художника, каковъ былъ Зевксисъ. Сіи два великіе мужа жили во время Александра Великаго. Они были также современники Памфила Тиманфа, Апеллеса и Протогена, коихъ произведеніе и имена пребудутъ безсмертными. Прежде Апеллеса живописцы употребляли въ своихъ кар-

тинахъ только четыре первоначальныхъ цвѣтовъ краски; но сей вздумалъ смѣшивать оныя, и составлять изъ нихъ разныя оттѣнки, подражая въ томъ природѣ.

Великое преимущество новѣйшей Живописи предъ древнею состоитъ въ искуствѣ писать масляными красками, коего древнiе не вѣдали, но писали единственно водяными. Сiя тайна изобрѣтена тому лѣтъ триста назадъ Иваномъ де Брюжь. Чрезъ сiе найдено средство придавать краскамъ болѣе прочности, связи и живости. Еще и по нынѣ почитается нѣкоторымъ чудомъ картина стариковъ, покланяющихся Агнцу, взятая изъ Апокалипсиса, и писанная помянутымъ Иваномъ Брюжскимъ съ помощiю его брата, для церкви Святаго Iоанна Богослова.

СЛОВО
О
ПОЛЬЗѢ ФИЗИКИ,

Говоренное во время открытаго испытанія въ Тобольскомъ Главномъ Народномъ Училищѣ, вышшихъ классовъ Учителемъ Тимоѳеемъ Воскресенскимъ 1793 года Іюля 12 дня.

ПОЧТЕННОЕ СОБРАНІЕ!

Всякому извѣстно, что намѣреніе и конецъ ВСЕАВГУСТѢЙШЕЙ нашей МОНАРХИНИ въ заведеніи Народныхъ Училищь, есть просвѣщеніе своихъ подданныхъ. ЕЯ желаніе состоитъ въ томъ, дабы они содѣлались достойными имени человѣка. Но что болѣе его образуетъ и усовершенствываетъ, какъ не науки? Когда мы не рѣдко находимъ великое различіе между тѣмъ, кто умѣетъ только читать и писать, и между тѣмъ, которой и тому не наученъ; то какую же мы должны

положить разность между просвѣтившимъ себя науками и простымъ только грамотѣемъ? Она всякому здравомыслящему уму извѣстна, и многіе знаютъ, что науки, столь много возвышающія человѣка, полезны, но не всѣ вѣдаютъ, въ чемъ состоитъ ихъ польза? — Цѣль моего слова не есть говорить о пользѣ всѣхъ наукъ, по тому, что ни силы мои, ни время, ни обстоятельства учинить того не позволяютъ. Но какъ испытаніе съ начала производимо будетъ изъ Физики, то позвольте П. С. при семъ весьма приличномъ къ тому случаѣ, разсказать въ кратцѣ слышанную мною нѣкогда пользу упомянутой науки.

Физика разсматриваетъ всѣ тѣла, какъ небесныя, такъ и земныя, существующія въ пространствѣ вселенной, и показываетъ ихъ свойства, дѣйствія, страданія, множество, положенія, силы, произведенія, ихъ причины и все, что въ нихъ примѣчая, испытывая и порядочно умствуя, со-

брать, найти и основательно доказать можно.,, Или короче сказать: она изъясняетъ намъ, что въ природѣ есть. — Что оно такое? — Какъ бываетъ? — Для чего или по какимъ законамъ? — И къ чему? И такъ сколь обширно познаніе естества, безъ коего почти и жизнь наша совершенно благополучна быть не можетъ; столь многоразлична и польза, проистекающая отъ онаго.

Міръ сей наполненъ безчисленнымъ множествомъ многообразныхъ и разнородныхъ существъ. Самое малѣйшее твореніе обращаетъ на себя любопытное вниманіе естествоиспытателя; а Физика открываетъ ему въономъ тысячу чудесъ. — Начнемъ мы отъ самыхъ малѣйшихъ такъ называемыхъ микроскопныхъ тварей, которыя зараждаются въ болотистой и тиноватой водѣ, въ уксусѣ и въ водѣ, бываемой въ устричныхъ раковинахъ при вскрытіи ихъ, когда сіи жидкости въ отверстыхъ сосудахъ въ теплую

погоду нѣсколько сутокъ подъ тѣнью на свободномъ воздухѣ постоятъ. Ежели взять на перяной кончикъ по маленькой капелькѣ отъ сихъ жидкостей, и положить ихъ на тонкое прозрачное стекло, а потомъ посмотрѣть сквозь хорошой микроскопъ, то мы увидимъ въ каждой капелькѣ тьмы живыхъ тварей, изъ коихъ различности и безконечной малости усматриваемъ ясно, коликую перемѣнность явило естество во образѣ всякаго рода тѣлъ. Между ними есть такія, которыхъ должно будетъ почесть въ 30 миліоновъ кратъ менѣе хлѣбнаго червячка. Но и тутъ по чрезвычайной нѣкоторыхъ прозрачности, можно еще разпознать орудія ихъ тѣла, внутреннія части и самую кровь. Даже воображеніе теряется въ малости всѣхъ сихъ крошичностей. Теперь надлежитъ вникнуть въ удивительную перемѣнность природы при различныхъ родахъ не только самыхъ большихъ, но и самомалѣйшихъ тварей, а при томъ и

въ неизмѣнную одинакость каждаго вида. Такимъ-то образомъ открываетъ намъ Физика, что безконечной Зиждитель естества столь же великъ и непостижимъ въ самыхъ малѣйшихъ своихъ твореніяхъ, какъ и въ самыхъ большихъ.

Физика, открывая намъ безчисленность чудесъ земныхъ, даетъ ясное понятіе и о небесныхъ, которыя равно ведутъ насъ до совершеннаго познанія невидимаго Творца видимыхъ вещей. Ибо какъ скоро съ надлежащимъ вниманіемъ разсмотримъ удивительное строеніе міра сего, порядокъ, мудрое расположеніе его частей, дѣйствія ихъ и законы, которыми въ бытіи своемъ управляются; то не можемъ думать, что бы все сіе произошло случайно, но съ глубочайшимъ благоговеніемъ признаемъ Создателемъ міра существо безпредѣльно премудрое, всемогущее, всевѣдущее и благое, коего безконечныя совершенства, равно во всякомъ созданіи, какъ въ боль-

шомъ, такъ и въ малѣйшемъ, сіяютъ яснѣйшимъ образомъ, и наполняютъ души наши чистѣйшею къ нему любовію, яко нашему Создателю.

Возвысимъ нашъ разумъ, расширяя предѣлы вселенной! Пустимся теперь въ то неизмѣримое пространство, гдѣ плаваетъ безчисленное множество небесныхъ свѣтилъ! — Съ перваго взгляду примѣтимъ мы, что онѣ суть тѣла, созданныя Богомъ, такъ какъ и наша земля. Познаемъ ихъ раздѣленіе, разстояніе, величину, видъ, движеніе и законы, въономъ ими сохраняемые; узнаемъ совершенно, что изъ нихъ одни суть такія тѣла, которыя собственной свой свѣтъ имѣютъ, а другія тѣла темныя и непрозрачныя, подобныя нашей землѣ, но заимствующія свѣтъ свой отъ первыхъ. Ежели бы мы не лишены были способовъ и возможности побывать въ Лунѣ или другихъ какихъ планетахъ, то бы во время ночи и землю нашу увидѣли, судя по разстоянію, подоб-

ной величины вида и свѣта, какъ и Луна или другія планеты, составляющія такъ называемыя солнечныя системы или міры. — Всѣ естества испытатели согласны, что планеты подобны нашей землѣ, а неподвижныя звѣзды (*) подобны нашему солнцу; по тому, что хотя планеты нашей системы и ближе находятся къ солнцу; однако слабѣе свѣтятъ, нежели неподвижныя звѣзды, которыя гораздо далѣе отъ него отстоятъ, (**) слѣдственно онѣ свой собственной свѣтъ имѣютъ и суть не что иное, какъ такія же солнцы. Но солнце наше сотворено на тотъ конецъ, дабы ос-

(*) Главнѣйшій признакъ, которой можно усмотрѣть и невооруженными глазами между планетами и неподвижными звѣздами, есть тотъ, что послѣднія непрестанно блистаютъ и сверкаютъ, а первыя, то есть планеты того не дѣлаютъ; но кажется, будто имѣютъ свѣтъ неподвижный.

(**) Нѣкоторые новѣйшія Астрономы думаютъ, что самая ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда отстоитъ отъ земли въ пять сотъ тысячь разъ далѣе, нежели земля отъ солнца.

вѣщать и согрѣвать нашу систему; то слѣдуетъ, что неподвижныя звѣзды, такъ какъ солнцы, имѣютъ такъ же свои системы, ихъ освѣщаютъ и согрѣваютъ. А какъ неподвижныхъ звѣздъ находится безчисленное множество; а особливо, какъ полагаютъ, что и такъ называемый на небѣ млечный путь усѣянъ оными; то изъ того явствуетъ, что и системъ или міровъ находится безчисленное множество. (*) Даже воображеніе изнемогаетъ, представляя себѣ безчисленность твореній. Око теряется въ сей великой громадѣ тѣлъ небесныхъ, такъ какъ

(*) Мы должны удивляться древнимъ, которые еще не имѣя нынѣшнихъ высокихъ Астрономическихъ познаній, по одному остроумію только своему, вѣрили множеству міровъ. Ученики Пиѳагоровы и Епикуровы утверждали сіе Философическое мнѣніе. Въ противность нашимъ новымъ опровергателямъ множество міровъ можно привести здѣсь примѣчанія достойное изреченіе одного Пиѳагорейца въ Плутархѣ: полагать; что во всемъ пространствѣ только одинъ міръ находится; столь же безразсудно, какъ и утверждать, что на пространномъ полѣ не можетъ вырости болѣе одного колоса.

пылинка въ высокой горѣ. Тѣла, нашу систему міра составляющія, заключая отъ земли, должны быть кѣмъ нибудь обитаемы: ибо естественнѣе думать, что планеты имѣютъ свои произведенія и своихъ жителей, нежели, чтобъ Богъ ихъ сотворилъ пустыми и ни кѣмъ ненаселенными, или ослѣпясь безумнымъ суемудріемъ мыслить, что сіи небесныя свѣтила возжены единственно только для уменьшенія темноты нощной у жителей земныхъ. Да и сколь ничтожною и недостойною божественнаго величества Творца нашего показалась бы вселенная, естьли бы она заключалась только въ узкихъ предѣлахъ сей малой кучи грязи, по которой мы пресмыкаемся! И такъ не въ противность здравому разсудку можно съ вѣроятностію заключить, что и тѣ міры имѣютъ своихъ обитателей, которые, можетъ быть, подобно намъ удивляясь столь великому и обширному владычествованію Божію, прославляютъ

также его премудрость, благость и милосердіе. — (*) Я мысленно восхищаюсь до того мѣста, гдѣ утвержденъ престолъ Божій, около котораго все безчисленное множество міровъ кругообращается, откуда онъ, вся созерцая, всѣми управляетъ; и откуда самое естество пріяло бытіе свое, и всякъ часъ пріемлетъ продолженіе онаго.

(*) Здѣсь можетъ предложенъ быть сей вопросъ: ежели точно справедливо, что планеты имѣютъ жителей, то какіе они должны быть, совершенно ли подобны намъ, или особеннаго сложенія, вида, величины и проч? - - - Все затрудненіе сего вопроса состоитъ въ томъ, что у насъ всегда воображаютъ такихъ людей и животныхъ, какихъ мы здѣсь на землѣ видимъ. Но для чего непремѣнно полагать и въ планетныхъ мірахъ точно людей и животныхъ земли нашей? Ежели бы мы никогда не видали водяныхъ животныхъ, то развѣ бы легче было понять намъ, жителямъ воздуха, какъ воды могутъ быть обитаемы? --- Судя по великому разнообразію, царствующему между жителями нашего шара, можемъ заключить и о томъ, которое Творецъ міровъ могъ сообщить жителямъ разныхъ планетъ.

По всюду, куда бы мы ни обратили взоръ нашъ, находимъ себя окруженными безчисленнымъ множествомъ такихъ тѣлъ, которыя дѣйствуютъ на насъ всегда и безъ нашего соизволенія различными образами; многія изъ нихъ необходимо нужны намъ къ поддерживанію нашей жизни; многія изъ нихъ доставляютъ намъ, когда мы токмо знаемъ прямое ихъ употребленіе, различныя выгоды и пріятности: но многіябъ могли содѣлаться и весьма опасными, когдабъ мы стали ихъ употреблять не такъ, какъ надобно, или не умѣли бы прикрыться отъ вреднаго ихъ на насъ дѣйствія. Самое наше тѣло подвластно общимъ законамъ тѣлъ. И такъ можетъ ли быть сносно и пріятно разумному человѣку, ежедневно ощущать различныя дѣйствія и явленія тѣлъ безъ усматриванія причины оныхъ? Можетъ ли любопытный человѣкъ видѣть только ниспадающія съ неба дождевыя рѣки, не желая знать при-

чины и мѣста оныхъ рожденія; такъ же въ лѣтнее время ниспадающій оледѣнелый снѣгъ называемый градомъ, чувствовать различные вѣтры, слышать надъ собою разсыпающіеся громовые удары, видѣть при яркомъ блескѣ вдругъ померкшее Солнце, или Луну и прочія явленія безъ изслѣдованія причины, начала и послѣдствія оныхъ? Таковое любопытственное желаніе, или та страсть къ вѣдѣнію, которая, кажется, человѣческому уму врожденна, удовлетворяется подробнымъ познаніемъ и внимательнымъ разсматриваніемъ естества. Хотя человѣческій разумъ и не въ силахъ обозрѣть всего множества различныхъ въ природѣ тѣлъ, познать всѣ ея законы, которые служатъ основаніемъ всѣмъ естественныхъ дѣйствій истолкованіямъ; поелику конечному уму не льзя проникнуть во всю связь твореній безконечнаго: однако единое созерцаніе природы, оставляя всемогущую произойти отъ того человѣку въ жизни его пользу,

показуетъ намъ такія истинны, которыхъ познаніе, распространяя предѣлы нашего понятія, усугубляетъ достойно насъ веселящее совершенство ума.

Удовольствіе, сей главный человѣческихъ дѣяній источникъ, тѣмъ болѣе обнижаетъ себя въ Физикѣ, чемъ больше ощутительны суть предлагаемыя въ ней истинны, и чемъ больше усматриваемъ многоразличія и отъ того послѣдуемую всегдашнюю упражненій перемѣну. Физика, поражающая смертныхъ умъ, непрестанно бываемыми въ природѣ чудесами, какъ бы, такъ сказать, насильно похитила у ней откровеніе тѣхъ таинствъ, которыя она столь долгое время рачительно скрывала. Да можетъ быть еще безчисленное множество ея чудесъ намъ не извѣстно, которыя со временемъ такъ же обнаружитъ счастливое наше потомство, ежели только наука о познаніи естества часъ отъ часу будетъ приходить въ большее усовер-

шенствованіе. Природа сама скупа, открываетъ по маленьку намъ свои сокровища, но старательна и прозорлива, даетъ намъ любопытство ко всякимъ предпріятіямъ побуждающее, раждая въ насъ желаніе, соединенное съ удовольствіемъ, къ испытанію незнаемыхъ въ земныхъ тѣлахъ, или паче во всей вселенной, перемѣнъ, и чемъ больше природа отъ насъ скрываетъ свои законы, тѣмъ сильнѣе мы на изслѣдованіе и познаніе оныхъ устремляемся; стараясь премудрыя ея дѣйствія открыть, подражая оной искуствомъ. —

Магнитные и Електрическіе опыты, какъ же учиняемыя воздушнымъ насосомъ, водометами, въ разсужденіи цвѣтовъ, увеличительными стеклами и разновидными зеркалами, чувствительное вливаютъ удовольствіе, которое могутъ ощущать и тѣ, кои на то только взираютъ, что чувствъ ихъ касается, не имѣя воззрѣнія на истинну. Сколь же большее есть то

удовольствіе, которое отъ ближайшаго сведѣнія и изобрѣтенія истинны проистекаетъ! Наставленный природою чрезъ наблюденія и опыты Физикъ, ясно усматриваетъ бредъ тѣхъ людей, которые мня все истолковать, пріемлютъ мечты ума своего за непреложные и доказанные законы естества.

Недостатокъ Физическаго познанія силъ и дѣйствій тѣлесныхъ причиною былъ и есть, что иногда духамъ, или другимъ сверьхъестественнымъ причинамъ приписываютъ то, что отъ силъ тѣхъ произойти можетъ, и что иногда присвояютъ тѣламъ такія силы, какихъ онѣ во все не имѣютъ. Обое сіе есть обильный источникъ суевѣрія и заблужденія. Сколь ужасны были дѣйствія оныхъ въ прошлыхъ мрачныхъ временахъ, да сколь много еще и нынѣ, (а особливо въ простомъ народѣ,) къ посрамленію нашихъ временъ, обладаютъ они тѣми, кои Физики отвращаются! Но по крайней мѣрѣ мы должны теперь

тѣмъ утѣшаться, что открытъ намъ свободный путь, къ познанію таинствъ природы, чрезъ что совершенно освобождаемся отъ суевѣрій, заблужденій, пустаго страха и ужаса, произходящихъ отъ ложнаго о вещахъ понятія и отъ великаго отдаленія отъ истинны. Такъ болѣе теперь мы не почитаемъ кометъ за предвѣстницъ приближающихся нещастій. Правда, что отъ кометъ не только одному или нѣсколькимъ людямъ плачевныя приключенія послѣдовать могутъ, но и всему человѣческому роду совершенное разореніе; однакожъ не такимъ образомъ, какъ простой народъ думаетъ, что комета будучи еще въ неизмѣримомъ отъ насъ разстояніи, предвѣщаетъ уже паденіе какому нибудь Государству, или великой какой Особѣ. За нѣсколько лѣтъ странныя и различныя были мнѣнія о кометахъ. Даже и самой Кеплеръ, славный своего времени Астрономъ, уподоблялъ ихъ китамъ и чудовищамъ морскимъ,

почитая ихъ за воздушныя явленія, въ Атмосферѣ бываемыя. А другіе думали, что всякая комета нарочно отъ Бога создана бываетъ, для предвозвѣщенія людямъ гнѣва его, и будто онѣ Ангелами носимы бываютъ. Многіе правда и въ наши времена полагаютъ, что представленіе свѣта, о которомъ насъ Священное писаніе научаетъ, воспослѣдуетъ отъ кометы, равно какъ и всемірной потопъ, по мнѣнію Г. Видстона: (*) но сіе мнѣніе только вѣроятно, а за истинну утверждать его не можно. — Божія опредѣленія всегда пребудутъ уму нашему непостижимы: *но паче всего дол-*

(*) Сей Аглинскій Астрономъ, утверждаясь на изчисленіяхъ своихъ, полагаетъ, что потопу причиною былъ кометинъ хвостъ. Комету, которая видна была въ 1680 году, почитаетъ онъ за тужъ, которая примѣчена была въ 531 и 1106 годахъ, такъ же и во время кончины Юлія Кесаря за 44 года до Р. Х. Ежели сію комету почитать за одну и тужъ, то ея обхожденіе будетъ около 575 лѣтъ, и седьмое къ намъ ея возвращеніе отъ 1680 года придетъ на тотъ самой годъ, въ которой потопъ послѣдовалъ.

жны мы знать себя и непрестанно готовиться къ представленію самихъ себя для вѣчнаго блаженства. Равнымъ образомъ не вѣримъ мы вліянію аспектовъ на дѣянія человѣческія. — Заттмѣнія также не предъявляютъ болѣе гнѣва Божія, но случаются по законамъ въ самомъ естествѣ основаннымъ; разные цвѣтные круги и дуги около Солнца и Луны иногда видимые не суть болѣе знаменія, что ни есть чрезвычайное изъявляющіе, но естественные въ Атмосферѣ произшествія. — Падающія звѣзды весною, осенью, такъ же и зимою въ ясныя ночи, не суть настоящія звѣзды, но небольшіе огненные шарики, несущіеся по Атмосферѣ и на землю падающіе, кои видимою величиною ровняются звѣздамъ; по чему и почитаютъ ихъ за звѣзды или діаволовъ съ неба сверженныхъ. Сіе можно и искуствомъ сдѣлать. — (*) Лѣтающій драконъ,

(*) Нѣкоторые естества испытатели совершенно открыли, что онѣ состоятъ изъ клѣйкой

какъ простой народъ думаетъ, не есть въ самомъ дѣлѣ діаволъ, принимающій на себя видъ сего змѣя, для содѣланія различныхъ пакостей роду человѣческому; но есть большій огненный шаръ, влекущій за собою пламенный хвостъ. Блудящіе огни, какъ думаютъ простолюдимы, не суть души изъ ада вышедшія, или злые духи, сводящіе прохожихъ съ праваго пути и подвергающіе ихъ опасностямъ; но суть такъ же естественныя огненныя воздухоявленія. Совершенно удостовѣрившись, что причиною грома есть Електрическая сила, которою облака иногда весьма много преизобилуютъ,

---

и сѣрной матеріи, коя загорѣвшись згараетъ по тихоньку; по тому, что на тѣхъ мѣстахъ, на которыя упадали сіи звѣзды, находили таковую матерію. А чтобъ сдѣлать ихъ искуствомъ, то должно взять по нѣкоторой части камфары, селитры и илу а потомъ все смѣшавъ вмѣстѣ смочить спиртомъ; наконецъ сдѣлать изъ сего состава маленькіе шарики, кои будучи зажжены и брошены на воздухъ, представляютъ падающую звѣзду, оставляя по себѣ подобную клейкую матерію.

должно навсегда изтребиться изъ памяти нашей нелѣпое и посмѣянія достойное мнѣніе простаго народа, которой вѣритъ, что во время грозы, Богъ посылаетъ Пророка Илію въ огненной колесницѣ, отъ чего будто громъ и молнія произходятъ, разъѣзжать по неизмѣримому пространству небесъ для пораженія діавола, которой въ то время отъ него укрывается; по чему закрываютъ окна, выгоняютъ изъ покоевъ всѣхъ нечистыхъ животныхъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, удобнѣе можетъ сокрыться злой духъ. Но какъ суевѣрій и заблужденій людскихъ великое множество; то и не мѣсто здѣсь говорить обо всѣхъ подробно, а скажу, что познаніе Физическихъ истиннъ, есть надежнѣйшее и дѣйствительнѣйшее отъ оныхъ лѣкарство.

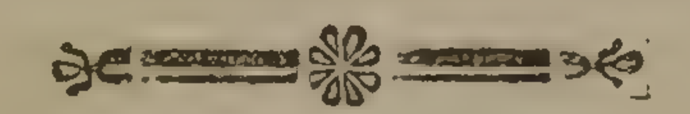
Разсмотримъ теперь, какую еще намъ пользу доставляетъ Физика, въ разсужденіи выгодъ общественной жизни. Она есть начало изобрѣтенія и

усовершенствованія полезныхЪ орудій. Употребленіе магнитной стрѣлки здѣсь особливое заслуживаетЪ примѣчаніе. Ибо прежде изобрѣтенія компаса мореплаваніе вЪ толь тѣсныхЪ заключалось предѣлахЪ, что мореходцы едва осмѣливались изЪ глазЪ терять берега, а предпріятіе долговременныхЪ и дальнихЪ путешествій по морю, и приведеніе морской торговли вЪ цвѣтущее состояніе, только по изобрѣтеніи сего по виду маловажнаго, но по свойству неоцѣненнаго орудія воспослѣдовали. БезЪ него можетЪ быть Америка и по сіе время пребыла намЪ неизвѣстна. Искуство вододвиженія, водометы, тепломѣры и погодопоказатели, воздухоперемѣняющія машины, пожарныя трубы и другія полезнѣйшія и необходимо нужныя для насЪ орудія, всѣ воспріяли свое начало и усовершенствованіе отЪ Физики.

И такЪ разсмотрѣвЪ, хотя вЪ кратцѣ, чрезвычайно великую пользу отЪ Физики на общежитіе истекаю-

щую, не уже ли не приложимъ особеннаго старанія и прилѣжанія для упражненія въ оной, а особливо вы младые дѣти? Вамъ и лѣта и обстоятельства жизни безпрепятственно позволяютъ заниматься сею наукою, которая возродитъ въ васъ высокія мысли о естествѣ и его дѣйствіи; представитъ живо красоту, порядокъ и явленія вещей естественныхъ, а симъ самимъ вкорениться можетъ навсегда внутреннее въ васъ чувствованіе и признательность о благости, величіи и премудрости Создателя. Вамъ заниматься полезными науками повелѣваетъ Богъ, Государь и Отечество. Богъ для яснѣйшаго познанія и прославленія совершенствъ Его, Государь для лучшаго узнанія всей цѣны трудовъ Его, стараній и попеченій, прилагаемыхъ о вашемъ просвѣщеніи, а слѣдовательно и благодѣянствій; а Отечество ваше неоспоримое имѣетъ право отъ васъ ожидать той пользы, которую вы,

усовершенствовавЪ по времени начатое вЪ младенчествѣ ученіе, принесть ему будете вЪ состояніи.

О ПРОВИДѢНІИ.

Провидѣніе есть попеченіе, пріемлемое Божествомъ о своихЪ твореніяхЪ, какЪ вЪ сохраненіи оныхЪ, такЪ и вЪ направленіи ихЪ дѣйствій. Язычники, какЪ Стихотворцы, такЪ и Философы, выключая ЕпикуріянцовЪ, признавали оное, и оно было принято всѣми просвѣщенными народами, управляемыми законами.

ДіодорЪ Сицилійскій говоритЪ, что Халдеи утверждали, что порядокЪ и красота сего міра происходятЪ отЪ провидѣнія, и что все случающееся, какЪ на небѣ, такЪ и на землѣ, не само собою происходитЪ, и не отЪ слѣпаго случая зависитЪ, но дѣлается постоянною волею боговЪ.

Варварскіе Философы вѣрили всеобщему провидѣнію. Они согласны были въ томъ, что Богъ сотворилъ землю; но отмѣтали частное провидѣніе; они говорили, что вещи получивъ первое приличное имъ движеніе, пошли уже сами собою, и слѣдовали одна за другою въ предписанномъ имъ порядкѣ: весьма безразсудно вѣрить, говорили они, что всякая вещь случается порознь, отъ того, что Юпитеръ такъ приказалъ: напротивъ того все, что случается, есть слѣдствіе прежде случившагося. Есть одинъ непремѣнный порядокъ, коего всѣ произшествія должно неминуемо слѣдовать одно за другимъ, и который служитъ не меньше къ красотѣ, какъ и къ утвержденію вселенныя.

Греческіе Философы, вѣря провидѣнію, не согласовалися между собою въ томъ, какимъ образомъ оно производится. Нѣкоторые изъ нихъ простерли провидѣніе Божіе не далѣе, какъ до послѣдняго круга небеснаго,

а родъ человѣческой въ томъ не участвовалъ. Другіе изъ нихъ полагали, что провидѣніе управляетъ только общими дѣлами, но не приписывали оному участія въ частныхъ. Magna Dii curant parua negligunt, говорилъ Стоикъ Валвъ: они не вѣрили, чтобъ оно могло унизиться до смотрѣнія за жатвою и за плодами земными.

Здѣсь должно примѣтить, что законъ Языческій, то, что они говорили о провидѣніи, страхъ ихъ Божескаго правосудія, упованіе на благость Вышняго, были такія вещи, кои не проистекали изъ ученія ихъ касательно свойства боговъ. Я говорю даже и о ученіи Философовъ касательно сего важнаго пункта. Сіе ученіе, разобравъ оное хорошенько, было нѣчто иное, какъ губка, поглощающая всякой духовной законъ. Вотъ по чему, что Богъ вещественный, или тѣлесный, не составлялъ бы одно существо, но сборище многихъ существъ: ибо каждое тѣло составлено изъ час-

тей. Когда бы кто сталъ призывать сего Бога; то онъ бы не могъ слышать молитвъ, яко всецѣлое, потому; что ни что изъ сложеннаго не существуетъ внѣ нашего разумѣнія подъ свойствомъ всего . . . . . Естьли бы Богъ сей не могъ слышать молитвъ всѣхъ вдругъ; то по крайней мѣрѣ, могъ бы онъ ихъ слышать частно . . . . . Но не болѣе; ибо, или бы каждая изъ сихъ частей ихъ бы услышала и могла бы онымъ внять, или бы сіе принадлежало только нѣкоторому числу частей. Въ первомъ случаѣ, одна бы только часть была полезна свѣту, а прочія всѣ подпали бы подъ секиру природы, не терпящей ничего безполезнаго: но что еще болѣе, сія часть сама содержала бы въ себѣ множество безполезнаго: ибо она была бы дѣлима до безконечности. Въ тѣлесныхъ вещахъ не льзя никогда достигнуть до единицы. Во второмъ же случаѣ, не возможно было бы никогда опредѣлить число внимательныхъ частей,

ни того, по какой причинѣ снабдены онѣ симъ свойствомъ предпочтительно предъ другими. Разбирая сiи неудобства и несообразности, остановились бы на томъ, чтобъ никакому Божеству не покланяться.

Я иду еще далѣе, и опровергаю умствованiе древнихъ Философовъ. Богъ, коего вы описываете, будучи не что иное, какъ весьма тонкое вещество (древнiе никогда не имѣли инаго понятiя о духѣ) не можетъ быть весь всюды ни по существу своему, ни по силѣ: слѣдовательно онъ ни гдѣ не существуетъ во всей цѣлости своей, въ разсужденiи свѣденiя своего: слѣдовательно нѣтъ ничего такого, которое бы посредствомъ чистаго и простаго понятiя, знало вдругъ настоящее, прошедшее и будущее, мысли и дѣянiя человѣческiя, положенiе и свойство каждаго тѣла, и проч: слѣдовательно свѣденiе Бога вашего повсюду ограничено, и какъ движенiе, сколько бы безконечнымъ ни полагали

его въ безконечности пространствѣ, но въ каждой части оно конечно, и различно образовано, смотря по обстоятельствамъ; и такъ свѣденіе, сколько бы оно безконечно не было, но ограничено, смотря по степенямъ онаго въ каждой части вселенныя: слѣдовательно нѣтъ соединеннаго провидѣнія всевѣдущаго и всеправящаго: слѣдовательно, положивъ сіе, безполезно призывать на помощь Творца вселенныя. Естьли бы сіи древніе Философы такимъ образомъ разсуждали; то бы отвергнули совсемъ провидѣніе; но понятіе о провидѣніи столь естественно уму и столь глубоко напечатлено во всѣхъ сердцахъ, что не смотря на всѣ ихъ заблужденія, опровергавшія совершенно оное, признавали они однако же всегда сіе провидѣніе. Они соединили въ одну точку всю силу и знаніе Бога, хотя по правиламъ ихъ она долженствовала быть особлива и раздѣльна во всей природѣ. Они обязаны сему правоумію единст-

венно той причинѣ, что не умѣли, или пренебрегли, съ точностію о томъ судить. Сіи суть два вопроса, кои по истиннѣ предполагаютъ другъ друга. Естьли Богъ управляетъ свѣтомъ; то присутствовалъ при сотвореніи онаго; естьли же онъ присутствовалъ при сотвореніи онаго; то управляетъ онымъ. Но всѣ древніе Философы не столь прилѣжно въ сіе вникали: они признавалися, что вещество одолжено существованіемъ само себѣ. Изъ сего естественно должно было заключить, что боги не дѣйствовали надъ веществомъ, и что не могли они располагать онымъ по своему произволенію. Но то, что намъ кажется столь просто и естественно, не входило имъ въ умъ; они находили секретъ соединять самыя противоположнѣйшія и несообразнѣйшія вещи.

Бель весьма хорошо доказалъ, что Епикуріянцы, отмѣтавшіе провидѣніе, разсуждали правильнѣе въ заблужденіи своемъ, нежели признавав-

шіе оное. И дѣйствительно, положивъ однажды сіе начало, что вещество не было создано, не столь безразсудно можно утверждать, какъ то дѣлали Епикурїянцы, что Богъ не есть Творецъ свѣта, и что онъ не вмѣшивается въ правленіе онаго, какъ сказать, что онъ его сотворилъ, сохраняетъ и управляетъ онымъ. То, что они говорили, есть истинна; но они не правильно говорили. Сіе было, такъ сказать, посторонняя истинна, которая не сообразовалася съ ихъ системою; они находилися на хорошей дорогѣ, единственно отъ того, что сбились съ пути, по коему пошли съ начала. Вотъ что можно было имъ сказать: естьли вещество есть вѣчно, то для чего же движенію его не быть вѣчнымъ? Естьли же оно вѣчно; то слѣдовательно не имѣетъ нужды въ управленіи. Вѣчность вещества влечетъ съ собою необходимо и вѣчность движенія. Какъ скоро нашелъ я, что вещество существуетъ; то

необходимо должно родиться во мнѣ понятіе, что оно удобно къ различнымъ сообразованіямъ. Но можно ли понять, чтобъ оно было удобообразовательно безъ движенія? — Сверьхъ же того, что есть движеніе, введенное или сообщенное веществу? По крайней мѣрѣ, что оно такое по вашему понятію? Ни что иное, какъ перемѣна положенія, и ни чему иному, кромѣ вещества не свойственно: сіе есть одно изъ вѣчныхъ его свойствъ. Еще же, могъ бы сказать Епикуріянецъ, по какому праву Богъ извлекъ вещество изъ того состоянія, въ коемъ оно вѣчно существовало? Откуда взялъ онъ сіе право? Кто ему препоручилъ сіе учинить?.... Чтобъ на сіе должно было ему отвѣтствовать? Не уже ли основать сіе право на превосходной силѣ, коею Богъ одареннымъ себя нашелъ? Но въ такомъ случаѣ сіе было бы заставить его дѣйствовать по закону сильнѣйшаго и по примѣру сихъ завоевателей, или

хищниковъ, коихъ поступки совершенно противны естественному закону? Не уже ли бы сказали ему на то, что Богъ, поелику есть совершеннейшее вещество; то справедливость требовала, чтобъ онъ покорилъ оное подъ свою власть? Но сiе самое противно закону. Естьли бы спросили о семъ у Философа; то бы онъ сказалъ только, что Богъ единственно для явленiя благости своей управляетъ веществомъ. Богъ, сказалъ бы онъ, зналъ совершенно обѣ сiи вещи; первое то, что онъ ничего не дѣлаетъ противъ желанiя вещества, покаряя его своей власти; ибо, поелику вещество ничего не чувствовало, то и не могло досадовать напотѣрянiе своей независимости: другое, что вещество находилось въ смешенномъ и не совершенномъ состоянiи, какъ безобразная громада матерiяловъ, изъ коихъ можно было построить изящное зданiе, и также изъ коихъ нѣкоторые могли быть превращены въ тѣла живыя и въ

существа мыслящія. Слѣдовательно, онъ восхотѣлъ сообщить природѣ состояніе совершеннѣйшее того, въ коемъ оно до того находилося.

Iе. Епикуріянецъ спросилъ бы, можетъ ли быть состояніе приличнѣйшее какой вещи, того, въ которомъ оная всегда находилася, и въ которое ее собственная ея природа и необходимость отъ вѣчности поставили? Такое состояніе не есть ли самое естественнѣйшее, какое только можно вздумать? То, что естество вещей, то, что необходимость, коей все существующее обязано своимъ существованіемъ, управляетъ и опредѣляетъ, можетъ ли имѣть нужду въ перемѣнѣ? 2е. Мудрый дѣйствователь не предпринимаетъ обработывать великое количество матеріяловъ, не разсмотрѣвъ своихъ силъ, и не извѣдавъ, удобны ли они принять то образованіе, которое онъ имъ придать намѣренъ; но Богъ могъ ли то знать, естьли бы не онъ ихъ сотворилъ?

Богъ не можетъ знаній своихъ извлекать ни откуда, кромѣ, какъ изъ самаго себя: ничто не можетъ дѣйствовать надъ нимъ, или просвѣтить его. И такъ Богъ, естьли не видѣлъ въ самомъ себѣ существованія вещества; то оно долженствовало быть ему вѣчно не извѣстно: слѣдовательно онъ не могъ учредить его съ порядкомъ, ниже учинить изъ того свое твореніе. И такъ, изъ всѣхъ сихъ разсужденій можно заключить, что безбожіе Епикурово происходило естественно, философически, отъ общаго Язычниковъ заблужденія, касательно вѣчнаго существованія вещества. Выгоды его были бы гораздо болѣе, естьли бы онъ имѣлъ дѣло съ однимъ только непросвѣщеннымъ народомъ, которой отъ добраго сердца вѣрилъ, что боги обоего пола, произшедшіе одинъ отъ другаго, управляли вселенною.

Была еще другая причина, которая долженствовала бы воспрепятство-

рать древнимъ Философамъ (положивъ, чтобъ они правильно разсуждали,) вѣрить существованію частнаго промысла: сія причина есть то мнѣніе, коему они, почти всѣ безъ исключенія, слѣдовали, что по смерти не будетъ ни награжденія ни наказанія, хотя они и преподавали народу сей догматъ, по причинѣ его полезности. Древняя Греческая Философія была утончанна до безконечности; она меньше основывалась на нравоучительныхъ началахъ, нежели на Метафизическихъ, и сколь ни нелѣпы были ея заключенія, но не могли преодолѣть впечатлѣнія, кои сіи начала дѣлали надъ ихъ умами, ни извлечь изъ заблужденія, въ коемъ они находилися. Сіи же Метафизическія начала, кои по образу ихъ разсужденія исключаютъ необходимо догматъ наказанія и награжденія въ будущей жизни, были слѣдующіе: 1 е, что Богъ не можетъ прогнѣваться и чинить зло никому изъ смертныхъ, 2 е, что души наши

суть частицы души вселенныя, то есть, Бога, къ коему онѣ долженствуютъ присоединиться послѣ того, когда узы тѣлесныя, коими онѣ связаны, разрушатся.

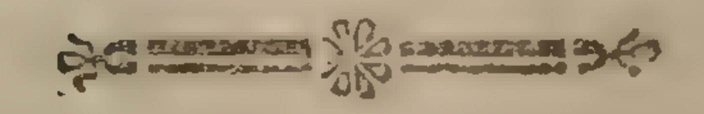
Философъ новѣйшихъ временъ, наполненный Философическими понятіями нашихъ вѣковъ, можетъ быть удивится, что сіе слѣдствіе приводило древнихъ въ недоумѣніе, когда ему кажется, и когда въ самомъ дѣлѣ столь удобно можно рѣшить сіе затрудненіе, отличивъ страсти человѣческія отъ Божественныхъ свойствъ справедливости и благости, на коихъ неиспровержимо основанъ догматъ будущихъ наказаній и награжденій. Но древніе весьма далеки были отъ столь истинныхъ и ясныхъ понятій о естествѣ Бога; они не умѣли отличать гнѣва отъ правосудія и пристрастія отъ благости. Я не говорю однако же, чтобъ не было между врагами Христіанскія вѣры нѣсколько и въ нынѣшніе вѣки такихъ людей, кои ос-

лѣплены были симъ же заблужденіемъ. Милордъ Рочестеръ вѣровалъ существованію Вышняго бытія; онъ не могъ себѣ представить, чтобъ вселенная была сотворена слѣпымъ случаемъ, и правильное теченіе природы казалось ему доказательствомъ вѣчныя власти Создателя ея: но онъ не вѣрилъ, чтобъ Богъ могъ имѣть какое либо чувствіе любви, или ненависти кои причиняютъ въ насъ такое волненіе; и слѣдовательно, не могъ понять, чтобъ могли быть будущія награжденія и наказанія.

Но какимъ образомъ сообразить, скажутъ мнѣ, промыслъ съ исключеніемъ догмата наказаній и награжденій будущей жизни. Дабы отвѣтствовать на сей вопросъ, не худо разсмотрѣть, какого рода былъ тотъ промыслъ, коему вѣровали Философы Ѳеисты. Перипатетики и Стоики имѣли почти одинакія о семъ мысли. Вообще обвиняютъ Аристотеля въ томъ, что онъ вѣрилъ, будто про-

мыслъ не простирается до земли; но сіе есть клевета, вымышленная Халкидіемъ. Аристотель думалъ только, что частное провидѣніе не простиралось на каждаго человѣка особливо. Поелику онъ приписывалъ року всѣ естественныя вещи, и вѣрилъ при томъ, что человѣкъ получилъ отъ Бога свободное изволеніе; то думалъ, что ежели бы провидѣніе простиралося на каждаго человѣка особливо; то, или бы дѣянія человѣческія были необходимы, или бы слѣдствія ихъ испровергали намѣренія промысла. Итакъ, не видя никакого способа сообразить свободнаго человѣческаго изволенія съ Божіимъ промысломъ, разрубилъ онъ узелъ сего затрудненія, отринувъ то мнѣніе, что провидѣніе простирается на каждаго человѣка особливо.

Продолженіе впредь.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О ГОРЯЧКАХЪ И ЛИХОРАДКАХЪ.

Горячка или огневица.

Сія болѣзнь состоитъ въ безпрестанномъ, сильномъ и весьма опасномъ жару.

Главнѣйшіе ея признаки суть слѣдующіе: жаръ, почти опаляющій, когда дотронешся до тѣла больнаго, но неровной по всему тѣлу, въ головѣ жесточаѣ, также въ груди и въ животѣ, а въ рукахъ и въ ногахъ часто

умѣренный. Вся кожа, равно, какъ и внутренность, носъ, ротъ, языкъ, горло, легкое и даже иногда окружность глазъ. Больной трудное имѣетъ дыханіе и частое; языкъ жесткой, черной и истрѣскавшійся; неутолимую жажду, и которая иногда вдругъ перестанетъ; отвращеніе къ пищѣ, тошнота, рвота; чрезмѣрное разслабленіе; ясный и звонкій голосъ; моча въ маломъ количествѣ, ѣдка, весьма красна; запоръ и проч.

Сія горячка можетъ произойти отъ чрезмѣрной работы, отъ солнечнаго зноя, отъ вдохновенія сухаго и опаляющаго воздуха, отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ, или надмѣру пряныхъ яствъ, отъ испорченія желчи, и отъ заразительнаго расположенія воздуха въ странахъ жаркихъ во время лѣта.

Въ сей болѣзни дѣйствія натуры весьма разстроены; того ради почитается она смертельною, когда къ бреду присоединится затрудненіе ды-

ханія. Но естьли въ день перелома, которой есть седьмый день болѣзни, приключится больному ознобъ; то за симъ неминуемо послѣдуетъ или потъ, или поносъ, или рвота. Естьли же сіи припадки случатся въ другіе дни; то весьма дурнымъ признакомъ служитъ: жизнь подвержена весьма великой опасности; естьли ознобъ случится во время слабости, и что жаръ при томъ не уменьшается. Отъ озноба обыкновенно перестаетъ брѣдъ. Когда же ознобъ седьмаго дня вмѣсто Критическаго есть только Симптоматическій; то за онымъ слѣдуетъ воспаленіе тѣхъ частей, къ коимъ желчные каналы примыкаютъ, а за симъ слѣдуетъ смерть.

Лѣкарства.

Iе. Естьли больной не холерикъ и не сухъ; то можно съ начала болѣзни учинить многократныя малыя кровопусканія изъ руки, и одно или два изъ ноги. Но вообще полезно ставить частію клестиры, просто холо-

дительные, и въ коихъ можно употреблять оксикратъ или сыворотку. Питье больнаго должно состоять изъ навара яблокъ, чернослива и ячменя, или изъ лимонада, или изъ фіалковаго сиропа, сбитаго съ водою, подкисленною немного четырью или пятью каплями сѣрнаго спирта, или купоросънаго, или немного минеральнаго хрусталя, или также немного креморъ-тартари.

На другой, или на третій день болѣзни, надлежитъ дать рвотное, потребное количество по предписанію Врача, или пять грановъ перезженаго купоросу въ двухъ столовыхъ ложкахъ похлебки. Клестиры же должно продолжать по утрамъ и по вечерамъ, прибавляя къ нимъ иногда по три унціи меду, съ двумя драхмами минеральнаго хрусталю. Около седьмаго дня должно принять потовое, составленное изъ двухъ унцій воды благословеннаго волчеца (*), изъ полудрахмы ѳеріаку,

---

Carduus Benediqtus.

одной драхмы гіацинтоваго конфекта, коралловъ, болуса, то есть печатной глины, и раковыхъ жерновокъ, по пятинадцати грановъ каждаго.

Къ животу должно прикладывать примочки изъ травы просвирокъ, стѣнницы, отрубей, лотуху, портулака, или иныхъ, тому подобныхъ травъ. Весьма также полезно помачивать надмѣру разгоряченныя части тѣла Грецкою губкою, напоенною водою съ водкою. Такъ же весьма хорошо для уменьшенія горячки давать больному глотать или вдыхать паръ горячей воды, ставить ноги въ тепловатую воду, часто полоскать ротъ и горло, часто перемѣнять воздухъ его комнаты, и одѣвать больнаго весьма легкими одѣялами.

Къ сердцу должно время отъ времени прикладывать тряпку, намоченную розовою водою, или водою померанцовыхъ цвѣтовъ, или въ бѣлое вино, распустивъ въономъ двѣ драхмы

ѳеріяку. Послѣ осмаго дня, когда горячка утишится, должно больному дать полторы унціи очищенной кассіи, размѣшавъ оную въ двухъ стаканахъ сыворотки, или декокта; что весьма хорошо и легко его послабитъ.

Естьли разсудятъ за благо дать чего нибудь больному покушать; то ничего болѣе ему не давать, кромѣ тѣлячьей похлебки, или съ цыпленкомъ: прибавляя въ оныя по ложкѣ щавельнаго сока. Между похлебками можно прохлаждать ротъ смородиновымъ, или яблочнымъ ягодникомъ. Иногда можно употреблять четыре сѣмяна холодительныя, съ зернами бѣлаго маку, сбитыя съ лимонною водою съ малымъ количествомъ сахару.

Когда горячка совершенно минуется; то должно раза два дать помянутое слабительное, прибавляя къ оному полъунціи цикорнаго сиропу, или составнаго яблочнаго.

Галіянъ говоритъ, что ему всегда удавалося излѣчивать сію горячку,

давая больному пить изобильно холодную воду.

Иппократъ позволяетъ пить вино въ жесточайшихъ горячкахъ, для спомошествованія пищеваренія и подкрѣпленія больнаго.

4. Возми двѣ части меда и двенадцать частей воды, поставь сіе на огонь, и кипѣти по немногу, пока снимешь всю поднимающуюся пѣну. Потомъ снявъ съ огня сей наваръ, влѣй въ оной не много уксусу, и процѣди сквозь сукно. Сего давай больному по три, или по четыре ложки вдругъ по утру, въ вечеру, ночью и еще когда разсудишь. Сіе лѣкарство умѣряетъ броженіе мокротъ, и препятствуетъ имъ подниматься въ голову.

5. Возми четыре бутылки ключевой воды, пять столовыхъ ложекъ ячменя, и полфунта коринки. Кипяти все сіе, пока три только бутылки воды останется; тогда положи въ ту воду двѣ горсти дикаго щавелю

и столько же простаго, истолокши оныя хорошенько. Дай сему часъ мѣсто вариться; потомъ снявъ съ огня, процѣди сквозь сито. Давай сего пить больному съ померанцовымъ сокомъ и не много сахару.

Клестиръ для горячки.

Возми козьихъ листьевъ (*), истолки ихъ въ ступѣ съ довольнымъ количествомъ воды для промывательнаго, процѣди сквозь холстину, и поставь изъ того клестиръ. Сiе лѣкарство излѣчаетъ отъ горячки, слабитъ и прохлаждаетъ почки.

Перемѣнная лихорадка.

Такъ называется такая лихорадка, которая покидаетъ на нѣсколько времени, и приходитъ, на примѣръ, всякой день по нѣсколько часовъ, чрезъ день, чрезъ два, три и четыре дни, и даже иногда, хотя и весьма рѣдко, чрезъ пять, шесть и семь дней.

(*) Chevre Feuille.

Лихорадка обыкновенно начинается зевотою, потяготою, усталостію, ознобомъ, дрожаніемъ, безпокойствомъ, затруднительнымъ дыханіемъ, тошнотою, рвотою, головною болью, болью въ почкахъ, которая отъ перваго спиннаго состава простирается къ шеѣ, болѣзненнымъ напряженіемъ ипохондровъ, слабостію желудка, слабымъ и частымъ пульсомъ. За симъ слѣдуетъ жаръ, краснота, тягость дыханія, пульсъ сильнѣйшій, великая жажда, жестокая боль въ составахъ и въ головѣ, часто красная и воспаленная моча.

Болѣзнь оканчевается обыкновенно потомъ, болѣе или менѣе изобильнымъ: всѣ припадки перестаютъ, моча становится не столь сыра, и дѣлаетъ осадку подобную толченому кирпичу.

Лѣкарства отъ лихорадокъ.

I. Возми травы малаго златотысячнику и крессу, или листьевъ звѣздчатаго волчеца, и клади оные въ декоктъ и въ похлебки.

2. Разбій три свѣжихъ яица, и смѣшай ихъ съ полугаленкомъ бѣлаго вина; болтай сіе гораздо въ продолженіе четверти часа; потомъ прибавя въ то не много толченаго шафрана, болтай также четверть часа. Храни сей составъ въ плотно закупоренной склянкѣ, и давай пить больному по большой рюмкѣ. Сіе лѣкарство принимается въ между-лихорадочной день, а не въ лихорадочной. (Оно нѣсколько жестоко.)

3. Дай больному выпить рюмку цикорнаго, или кервельнаго соку, незадолго до пришествія лихорадки, и повтори сіе раза три.

4. Лѣкарство весьма полезное толстымъ людямъ страждущимъ лихорадкою.

Возми бутылку, или штофъ бѣлаго вина, положи въ него укропу, полыни, чернобыльнику, розмарину, хелидоніи и шалфея, каждаго по горсти, и поставь на сутки настаиваться. Потомъ перегони въ стеклянномъ кубѣ.

Сей выгнатой воды прими три или четыре унціи, и ходи сколько можно болѣе. Отъ сего лѣкарства причинится рвота безъ всякой боли, и чрезъ то лихорадка можетъ въ одинъ разъ быть прогната. Естьли же сего не случится; то должно повторить.

5. Двѣ драхмы хины, принятыя въ концѣ припадка, весьма полезны отъ весеннихъ перемѣнныхъ лихорадокъ.

Можно хину настаивать въ бѣломъ винѣ и мѣшать ее съ опіумомъ.

Разведи унцію доброй хины съ хорошимъ медомъ и капилернымъ сиропомъ. Влѣй сіе въ бутылку добраго вина, и дай принять больному въ три пріема. 1е при началѣ припадка, 2е на завтра по утру, 3е въ вечеру. Сколько бы лихорадка не была жестока и застарѣла, но непремѣнно пройдетъ отъ сего лѣкарства.

Лѣченіе троехдневной лихорадки, то есть чрезъ день приходящей.

Естьли съ перьваго, или со втораго дня покажется на днѣ мочи бѣ-

лая осадка; то лихорадка болѣе трехъ разъ не придетъ: естьли же нѣтъ; то будетъ она продолжаться семь дней. Когда же перейдетъ за сей срокъ; то будетъ весьма продолжительна. Настоящая тридневная лихорадка кончится послѣ седьмаго припадка. Естьли второй припадокъ жесточаѣ третьяго; то кончится она послѣ четвертаго. Естьли же пятой легче четвертаго; то не перейдетъ она за седьмой. Естьли припадокъ придетъ въ тотъ самой часъ, въ которой предшествующій кончился; то болѣзнь будетъ продолжительна.

1. Не смотря ни на возрастъ, ни на силы, должно больному послѣ втораго припадка поставить весьма холодительный клестиръ. Послѣ того можно выпустить нѣсколько крови.

2. Естьли лихорадка не кончится послѣ третьяго припадка; то въ день четвертаго давай больному слѣдующаго декокта: возми полъунціи Александрійскаго листа, полъунціи

минеральнаго хрусталя, двѣ драхмы крупно истолченнаго солодковаго корня, и наливъ на сіе бутылку холодной воды, дай сутки простоять: потомъ сливъ сей настой, дай больному большой стаканъ онаго послѣ озноба; а оставшееся продолжай давать чрезъ часъ, не давая больному никакого инаго питья. Сей декоктъ весьма скоро излѣчаетъ.

Во время поту перьвыхъ припадковъ, можно давать пить бѣлое вино съ двумя противъ его количества частями декокта изъ спаржей, петрушки, или укропа: естьли же лихорадка продолжится; то должно будетъ прибѣгнуть къ хинѣ.

3. Разболтай въ рюмкѣ водки яичной свѣжей желтокъ и четверть тертаго мушкатнаго орѣха, и прими сіе предъ ознобомъ. Сіе лѣкарство повтори до трехъ разъ; естьли прежде того не исцѣлится. Не худо принять прежде слѣдующее слабительное: возми ребарбару, скамоней, турбиту,

гермодактовъ, сѣраго инбирю и сладкаго анису, каждаго по драхмѣ. Истолки ихъ въ порошокъ, и просѣй сквозь сито особливо. Потомъ смѣшавъ просѣй опять уже вмѣстѣ. Пріемъ сего лѣкарства для десятилѣтняго ребенка состоитъ изъ полудрахмы: для взрослаго человѣка драхма въ бульонѣ, а чрезъ часъ послѣ того поѣсть похлебки. Для сего не должно ни лѣжать, ни даже быть дома, а можно, естьли время хорошо, прогуливаться.

4. Возми селдеріи, малаго шалфея, руты, и сухой крапивы, каждаго по полугорсти: истолки сіе гораздо съ количествомъ противъ орѣха сажи и соли; потомъ прибавь яичной желтокъ, размѣшавъ его съ ложкою уксуса, за часъ до припадка: потерѣвъ симъ хорошенько руку, привяжи къ ней.

Лѣкарство
отъ четверодневной лихорадки.

Сія лихорадка стала въ наши времена весьма рѣдка въ городахъ.

Лѣтняя четвердневная лихорадка рѣдко бываетъ продолжительна; осенняя же долго продолжается, и еще долѣе, естьли приключится при наступленіи зимы.

Когда она произходитъ отъ меланхоліи, или отъ поврежденія селезенки; то припадки ея подходятъ къ тридневной лихорадкѣ, жажда, головная боль и безсоница гораздо мучительнѣе. Также опасно, чтобъ въ послѣдствіи не приключалася отъ того водяная болѣзнь: что часто приключается старикамъ.

Вѣрнѣйшее лѣкарство состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать строжайшую діету, ѣсть одни только здоровыя кушанья, приправленныя небольшимъ количествомъ перцу, соли, мушкатнаго орѣха, гвоздики, тмину, исопу, или горчицы, пить бѣлое нѣсколько теплое вино, не ѣсть никакихъ сырыхъ овощей, ни салаты, ни молошнаго, ни рыбы, а въ день лихорадки не ѣсть ничего, естьли то можно.

I. Послѣ четвертаго, или пятаго припадка надлежитъ пустить кровь, и естьли увидятъ, что кровь черна, то должно повторить кровопусканіе: естьли же красна; то остаться при томъ.

Для тѣхъ же, у коихъ былъ застарѣлый почечуй, и они отъ него совсемъ излѣчились, надлежитъ оной открыть снова.

Чрезъ день послѣ кровопусканія надлежитъ принять слѣдующее слабительное: по утру натощій желудокъ возми многоножника двѣ драхмы, хмѣлю, мелиссы и укропу, каждаго по двѣ щепоти, вскипѣти все сіе вмѣстѣ въ полубутылкѣ воды до уменьшенія половины; потомъ слѣй сей наваръ, и прибавь въ него шесть драхмъ двойнаго касоликону съ унціею составнаго яблочнаго сиропа. Сіе слабительное должно повторять четыре раза въ свободныя отъ лихорадки дни, подбавя въ третіе и въ четвертое по двѣ драхмы Александрійскаго листу

въ наваръ, а сверьхъ помянутаго яблочнаго сиропа, полъунціи состава Hamech и двѣ драхмы двойнаго каѳоликону. Послѣ сего можно смѣло давать хину.

2. Принимай въ теченіе недѣли непосредственно предъ кушаньемъ по полудрахмѣ хины въ порошкѣ, размѣшавъ его въ полустаканѣ воды.

3. Распусти въ двухъ унціяхъ водки драхму ѳеріяку. Дай сіе принять, когда почувствуетъ больной ознобъ. Сіе лѣкарство болѣе прилично толстымъ, нежели тонкимъ людямъ.

Что касается до прочихъ лихорадокъ, кои еще неправильнѣе четверодневной; то ихъ надлежитъ симъ же способомъ лѣчить: напримѣръ, та, которая приходитъ въ пятой день, давая четыре дни отдыха, и пр. Того ради во всѣхъ сихъ неправильныхъ лихорадкахъ должно пользовать лѣкарствами, предписанными отъ четверодневной лихорадки, произходящей отъ поврежденія селезенки.

РАЗНЫЯ ЛѢКАРСТВА ОТЪ БОРОДАВОКЪ.

1. Три бородавки уксусомъ, въ коемъ истолки сперьва рѣпяшнику (*) и соли.

2. Натирай ихъ мышиною свѣжею кровью.

3. Слѣдующее лѣкарство весьма похраляется. Разрѣжь яблоко на двое: потри бородавку внутреннею мякотью, пока она сдѣлается отъ тренія нѣсколько тепловата. Вздѣнь на нитку, и соедини вмѣстѣ обѣ половины яблока, и положи ихъ въ такое мѣсто гдѣ бы ни какое животное не могло ихъ съѣсть. Бородавка будетъ уменьшаться по мѣрѣ, какъ яблоко станетъ согнивать. Но говорятъ, что сіе лѣкарство не будетъ имѣть никакого дѣйствія, естьли какое либо животное съѣстъ яблоко, пока еще оно не сгнило.

4. Говорятъ, что естьли бородавку потерѣть фиговымъ листомъ;

(*) Herla Aqrimonia

то она пройдетъ. Нѣкоторые приписываютъ то же дѣйствіе голубиному сердцу.

5. Отрѣжь голову живому угрю, и помажь бородавки тѣкущею изъ него кровью.

6. Три часто бородавки травою портулакомъ, и обертывай на ночь руки въ сію траву.

7. Поелику сіи наросты не всегда сими лѣкарствами сгоняются; то можно употребить нашатырь распущенный въ водѣ. Лѣкарство сіе непремѣнно подѣйствуетъ, естьли только употреблено будетъ, какъ должно. Опасайтесь наипаче употреблять на сіе крѣпкія водки. Правда, что онѣ съѣдаютъ бородавки, но всегда съ болью, и оставляютъ по себѣ непріятные знаки.

8. Естьли корень бородавки не широкъ; то перевязываютъ оной лошадинымъ волосомъ, или шелковинкою, или вощаною ниткою. Такимъ образомъ бородавки изсыхаютъ, и сва-

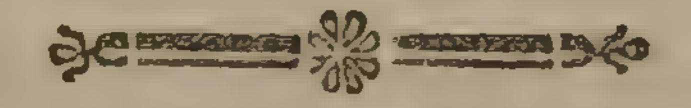
ливаются. Но однако же корень остается и часто вновь бородавка выростаетъ.

9. Возми кусокъ сырой говядины, и въ вечеру, ложася спать, три оною бородавки до тѣхъ поръ, пока отъ тренія говядина согрѣется. Сіе сдѣлай раза три, или четыре, всегда наблюдая при томъ, не смывать то мѣсто, гдѣ бородавки, прежде, какъ по утру на другой день. Чрезъ нѣсколько дней увидишь, что бородавки отстанутъ отъ кожи и свалятся.

10. Смѣшай по равнымъ частямъ черного мыла, живой извести и слюны, сдѣлай изъ того родъ тѣста. Намазавъ онаго на холстину, или на кожу, приложи къ бородавкѣ. Чрезъ сутки сними, и бородавка выйдетъ даже и съ корнемъ.

Иные срѣзываютъ бородавки; но изъ того двѣ неудобности происходятъ: 1е. Стержень бородавки

неминуемо долженъ остаться весь въ цѣлости; то слѣдовательно чрезъ нѣсколько времени выростетъ на томъ мѣстѣ опять бородавка, можетъ быть болѣе еще первой. 2е. Можетъ отъ того сдѣлаться воспаленіе, и дурныя имѣть слѣдствія.

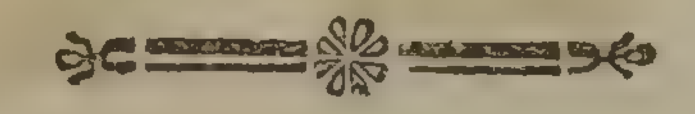
ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ ПРЕДПИСАНІЯ, КАСАТЕЛЬНО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ВООБЩЕ.

ВѢРНѢЙШІЙ И ЛЕГЧАЙШІЙ СПОСОБЪ ПОТУШАТЬ ПОЖАРЫ.

Сей способъ состоитъ въ томъ, чтобъ изъ обыкновенныхъ пожарныхъ трубъ метать воду, напитанную постоянными солями, какъ то: квасцами, купоросомъ, щелочною солью, мѣломъ, известью, или золою. Малое количество воды, напитанной какимъ либо изъ сихъ веществъ, столько же, или еще и болѣе дѣйствія производитъ, какъ и безчисленное множество простой воды. Сіе дѣйствіе еще удивительнѣе бываетъ, когда огонь пожираетъ какія либо жирныя или сѣрныя вещи, кои горятъ иногда и въ самой водѣ. — Должно наблюдать, употребляя для

заливанія сію воду, чтобъ немедленно по затушеніи пожара вымыть горяздо трубу, и отнюдь не оставлять въ ней ѣдкихъ частицъ помянутыхъ матерій: ибо безъ сей предосторожности они причинятъ ей вредъ.

СПОСОБЪ ГРАВИРОВАТЬ НА ДЕРЕВѢ.

Приготовь деревянную доску желаемой величины и толщины, чтобъ она была весьма гладка съ той стороны, гдѣ хочешь вырѣзывать. Для сего предпочитается всѣмъ прочимъ деревьямъ букъ, но за неимѣніемъ оного можно употреблять и многія иныя, кои покрѣпче. На сей доскѣ нарисуй перомъ и чернилами то, что хочешь вырѣзывать. Неумѣющіе же рисовать употребляютъ данный имъ рисунокъ; наклѣиваютъ его на доску добрымъ пшеничнымъ клестеромъ, свареннымъ на водѣ съ немногимъ количествомъ

уксуса. Надлежитъ, чтобъ черты были приклѣены къ дереву. Когда же бумага высохнетъ; то полегоньку моютъ ее, и намочивъ въ водѣ палецъ, стираютъ по немногу и осторожно бумагу, такъ, что наконецъ останутся на деревѣ одни только черты рисунка, кои показываютъ на доскѣ мѣста, долженствующія остаться: что лежитъ до прочаго; то оное рѣщику должно все срѣзать съ осторожностію концемъ перочиннаго ножичка, или чемъ либо другимъ острымъ, смотря по нѣжности работы. — Не лишнее будетъ для незнающихъ присоединить, что гравировка по дереву совсемъ различна отъ мѣдной: ибо на сей черты рисунка вырѣзаны, а прочія мѣста выпуклы, а на деревѣ черты сіи должны быть выпуклы, а прочее все вырѣзано. Печатаютъ же сими деревянными досками точно такъ, какъ литерами въ типографіи, натирая ихъ такимъ же веществомъ.

РЕЦЕПТЪ, КАКЪ ДѢЛАТЬ ЛУЧШІЯ КИТАЙСКІЯ ЧЕРНИЛЫ, ИЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМУЮ ТУШЬ.

Возми довольное количество абрикосовыхъ косточекъ, вынь изъ нихъ ядра, заверни скорлупу хорошенько въ два капустные листа, одинъ на другой положенные, и свяжи сей свертокъ желѣзною или мѣдною проволокою, перепутавъ оную туда и сюда многократно. Учинивъ сіе, естьли имѣешь печь, истопленную для сажанія хлѣбовъ; то положи въ оную сей свертокъ прежде, нежели посадятъ хлѣбы: ежели же не имѣешь сей удобности; то положи сей свертокъ на шестокъ, когда уже онъ разгорячится, покрой его золою, и надъ оною разведи огонь: ибо нужда только въ томъ, чтобъ симъ, или другимъ средствомъ скорлупа претворилась въ уголь, но только тлѣла бы, а отнюдь не горѣла. Когда сей уголь будетъ готовъ; то

дай ему простынуть въ его оберткҍ; потомъ снявъ оную, положи уголь въ иготь, покрытую кожею, и истолки въ неощутительной порошокъ, которой просҍй потомъ сквозь сито весьма частое. Между тҍмъ распусти въ водҍ столько камеди, чтобъ вода сдҍлалась отъ того густовата, и взявъ гладкую марморную плиту, положи на оную чернаго сего порошку, и наливъ нҍсколько камедной воды, сдҍлай изъ того родъ тҍста, растеревъ гораздо курантомъ, какъ поступаютъ съ красками. Послҍ сего должно сіе тҍсто разложить въ небольшія формы, сдҍланныя изъ картъ и натертыя бҍлымъ воскомъ, дабы тушь къ картҍ не пристала, и такимъ образомъ дать высохнуть. Тогда тушь и будетъ готова. Запахъ же настоящей Китайской туши происходитъ отъ того, что Китайцы подмҍшиваютъ въ воду немного мускусу, прежде, нежели распускать въ ней камедь. Можно также и намъ

подражать имъ въ ономъ, хотя сіе и лишнее: ибо мускусъ нимало не даетъ доброты черниламъ, сверьхъ же того многимъ бываетъ и противенъ.

Поелику доброта употребляемыхъ веществъ споспѣшествуетъ и добротѣ составовъ; то желающіе учинить сей опытъ, должны употребить на то воду самую чистую, въ которой бы не было иловатыхъ или песчаныхъ частицъ: камедь же должно выбирать для сего самую бѣлую и чистую.

СПОСОБЪ СОХРАНЯТЬ СЫРЪ.

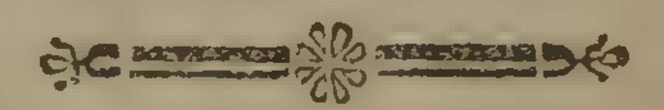
Естьли увидишь, что сыръ началъ портиться; то сдѣлавъ въ ономъ отверстіе, положи въ оное кусокъ мѣлу, и залѣпи масломъ коровьимъ, чтобъ мѣлъ не выпалъ. Учинивъ сіе, будь увѣренъ, что сыръ не станетъ болѣе портиться, потому, что мѣлъ втянетъ въ себя всю сырость, отъ

которой онъ портился. Естьли же въ сырѣ заведутся черви; то потри то мѣсто, гдѣ ихъ увидишь, дубовою золою, то они всѣ помрутъ.

ЕКОНОМИЧЕСКОЙ ШОКОЛАДЪ.

Положи въ горшокъ, или въ желѣзной котликъ, поставя его на огонь, двѣ ложки хорошей пшеничной муки; поджарь оя сухую хорошенько, помѣшивая безпрестанно деревянною ложкою. Когда она сдѣлается почти совсемъ черна; то вылѣй въ горшокъ потихоньку бутылку молока, не забывая мѣшать муку; потомъ прибавь въ нее немного корицы съ довольнымъ количествомъ сахару. Дай сему кипѣть столько, сколько потребно для шоколада, и не переставай мѣшать. Когда сварится; то распусти въ немъ одинъ или два яичныхъ желтка, и вынь изъ огня. Сей составъ будетъ

имѣть густоту, цвѣтъ и вкусъ настоящаго шоколада, и сверьхъ того весьма здоровъ и питателенъ.

КАКЪ СДѢЛАТЬ НЕЗГАРАЕМУЮ СВѢТИЛЬНЮ.

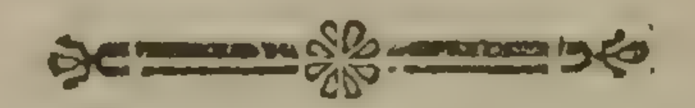
Возми пухообразныхъ квасцовъ (*) вырѣжь ихъ на подобіе свѣтильна, и обмакни въ деревянное масло.

СПОСОБЪ ПРЕДОХРАНЯТЬ СЕБЯ НОЧЬЮ ВЪ СПАЛЬНѢ ОТЪ КОМАРОВЪ.

Затворивъ окны въ своей горницѣ, поставь въ ней за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, стеклянной зажженной фонарь, которой натри снаружи медомъ, разведен-

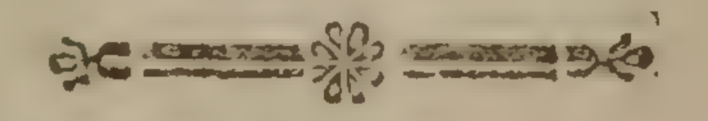
(*) Alumen plumosum.

нымъ на винѣ, или на розовой водѣ. Сей медъ и свѣтъ привлекутъ всѣхъ комаровъ, которые случатся въ комнатѣ, и они подлѣтевъ къ фонарю, такъ пристанутъ, что ни какъ не можно будетъ имъ оторваться. И такимъ образомъ можно будетъ спать, не опасаясь отъ комаровъ безпокойства.

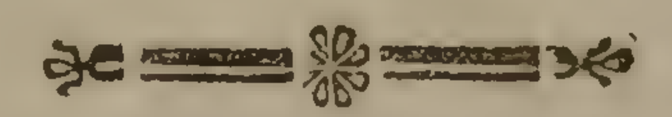
СПОСОБЪ УЧИНИТЬ ВЕСЬМА КРѢПКИМЪ ОСТРІЕ НОЖА.

Истолки земляныхъ червей, и выжми изъ нихъ сокъ. Сей сокъ смѣшай съ равнымъ количествомъ тертаго хрену. Погаси въономъ два или три раза ножь; то послѣ сего остріе ножа сдѣлается столько крѣпко, что будетъ перерубать и рѣзать желѣзо, какъ свинецъ. Симъ способомъ можно учинить твердыми не только ножи; но топоры, сабли и проч.

СПОСОБЪ КРАСИТЬ РОГЪ ПОДЪ ЦВѢТЪ ЧЕРЕПАХИ.

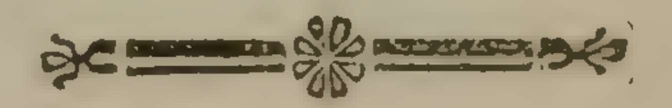
Возми унцію глету (litargirium) полъунціи негашеной извести, смѣшай хорошенько вмѣстѣ, и разотри на уринѣ такъ, чтобъ смѣсь сія была не густа и не жидка, но какъ кисель: симъ составомъ покрой рогъ, и чрезъ три, или четыре часа снявъ сей слой, увидишь, что рогъ совершенно окрасился.

КАКЪ ДѢЛАТЬ СЫРЪ ИЗЪ ЗЕМЛЯНЫХЪ ЯБЛОКОВЪ, ИЛИ КАРТОФЕЛЕЙ.

Возми сколько хочешь земляныхъ яблоковъ, и давъ имъ хорошенько вскипѣть въ водѣ, облупи ихъ, и потомъ изомни руками такъ, чтобъ сдѣлалось изъ того тѣсто. Прибавь къ сему тѣсту столько же творогу, или по меньше, естьли разсудишь: лишь бы

только сіе было хорошенько смѣшано, и имѣло бы извѣстную густоту; то сего и довольно. Тогда положи въ сіе тѣсто соли, лавроваго листу и нѣсколько толченой гвоздики, и размѣшавъ хорошенько, покрой и оставь на сутки, чтобъ нѣсколько закисло; послѣ чего катай изъ того небольшіе сырцы, какъ водится. Должно замѣтить, что сіи сыры чемъ старѣе, тѣмъ лучше.

ОКОНЧАНІЕ ДОСТОВѢРНЫХЪ ПРИЗНАКОВЪ О БУДУЩЕМЪ ДОЖДѢ.

Признаки дождя по животнымъ.

1. Когда дрозды и скворцы высоко лѣтаютъ; то знакъ дождя.

2. Естьли быки и коровы поднимаютъ голову въ верьхъ, смотрятъ на Полдень, облизываютъ копыта, и идутъ съ ревомъ къ своимъ хлѣвамъ; то знакъ дождя.

3. Передъ дождемъ обыкновенно всѣ шерстистыя животныя бѣгаютъ, и между собою играютъ.

4. Когда ласточки лѣтаютъ ниже обыкновеннаго, и купаются на рѣкахъ; то надлежитъ ждать дождя.

5. Часто также лягушечій крикъ предзнаменуетъ дождь.

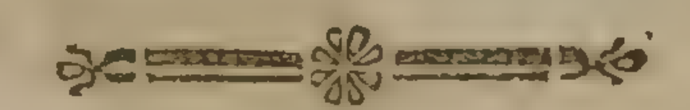
6. Часто по причинѣ скораго наступленія ненастья муравьи останавливаются на дорогѣ, и зарываются въ землю, и тащатъ туда свои яица, или справедливѣе сказать, свои куколки; тогда можно ожидать изобильнаго дождя.

7. Когда вороны или галки станутъ лѣтать стадами и кричать; то всегда вскорѣ послѣ того бываетъ дождь.

8. Передъ дождемъ гуси, утки и прочія водяныя птицы поднимаются на водѣ, хлопаютъ крыльями, кричатъ, бѣгаютъ по водѣ, перелѣтываютъ и ныряютъ; тогда рыба всплываетъ по верьхъ воды.

9. Ежели пѣтухи поютъ не въ обыкновенное время, а особливо въ вечеру; то будетъ дождь.

10. Пчелы передъ дождемъ не отлѣтаютъ отъ своихъ ульевъ.

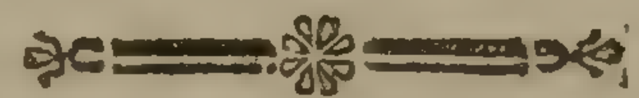

КАКЪ ПРИГОТОВЛЯТЬ ПРЕВОСХОДНОЕ МЫЛО, НАЗЫВАЕМОЕ СЕРАЛЬСКИМЪ.

Возми фунтъ фіялковаго порошку, четыре унціи роснова ладану, двѣ унціи стираксы, столько же желтаго сандалу, полъунціи гвоздики, драхму корицы, немного лимонной корки, унцію сасафрасу и мушкатной орѣхъ, и все сіе истолки въ порошокъ.

Потомъ возми два фунта бѣлаго мыла скобленаго. Положи его на четыре или на пять дней въ полтара галенка водки съ вышеписанными порошками. Потомъ изомни его гораздо съ бутылкою воды изъ померанцовыхъ

цвѣтовъ, или другова какова запаха. Потомъ возми довольное количество толченаго и просѣяннаго крахмала; смѣшай его съ помянутыми специями и съ мыломъ, и сдѣлай изъ всего онаго тѣсто. Тогда распустивъ немного гумми адраганта въ душистой водѣ съ пятью или шестью желтками яичными, катай на сей водѣ мыльныя шарики, какой разсудишь величины.

СПОСОБЪ, ЧТОБЪ ВЪ ЛАМПАДѢ НЕ БОЛѢЕ ДВУХЪ СТОЛОВЫХЪ ЛОЖЕКЪ МАСЛА ЗГОРѢЛО ВЪ ШЕСТЬ ЧАСОВЪ ВРЕМЕНИ.

Вырѣжь четвероугольной лоскутокъ бумаги, шириною въ три четверти дюйма, скатай его трубкою, и съ одного конца разрѣжь, какъ поступаютъ съ карточками для подсвѣчниковъ; дабы разрѣзанныя мѣста, будучи загнуты, могли служить основані-

емъ. Сію бумажку поставь такимъ образомъ въ масло, и зажги вмѣсто свѣтильни.

РАЗНЫЕ ЛЮБОПЫТНЫЕ СЕКРЕТЫ ДЛЯ ОХОТНИКОВЪ ДО ЦВѢТОВЪ.

Какъ имѣть ранніе цвѣты.

Цвѣты, кои обыкновенно цвѣтутъ весною и лѣтомъ, будутъ и зимою, естьли станешь ихъ питать жирными и горячими веществами, какъ то: гущею виноградною, или лошадинымъ навозомъ, обкладывая ихъ оными.

Вода скотныхъ дворовъ весьма ускоряетъ распусканіе цвѣтовъ.

Естьли съ начала Октября обрѣжешь надмѣру выбѣжавшіе вверьхъ листья и вѣтви левкоевъ, фіолей, гвоздикъ и проч. и заросешь обрѣзанное съ жирными и солонистыми веществами; то будешь имѣть цвѣты четырью мѣсяцами ранѣе обыкновеннаго.

Способъ придать цвѣтамъ необыкновенный цвѣтъ.

1. Возьми весьма жирной земли довольное количество и положи на солнце, пока превратится она въ мѣльчайшую пыль; сію пыль поливай недѣли двѣ или три красною, синею, зеленою или другаго цвѣта водою, и потомъ въ сію землю посѣй сѣмяна такого цвѣта, которыхъ бы натуральной цвѣтъ былъ совершенно противенъ тому, которой желаешь ему придать.

2. Посѣй гвоздичное сѣмя въ сердцѣ стараго корня дикаго цикорея, разрѣзавъ оной, и потомъ связавъ крѣпче, оклади кругомъ перегорѣлымъ навозомъ. Чрезъ сіе получишь голубыя гвоздики весьма яркаго и красиваго цвѣта; что весьма будетъ необыкновенно.

3. Привей къ одному гвоздичному кусту разныхъ цвѣтовъ гвоздикъ; то будешь имѣть на одномъ

кусту разноцвѣтныя гвоздики; что весьма удивительно видѣть.

Что касается до такихъ цвѣтовъ, коихъ стволы и вѣтви толсты и тверды; то ихъ должно прорѣзывать до сердца, и въ сіе отверстіе положить такой краски, какой желаешь чтобъ были цвѣты; потомъ замажь сіе отверстіе коровьимъ каломъ, или горшечною глиною: цвѣты симъ средствомъ будутъ столько разноцвѣтны, сколько сортовъ положено было въ стволъ ихъ красокъ.

Надлежитъ примѣтить, что дѣйствіе сихъ художественныхъ цвѣтовъ не далѣе года продолжается; послѣ чего растѣніе опять приметъ въ цвѣтахъ своихъ природной цвѣтъ.

Нѣкоторые совѣтуютъ поливать растѣнія такого цвѣта водою какая краска положена въ стволъ. Для чернаго цвѣта можно употребить нѣсколько ольховыхъ плодовъ, изсушивъ ихъ и истолокши въ порошокъ: зеленый цвѣтъ дѣлается изъ соку травы

руты, синій изъ васильковыхъ, также изтолченныхъ въ порошокъ, красный изъ бакану, въ водѣ распущеннаго и проч. Взявъ одну долю соку, или порошку такой краски, какую желаешь придать цвѣтамъ, смѣшай ея съ тремя долями овечьяго навозу, въ которой прибавь уксусу и соли: изъ всего сего сдѣлай родъ тѣста, и сдѣлавъ въ доброй землѣ ямку, положи въ нее сіе тѣсто; потомъ пересади въ сію землю цвѣтокъ и поливай послѣ, какъ обыкновенно водится. Дѣйствіе сего въ особливости ощутительно наиболѣе въ цвѣтахъ съ природы бѣлыхъ, которые посредствомъ сего можно сдѣлать синими, зелеными, черными и проч. Не должно, чтобъ роса или дождь мочили сіе растѣніе. Днемъ можно высыпавлять его на Солнце.

Естьли кто желаетъ, чтобъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ были пурпуровыя; то надлежитъ поутру и въ вечеру поливать крѣпкимъ сандальнымъ наваромъ, простудивъ оной.

Поливая бѣлыя лилеи четырью или пятью красками въ разныхъ мѣстахъ, можно имѣть весьма странные цвѣты.

Какъ сохранять всякаго рода цвѣты.

I. Возми просѣяннаго пѣску, мой его въ водѣ, пока оная будетъ чиста, потомъ высуши хорошенько. Возми горшокъ, или жестяной какой нибудь сосудъ. Сорви цвѣтокъ въ самомъ его совершенствѣ, и чтобъ онъ не былъ сыръ, поставь его прямо въ горшкѣ такъ, чтобъ онъ не касался къ нему ни съ какой стороны, а другою рукою сыпь по немногу пѣску въ горшокъ. Когда вся цвѣточная ножка засыплется такимъ образомъ; то раздвинувъ немного цвѣточныя листочки, засыпь ихъ самымъ мѣлкимъ пѣскомъ. Наполнивъ такимъ образомъ сосудъ, поставь его на два мѣсяца или на мѣсяцъ на Солнце, или въ другое какое теплое и сухое мѣсто, только

чтобъ оное было защищено отъ дождя. Послѣ сего времени вынешь цвѣтокъ изъ пѣску столь же свѣжемъ, какъ съ вѣтки сорванный; но только запаху онъ имѣть не будетъ.

Нѣкоторыя нужныя предписанія, до цвѣтовъ касающіяся.

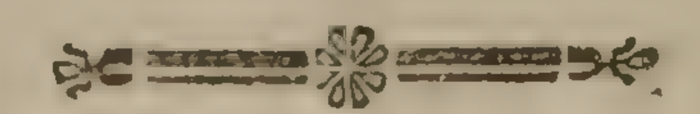
1. Цвѣты сѣмянныя, или отводочныя, требуютъ многаго поливанія, пока не укорѣнятся: въ большія же жары, кромѣ сего, не должно ихъ держать на Солнцѣ.

2. Когда они хорошо принялись, и нѣсколько подросли; то должно хорошенько размять окружающую ихъ землю, которая отъ поливки можетъ сдѣлаться твердою.

Способъ придать пріятный запахъ такимъ цвѣтамъ, которые отъ природы его не имѣютъ, или имѣютъ, но весьма противный.

Для сего надлежитъ прежде, нежели станешь сѣять цвѣты, распус-

тить нѣсколько овечьяго навоза въ уксусѣ. Положи туда немного мускусу, выхухоли, или толченой амбры: въ семъ составѣ дай полежать семянамъ, или луковицамъ, нѣсколько дней, и потомъ посѣявъ поливай симъ же взошедшее растѣніе, и когда на немъ будутъ цвѣты, то весьма пріятной запахъ отъ сего получатъ· сіе подтверждено опытами. Что касается до цвѣтовъ, кои разводятся отводками; то съ ними сіе дѣйствіе производится такъ, какъ выше сказано о краскахъ.

О СОСТАВЛЕНІИ РАЗНОЦВѢТНЫХЪ ЧЕРНИЛЪ.

Красныя чернилы.

Распусти полъунціи камеди въ трехъ унціяхъ розовой воды, и симъ разведи киноварь.

Зеленыя чернилы.

Смѣшай вмѣстѣ, и сотри соку

травы руты, яри и шафрана, и разведи на камедной водѣ.

Чернилы золотыя безъ золота.

Возми унцію аврипигменту, и столько же хрусталю, изотри ихъ въ мѣлкой порошокъ на плитѣ, и всыпь сей порошокъ въ пять или въ шесть яичныхъ бѣлковъ, сбитыхъ и претворенныхъ въ воду; смѣшай все сіе гораздо вмѣстѣ, и получишь жидкость, которою можешь писать золотыми буквами.

Чернилы серебряныя безъ серебра.

Возми унцію самаго чистаго олова, двѣ унціи ртути, смѣшай ихъ столько, чтобъ они получили текучесть, потомъ сотри на плитѣ съ камедною водою: написанное симъ составомъ будетъ казаться серебренымъ.

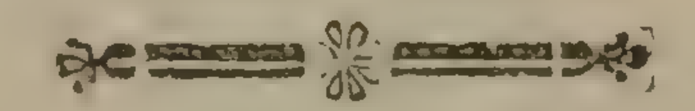
Чернилы голубыя.

Возми полфунта индиго съ бѣлилами, распусти съ камедною водою и съ сахаромъ въ небольшомъ фаянсовомъ горшечкѣ, и размѣшивая по не-

многу кистью, прибавь довольное количество воды, и перемѣшивай всякой разъ, когда станешь писать.

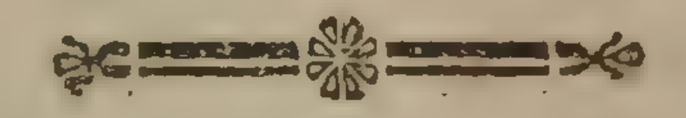
Желтыя чернилы.

Возми шафрана, или гумми гуттпу, и размѣшай ихъ на винѣ такъ, какъ сказано о голубыхъ.

СПОСОБЪ ОТКАРМЛИВАТЬ БЫКОВЪ.

Замѣси густо тѣста изъ овсяной муки, и прибавя въ него немного соли, накатай шариковъ величиною съ гусиное яицо. сихъ шариковъ давай быкамъ съ начала по три раза въ день, прежде по одному, и такимъ образомъ прибавляя, наконецъ вдругъ по пяти, пропѣхивая ихъ въ горло, какъ поступаютъ съ каплунами.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,
ПРОДОЛЖЕНІЕ О КУШАНЬЯХЪ.

I.
РЫБІЙ ПОТРОХЪ.

Потрохъ осетриной, или бѣлужій, или какой случится изъ другихъ рыбъ, обварить въ кипяткѣ, вычистить, кишки изшинковать, а молоки съ печенками изрѣзать въ куски съ масломъ, и положить его съ петрушкою и кореньями, накатить изъ живой рыбы бульономъ, положить еще фаршу, а какъ закипитъ, то переложить его въ потрохъ; когдажъ совсѣмъ поспѣетъ, прибавить туда зеленой петрушки, укропу и соленаго лимона, прикрасить лимоннымъ сокомъ и положивъ перцу, подавать.

2.

КАКЪ ЩУКУ ВАРИТЬ.

Взять щуку, шелуху очистить, разпластать, вынуть изЪ нее потрохЪ, вымыть и изрѣзать на штуки; прежде каждую штуку взявЪ, поднять кожу ножемЪ, и вырѣзывать по немногу тѣла, когда все сіе сдѣлаешь, то щуку присыпай солью, а вырѣзанное мясо и упомянутой потрохЪ, изруби ножемЪ вмѣстѣ хорошенько, положи по немногу зеленаго и рѣпчатаго луку, петрушки, перцу, щепотку муки, соли, и все оное вмѣстѣ руби; и когда довольно изрублено будетЪ, то онымЪ фаршемЪ начини щуку вЪ тѣхЪ мѣстахЪ, которыя прежде ты вырѣзалЪ; потомЪ возми небольшую кастрюльку, влѣй бѣлаго вина рюмку, положи Прованскаго масла и ренскаго уксусу полрюмки, взбѣй хорошенько, половину онаго вылѣй вЪ кастрюльку, и положи туда щуку, хорошенько посыпь сверьху тертымЪ калачемЪ, уклади

нарѣзанными кружками лимона, положи духовъ и кореньевъ, и сверьхъ онаго вылѣй другую половину приготовленнаго соусу, поставь на хорошій жаръ, покрывши въ печи; ежели кому угодно вмѣсто Прованскаго масла можно положить Чухонскаго столько же.

3.

КОТЕЛЕТЫ ИЗЪ СВѢЖЕЙ СВИНИНЫ ВЪ РАГУ.

Изрѣжь свѣжее свиное ребро по котелетамъ, и вари ихъ, положа въ каспрюльку немного бульону, пучокъ травъ, немного соли и перцу; возми потомъ телячьи молоки, обвари ихъ, изрѣжь, и положи въ каспрюльку съ грибами, нѣсколькими печенками птичьими и небольшимъ кускомъ масла, поставь ихъ на огонь; положи туда хорошую щепоть муки, размочи половину бульономъ, влѣй также стаканъ

бѣлаго вина и соку, нужнаго для придания хорошаго цвѣта рагу, также положи соли, цѣльнаго перцу, пучокъ петрушки, цибули, полчесношную головку, двѣ головки гвоздики, навари его хорошенько, и полѣй имъ котелеты. Можно приготовлять котелеты такимъ же образомъ какъ рагу; и когда они почти совсѣмъ уже сварятся, то положи туда молоки, печенки и грибы съ такою же приправою.

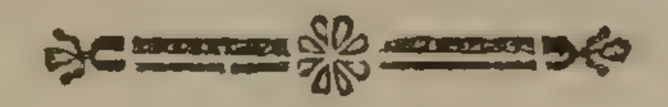

4.

ФИЛЕЙНАЯ ЧАСТЬ ЯГНЕНКА.

Положи въ кастрюльку кусокъ масла и грибовъ, изруби пучокъ травъ, поставь ихъ на огонь, и положи туда щепоть муки, полѣй бульономъ, дай вариться грибамъ до тѣхъ поръ, какъ не останется почти ничего соусу, тогда филейную часть ягненка, жареную на вертелѣ, изрѣжь въ тонень-

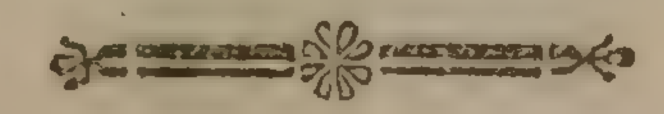
кіе и маленькіе кусочки, положи туда три яичныя желтка, разболтавъ ихъ съ молокомъ, дай сгуститься сосусу на огнѣ, но только чтобъ онъ не вскипѣлъ; приправь его хорошимъ вкусомъ, положивъ туда немного лимоннаго соку, и подавай на столъ, вливъ еще немного уксусу.

5.

КАКЪ СОЛИТЬ МЯСО.

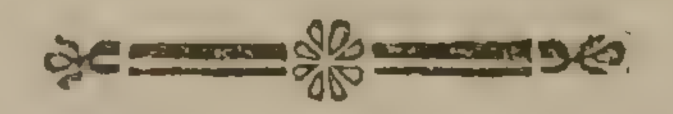
Взять мяса 100 фунтовъ, соли гораздо сушеной 4 фунта и 66 золотниковъ, селитры мѣлко истолченной 24 золотника; или, что все равно, на 12 фунтовъ мяса положить соли 54 золотника, селитры 3 золотника; и ежели разсолу не будетъ, то должно сварить штофъ воды, размѣшать въ ней соли; и когда она простынетъ, то влить ее въ мясо.

6.

БУЖЕНИНА.

Взять свиной окорокъ свѣжїй, снять кожу, натереть солью, положить перцу, нашпиговать лукомъ, изтолочь по больше лавроваго листа, и все класть на окорокъ, кожею накрыть, положить въ посудину, налить квасу, ренскаго уксусу немного, дать мокнуть трои сутки, потомъ вынуть и жарить въ печи. — Индѣйку можно такимъ же образомъ жарить и готовить, такъ какъ свинину, и подавать на столъ.

7.

КАКЪ ДѢЛАТЬ КОПЧЕНЫЯ КОЛБАСЫ.

Свиныхъ окороковъ мясо изрубить мѣлко одну мѣру, потомъ говяжьяго мягкаго мяса изрубить, накрошить

свинаго сала мѣлко такуюжь часть, чтобъ было не изъ нутри, а срѣзанное съ мяса отъ жилъ очистить хорошенько, смѣшать вмѣстѣ, и положить соли, немного кишнецу, и ежели есть, толченой селитры съ полложки, смотрѣть чтобъ кишки были толсты; а начинивши ихъ, связать въ трехъ тонкихъ палочкахъ, и повѣсить на морозъ дни на два, а потомъ повѣсить въ дымъ, смотрѣть, чтобъ было имъ не горячо, покоптить дней пять; снять и перевязать покрѣпче палочки, и опять повѣсить коптить, и смотрѣть, чтобъ прокоптѣли, и былибъ туги.

Продолженїе впредь.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

СВОЙСТВО КАВАЛЕРА РОГЕРА КОВЕРЛИ И ЕГО ДОМАШНИХЪ.

Согласясь на усильныя прозьбы друга моего Рогера Коверли, чтобъ проводить съ нимъ мѣсяцъ у него въ деревнѣ, пріѣхалъ я въ оную съ нимъ на прошедшей недѣлѣ, и вознамѣрился нѣсколько времени тамъ прожить. Рогеръ, зная мой нравъ, далъ мнѣ волю ложиться спать и вставать, когда мнѣ за благо разсудится, обѣдать съ нимъ за столомъ, или у себя въ горницѣ, какъ мнѣ разсудится, сидѣть и молчать сколько мнѣ хочется, и отнюдь не принуждать себя къ веселымъ разговорамъ. Когда сосѣди его пріѣзжаютъ

къ нему въ гости; то онъ имъ меня изъ дали только показываетъ: случалось даже нѣсколько разъ, что прогуливаясь по его полямъ, видѣлъ я, какъ нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли на меня украдкою чрезъ заборъ, и слышалъ, какъ другъ мой говорилъ имъ, чтобъ они не показывались; ибо де онъ не любитъ, кто на него смотритъ.

Я тѣмъ болѣе спокоенъ и доволенъ въ его семьѣ, что оная составлена изъ людей благоразумныхъ и добродѣтельныхъ: по чему, которой есть наилучшій въ свѣтѣ господинъ, ни когда почти служителей своихъ не замѣщаетъ другими; слуги его, любя своего господина, и не думаютъ никогда его оставить. Отъ сего-то происходитъ, что они всѣ почти стары и состарѣлися съ своимъ господиномъ. Камердинера его можно почесть его братомъ; ключникъ его посѣдѣлъ весь, какъ лунь. Конюхъ такъ важенъ, что я такова человѣка

и не видывалъ, а кучеръ точно древній Римскій сенаторъ. Безпримѣрная милость сего добраго господина простирается даже и на престарѣлаго лыску, стерегущаго домъ, и на дряхлаго сѣраго иноходца, котораго кормятъ весьма хорошо за прежную его службу, хотя онъ уже нѣсколько лѣтъ, по причинѣ старости своей ничего не можетъ дѣлать.

Какое было для меня удовольствіе видѣть радость, блистающую на лицахъ престарѣлыхъ сихъ слугъ при возвращеніи друга моего въ деревню! Нѣкоторые не могли даже удержать слезъ своихъ, увидя своего добраго господина; они всѣ наперерывъ старалися ему чемъ нибудь услужить: а тѣ, коимъ не чего было ему приказать, казались, отъ того въ великомъ огорченіи. Послѣ того добрый мой другъ съ родительскою любовію и съ тихою властію добродѣтельнаго господина, дѣлалъ имъ многіе вопросы о домашнихъ обстоятельствахъ,

перемѣшивая оные съ нѣкоторыми обязательными вопросами о собственныхъ ихъ дѣлахъ. Сіе милостивое и вѣжливое обхожденіе преклоняетъ къ нему сердца его домашнихъ столь сильно, что ежели онъ надъ кѣмъ изъ нихъ шутитъ; то всѣ смѣются, а особливо тотъ, котораго удостоиваетъ онъ своими шутками; но естьли случится ему закашляться, или показать какой либо признакъ старости: то въ глазахъ всѣхъ его служителей изображается внутренняя о томъ горесть, ихъ удручающая.

Мой знаменитый другъ рекомендовалъ меня въ особливости честному своему ключнику, человѣку весьма степенному, и которой старается мнѣ угождать, подобно прочимъ своимъ товарищамъ, по той причинѣ, что они слыхали отъ господина своего, что я есмь лучшій его другъ.

Когда Рогеръ Коверли забавляется полевою охотою; то мнѣ въ отсутствіе его сотовариществуетъ весьма

почтенный человѣкъ, а имянно Священникъ того села, живущій тамъ уже лѣтъ тридцать, человѣкъ весьма разумный, знающій, учтивый и порядочнаго поведенія. Онъ любитъ Рогера отъ всего сердца, и знаетъ, что и онъ платитъ ему тѣмъ же: такимъ образомъ они обходятся между собою, какъ родственники.

Другъ мой Рогеръ, не смотря на всѣ изящныя его свойства, нѣсколько страненъ; добродѣтели его и несовершенства составляютъ нѣкую необыкновенную смѣсь, отличающую его отъ прочихъ смертныхъ. Сей родъ ума, не имѣющій самъ по себѣ ничего противнаго добродѣтели, учиняетъ обхожденіе его весьма пріятнымъ и гораздо забавнѣйшимъ, нежели было бы оно съ такимъ же умомъ и добродѣтелью въ природной ихъ простотѣ. Вчера въ вечеру, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ прогуливалися, спросилъ онъ у меня, что я думаю о томъ честномъ человѣкѣ, о коемъ я сей часъ

читателю доносилъ, и не дождавшись моего ответа, примолвилъ, что боясь, дабы не быть за столомъ своимъ кѣмъ нибудь обругану, по Латинѣ и по Гречески, просилъ онъ одного своего пріятеля въ Оксфордскомъ Университетѣ, чтобъ онъ сыскалъ для него какого нибудь благовиднаго духовнаго человѣка, при томъ обходительнаго, которой бы имѣлъ болѣе здраваго смысла, нежели знанія, хорошій голосъ, и естьли можно, то чтобъ онъ умѣлъ немного играть въ тавлеи. Пріятель мой, продолжалъ Рогеръ, прислалъ ко мнѣ сего честнаго человѣка, которой, кромѣ вышеписанныхъ дарованій, имѣетъ много свѣденій, какъ-то мнѣ сказывали, но не показываетъ оныя, и тѣмъ не хвастаетъ. Я опредѣлилъ его въ село сіе Священникомъ, и столько увѣренъ въ его достоинствѣ, что въ духовной моей отказалъ ему добрую по смерть его пенсію. Естьли онъ меня переживетъ; то увидитъ, что я болѣе

имѣлъ къ нему уваженія и дружбы, нежели можетъ быть онъ думаетъ. Уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ у меня находится, и ни одного разу еще не просилъ себѣ ни чего, хотя и не знаетъ, что я сіе замѣтилъ, а всякой день почти проситъ у меня какой либо милости своимъ прихожанамъ. Они никогда не имѣли съ нимъ никакой ссоры съ тѣхъ поръ, какъ онъ ихъ пастыремъ: но естьли случится между ими какая либо распря; то всегда выбираютъ его въ судіи свои, и когда не согласятся на его рѣшеніе, что не болѣе двухъ разъ случилося, то прибѣгаютъ ко мнѣ. Какъ скоро онъ сюда опредѣлился; то я далъ ему всѣ лучшія проповѣди, кои только имѣются на Аглинскомъ языкѣ, и просилъ его прочитывать намъ изъ оныхъ каждое Воскресенье по одной или по двѣ. Сообразуясь сему желанію моему, привелъ онъ ихъ въ такой естественной порядокъ, и столь хорошо свя-

залъ, что составилъ изъ нихъ полную систему Христїянской морали.

Рогеръ хотѣлъ было продолжать свой разговоръ, какъ въ самое то время сей честной Священникъ, о коемъ онъ сазсказывалъ, вошелъ къ намъ, и какъ Коверли спросилъ у него, чьи проповѣди станетъ онъ сказывать намъ завтрешнїй день, которой былъ Воскресенье: на что онъ давъ отвѣтъ показалъ намъ списокъ проповѣдей на цѣлой годъ, въ которомъ я съ великимъ удовольствїемъ увидѣлъ имя Архїепископа Тиллотсона, Епископа Сандерсона и прочихъ многихъ писателей нашихъ, кои обнародовали весьма хорошїя проповѣди. Какъ скоро назавтрѣ увидѣлъ я на каѳедрѣ сего почтеннаго мужа; то не могъ не одобрить вкуса моего друга, что онъ требовалъ сладкогласнаго и благовиднаго Священника: я столько прельстился прїятнымъ его видомъ и голосомъ, равно какъ и изящностїю нравоученїя, содержащагося въ сказыванной имъ

проповѣди, что въ жизнь мою не чувствовалъ подобнаго сему удовольствія. Сказанная такимъ образомъ проповѣдь, пріобрѣтаетъ еще вящшую силу, подобно какъ хорошіе стихи въ устахъ превосходнаго актюра.

Я желалъ бы отъ всей моей души, чтобъ число Священниковъ, подражающихъ сему примѣру, умножилось, и чтобъ вмѣсто того, чтобъ истощевать свой умъ на сочиненіе новыхъ проповѣдей, старались они пріобрѣсти пріятность голоса, тѣлодвиженій и прочія тому подобныя дарованія, кои удобны придать еще болѣе дѣйствительности поучительнымъ словамъ, сочиненнымъ славными проповѣдниками.

Продолженіе того же.

Ласковой пріемъ, оказываемой мнѣ въ деревнѣ; учтивость и доброхотство, съ каковыми мнѣ услужива-

ютъ; спокойствіе и свобода, коими я наслаждаюсь, утвердили меня еще болѣе въ тѣхъ мысляхъ, что безпорядочное поведеніе большой части служителей происходитъ отъ самихъ ихъ господъ. Лица всѣхъ слугъ, находящихся въ семъ домѣ кажутся столь довольными, что всякой увидитъ, что они почитаютъ себя щастливыми, служа въономъ. Я нашелъ тутъ одну вещь, которой не видалъ нигдѣ индѣ: въ другихъ домахъ почти обыкновенно, ежели идетъ баринъ, то слуги убѣгаютъ изъ тѣхъ мѣстъ, чрезъ кои онъ проходитъ; здѣсь же напротивъ того, стараются они попадаться ему на дорогѣ, и всякой разъ, какъ они такимъ образомъ представляются ему, не будучи позваны, разумѣется съ обѣихъ сторонъ, что сіе есть родъ почтительнаго посѣщенія, коимъ должны они своему начальнику. Сіе надлежитъ приписывать милости и добродушію господина, которой при

всемъ томъ столь хорошо управляетъ своими расходами, хотя доходы его весьма велики, что никогда не имѣетъ недостатка въ деньгахъ, но всегда имѣетъ оныхъ много въ запасѣ на нужные случаи. Сiе-то наиболѣе спосп҃ѣшествуетъ къ спокойствiю его духа, и препятствуетъ негодовать, или отдавать приказанiя, одни другимъ противорѣчащiя, его окружающимъ. Такимъ-то образомъ почтенiе сопряжено съ дружествомъ, и нѣкоторая радостная готовность къ исполненiю своей должности, образуетъ отличительно всѣхъ служителей сего почтеннаго дома. Когда слугу позовутъ къ господину; то онъ идя къ нему, не боится, что его баринъ разругаетъ за какую либо бездѣлицу, или прогонитъ въ толчки съ двора, или осыплетъ поноснѣйшими словами, коими недостойные господа обижаютъ часто добрыхъ служителей; но обыкновенно призываетъ Рогеръ своихъ за тѣмъ, чтобъ спросить у нихъ, по

какой дорогѣ такъ скоро онъ возвратился, изъ того мѣста, куда онъ его посылалъ, ѣхалъ ли онъ чрезъ такую-то деревню, здоровъ ли тамъ такой-то доброй старикъ, кланялся ли онъ ему отъ него, или спроситъ что нибудь иное, тому подобное.

Человѣкъ, заставляющій служителей своихъ себя почитать, посредствомъ оказываемаго имъ благоволенія, ведетъ жизнь, можно сказать, Царскую: повелѣнія его принимаются за милости, а честь приближаться къ его особѣ для исполненія того, что онъ приказываетъ, составляетъ часть ихъ награды за службу.

Способъ, употребляемый другомъ моимъ къ поощренію и одобренію своихъ служителей также весьма достохваленъ. Онъ всегда думалъ, что обыкновеніе дарить старое свое платье слугамъ, производитъ весьма худое дѣйствіе надъ слабыми умами, и можетъ только внушить глупое мнѣніе равенства, такимъ людямъ, кои при-

выкли одною внѣшностію поражаться. Я часто слыхалъ, какъ онъ шутилъ о семъ, и описывалъ живѣйшими красками одного молодаго дворянина, которой бьетъ своего слугу, одѣтаго въ тотъ самой кафтанъ; которой за два или за три мѣсяца предъ тѣмъ составлялъ всю его славу и блистательнѣйшій знакъ его достоинства.

Но другъ мой сими бездѣлицами не ограничиваетъ благоволенія своего къ служителямъ: слуга, которой ему хорошо служитъ, можетъ твердо быть увѣренъ, что скоро не будетъ онымъ, естьли только захочетъ. Онъ столь хорошій хозяинъ, какъ я уже то сказалъ, и столь убѣжденъ въ томъ, что искуство управлять кошелькомъ есть главнѣйшая въ сей жизни добродѣтель, и что бережливость есть пища и подпора щедрости, что имѣетъ всегда въ запасѣ добрую сумму, для того, что когда выходитъ срокъ арендамъ его маетностей; то чтобъ

быть въ состояніи, не растроивъ себя, дать одну изъ тѣхъ маетностей на нѣсколько лѣтъ даромъ одному изъ добрыхъ своихъ служителей, дабы привести его въ состояніе жить самимъ собою: естьли же онъ не захочетъ отъ него отстать; то отдавъ такую маетность на аренду, отдаетъ онъ ему получаемыя за то деньги, дабы жизнь его учинить пріятнѣйшею.

Человѣкъ честный и великодушный конечно думаетъ, что весьма горько быть во всю жизнь свою подчиненну волѣ другаго, которой часто бываетъ человѣкъ своенравный: и для того-то онъ старается какъ можно скорѣе избавить служителей своихъ отъ зависимости, и снабдить ихъ средствами жить по своей волѣ. Большая часть маетностей Рогера отданы на аренду тѣмъ людямъ, кои служили ему, или его предкамъ. Я съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ, какъ они изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжали

къ нему съ поздравленіями о благополучномъ его прибытіи въ деревню: разница же, которую могъ я примѣтить между сими старинными или бывшими слугами и нынѣшними состояла въ томъ, что сіи послѣдніе были ловчѣе и вѣжливѣе первыхъ.

Въ заключеніе сего упомяну я о нѣкоторой картинѣ, находящейся въ галлереѣ друга моего, между прочими многими достойными примѣчанія.

Картина, о которой я говорить намѣренъ, находится на концѣ сего зданія, и на ней изображены два молодыхъ людей въ рѣкѣ, изъ коихъ одинъ совсемъ нагой, а другой въ лакейской ливреѣ. Первый кажется полумертвымъ, но столько однако же имѣетъ чувствія, что показываетъ на лицѣ великую радость, и благоволеніе къ другому. Мнѣ показалось, что сей полумертвый молодой человѣкъ походилъ нѣсколько на друга моего, и какъ я взглянулъ въ сіе время на ключника, которой меня про-

вожалъ, чтобъ онъ изъяснилъ мнѣ, что значитъ сія картина; то онъ сказалъ мнѣ, что сей человѣкъ въ ливреѣ былъ одинъ изъ служителей Рогеровыхъ; что онъ находился на берегу рѣки въ то время, какъ господинъ его въ оной купался и плавалъ, и что увидя, что ему сдѣлался обморокъ, и онъ уже тонулъ, бросился онъ самъ въ рѣку, и спасъ его отъ смерти. Онъ примолвилъ, что Рогеръ возвратясь домой, велѣлъ снять съ него ливрею, и по обыкновенному великодушію своему подарилъ ему цѣлую маетность въ вѣчное владѣніе ему и потомкамъ его, и что по сіе время не престаетъ оказывать ему новыя благодѣянія. Тогда вспомнилъ я, что ѣхавъ съ другомъ моимъ въ деревню, спросилъ я у него, кому принадлежитъ одинъ весьма прекрасный домикъ, которой на дорогѣ нѣсколько въ сторону я примѣтилъ: на что онъ отвѣчалъ мнѣ въ короткихъ словахъ, что въ немъ живетъ человѣкъ, кос-

му онъ весьма много обязанъ. Какъ я показывалъ ключнику неудовольствіе, что нѣкоторыя вещи на сей картинѣ не такъ были изображены, какъ бы мнѣ хотѣлось; то онъ сказалъ мнѣ, что то было сдѣлано противъ хотѣнія друга моего; ибо де честной тотъ служитель непремѣнно требовалъ, чтобъ его написали въ томъ самомъ кафтанѣ, въ которомъ онъ имѣлъ счастіе избавить господина своего отъ смерти.

РАЗСУЖДЕНІЕ О БЕЗБОЖНИКАХЪ И КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ИХЪ НАКАЗЫВАТЬ.

Часто предполагали противъ безбожниковъ два неоспоримыя доказательства, коихъ они по сіе время не могли еще опровергнуть. Первое то, что мудрѣйшіе и искуснѣйшіе мужи были всегда противнаго ихъ мнѣнія, и всегда

слѣдовали духовному закону своего отечества, когда въ ономъ не содержалося ничего противнаго достоинству безконечнаго бытія, или врѣдоноснаго выгодамъ рода человѣческаго.

Платонъ и Цицеронъ у древнихъ, Баконъ, Локъ и прочіе въ наши времена, всѣ представляютъ намъ изящные примѣры сказаннаго мною, не говоря о многихъ славныхъ Богословахъ, по тому что наши противоборники ихъ отвергаютъ, и не довѣряютъ имъ подъ предлогомъ, что ихъ собственная польза требуетъ защищать сіе мнѣніе, и что слѣдовательно не годятся они въ свидѣтели и въ судіи въ собственномъ своемъ дѣлѣ.

Другое противъ ихъ доказательство, гораздо еще сильнѣйшее перваго, не есть одно мнѣніе мудрѣйшихъ людей, но единодушное согласіе всѣхъ вообще людей, кои не могли получить понятія о бытіи Бога, какъ только сими тремя способами, или по впечатлѣнному въ нихъ самою на-

турою о томъ понятіи, или по разсужденію, которое долженствовало быть весьма не трудно и самымъ ограниченнымъ умамъ; или наконецъ по преданію, дошедшему до насъ отъ перьваго человѣка.

Безбожникамъ равно не чего возразить, которой бы изъ сихъ трехъ вещей не приписывали понятіе наше о Богѣ. И для того-то они, для избѣжанія сего затрудненія, вздумали, что нашли цѣлой народъ философовъ, кои отмѣтаютъ бытіе Бога, я разумѣю подъ симъ просвѣщенную націю Готтентотовъ.

Мнѣ кажется, что читатели вознегодовали бы на меня, естьли бы я вздумалъ здѣсь разговаривать съ ними о нравахъ и обычаяхъ сихъ варваровъ, кои едва отличаются отъ безсловесныхъ животныхъ, и вмѣсто нарѣчія имѣютъ нѣкоторое странное и бѣдное бормотанье, коего почти сами не разумѣютъ.

Со всемъ тѣмъ не можно себѣ

представить, какъ торжествуютъ безбожники, когда приводятъ въ примѣръ и себѣ въ защищеніе сихъ добрыхъ своихъ друзей и вѣрныхъ союзниковъ. Естьли намъ случится для подтвержденія основательности нашего мнѣнія похвастать Сократомъ, или Сенекою; то противъ сихъ мужей тотчасъ выставятъ они миліоны знаменитыхъ и премудрыхъ Готтентотовъ.

Мнѣ кажется, что ничто столько не доказываетъ слабости ихъ доказательствъ, какъ то, что они присоединилися къ обществу такихъ людей, кои по ихъ же собственному признанію, почти совершенно погасили свѣтильникъ разума, и ни чемъ инымъ не отличаются отъ скотовъ, кромѣ человѣческаго образа.

Правда, что кромѣ сихъ глупыхъ бѣдняковъ, нахаживалось отъ времени до времени въ разныхъ Государствахъ по малому числу сумасшедшихъ, отвергавшихъ бытіе Бога. Но Ванини, славнѣйшій изъ оныхъ богоборцовъ,

объявилъ предъ судіями своими, что онъ вѣрилъ бытію Бога, и поднявъ съ полу соломину, утверждалъ, что одное ее довольно, для убѣжденія его въ томъ, и приводилъ многія доказательства тому, что не возможно, чтобъ сама натура могла создать что нибудь.

Я читалъ нѣкогда описаніе о смерти Казимира Лещинскаго, Польскаго шляхтича, котораго за безбожіе казнили. Казнь сія содержитъ въ себѣ нѣчто чрезвычайное. Какъ скоро сожгли его тѣло; то пепелъ положа въ пушку, выстрѣлили къ той сторонѣ, гдѣ живутъ Татара.

Я весьма наклоненъ вѣрить, что естьли бы такое обыкновеніе ввелося у насъ; то мы столько здраво разсуждаемъ, что весьма мало отправили бы мы къ Татарамъ толченыхъ или цѣлыхъ безбожниковъ.

Со всемъ тѣмъ однако же, естьли бы сіе случилося; то я предложилъ бы, чтобъ вмѣсто направленія

жерла пушечнаго къ Татарамъ, обратить оное къ мысу Доброй надежды, дабы послать нашихъ Аѳеистовъ къ пріятелямъ ихъ Готтентотамъ.

По мнѣнію моему, смертная казнь, по законамъ и формѣ опредѣленная, надмѣру много дѣлаетъ чести безбожнику, хотя обыкновеніе посылать ихъ на вѣтеръ имѣетъ нѣчто соразмѣрное свойству его преступленія.

Естьли кому изъ читателей моихъ покажется, что я надмѣру презрительно говорилъ о сихъ господахъ; то да позволятъ мнѣ сказать, что по моему мнѣнію тотъ много дѣлаетъ имъ чести, кто удостоиваетъ разсуждать съ ними важно о такой вещи, которая противна уму всякаго человѣка, и ни чего подобнаго въ глупости себѣ не имѣетъ.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМѢТАХЪ.

О СЛУЧАѢ.

Три вещи познаются только въ трехъ случаяхъ: храбрость на войнѣ, мудрецъ въ гнѣвѣ, а другъ въ крайности.

Случай не есть такъ, какъ цѣль неподвижная, и всегда готовая принимать наши удары; но его должно, такъ сказать, ловить на воздухѣ, и стрѣлять на лѣту.

Случай подобенъ розѣ: его должно при самомъ рожденіи уловлять; а безъ сего онъ, подобно сему цвѣту, завянетъ.

О НЕВИННОСТИ.

Гроцій говаривалъ, что онъ столько былъ увѣренъ въ своей невиннос-

ти, что не побоялся бы избрать непріятелей своихъ себѣ судіями.

Единаго дня довольно для обличенія злова человѣка; но одно время оправдываетъ невинность.

О НЕБЛАГОДАРНОСТИ.

На свѣтѣ меньше неблагодарныхъ, нежели думаютъ; или на свѣтѣ меньше благодѣтельныхъ людей, нежели мы полагаемъ.

Умалчивающій о полученномъ благотвореніи есть неблагодарный, не заслуживавшій онаго.

Неблагодарность извинительна, когда оною платятъ за оказанныя изъ тщеславія или корысти благодѣянія.

О ИГРОКАХЪ.

Сколько свѣтъ ни развратенъ;

но однако же никогда не случалось, чтобъ много уважали человѣка за то только, что онъ любилъ играть въ карты.

Игра картежная есть испровержение всѣхъ благопристойностей. Знатной и степенной человѣкъ забываетъ въ оной свое достоинство и важность, женщина теряетъ стыдъ. Большая игра заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки общества. Игроки условливаются нѣкоторые часы провождать вмѣстѣ для того, чтобъ разорять и ненавидѣть другъ друга. Игра есть труднѣйшій опытъ честности: не многіе сохранили оную во всей ея цѣлости въ игрѣ.

О ПИСЬМАХЪ.

Въ наши времена дочери перехватываютъ любовныя письма матерей своихъ. Но не одно сіе нынѣ выворочено на изнанку.

Иногда кажется намъ, что письмо, которое мы пишемъ, ни куда не годится, по тому, что голова занята множествомъ различныхъ мыслей; но сей хаосъ произходитъ въ умѣ, а письмо между тѣмъ очень естественно и нимало не запутано.

Женщина обыкновенно забываетъ въ письмѣ то, о чемъ хотѣла писать; но изъясняетъ уже оное въ постскриптѣ.

О лжи.

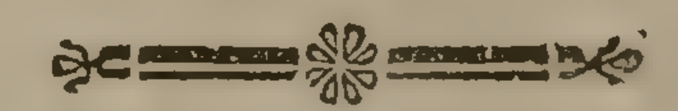
Ложь показываетъ, что человѣкъ презираетъ Бога, и боится людей.

Ѳалесъ говорилъ, что ложь стольже отдалена отъ истинны, сколько уши отъ глазъ. Чрезъ сіе хотѣлъ онъ внушить, что не должно вѣрить легко тому, чего не видалъ своими глазами.

Философъ Секстъ Емпирикъ го-

ворить, что великая разница между *солгать* и сказать *ложь*, и что мудрецъ можетъ сказать ложь, то есть, предложить выдумку для утвержденія истинны; но что не можетъ онъ лгать, то есть, предлагать выдумку, для истребленія истинны.

Мы всякой разъ лжемъ, когда допускаемъ кого либо вѣрить тому, что мы знаемъ ложнымъ, или не вѣрить истиннѣ.

О ТОМЪ, ЧТО ЖЕНЩИНЫ ПРЕДПОЧИТАЮТЪ ЗАБАВНЫХЪ И ШУТЛИВЫХЪ МУЩИНЪ ТѢМЪ, КОИ ОДАРЕНЫ ЗДРАВЫМЪ СМЫСЛОМЪ.

Женщины обыкновенно имѣютъ нравъ веселѣе мужскова; но я не въ состояніи рѣшить, отъ того ли сіе происходитъ, что кровь ихъ жиже и

тонѣе, или отъ нѣжности ихъ волоконъ и вящшей тонкости жизненныхъ соковъ, или отъ того, можетъ быть, какъ нѣкоторые думаютъ, что и души суть разнаго пола. Какъ бы то не было; однако же живость есть удѣлъ женщинъ, а степенность и важность часть мущинъ. И такъ тѣмъ и другимъ надлежало бы остерегаться влеченія природы, дабы оно не могло надмѣру надъ ними господствовать, и не извлекло бы изъ границъ разума. Сіе нещастіе обыкновенно случается, когда одинъ начнетъ употреблять строгость во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ, а другая вертопрашный и надмѣру вольный видъ. Мущины не должны предаваться нѣкоторой дикой философіи, а женщины неблагоразумному вертопрашеству и щегольству. — Не наблюдая сихъ предосторожностей мущина перерождается наконецъ въ медвѣдя, а женщина въ кокетку. Мущина становится угрюмъ и свирѣпъ, а женщина несносная нахалка.

Изъ сего можемъ мы заключить, что мущина и женщина созданы для того, чтобъ служить другъ другу перевѣсомъ, дабы труды и заботы мужа, облегчалися веселонравіемъ и живостію жены. Когда сіи двѣ вещи находятся въ надлежащемъ смѣшеніи; то расторопность въ дѣлахъ и веселость всегда вмѣстѣ присутствуютъ, и такая блаженная семья, подобно хорошо оснащенному кораблю, не имѣетъ никогда недостатка ни въ парусахъ ни въ грузѣ.

Поелику нахожуся я теперь въ деревнѣ; то должно изъ нее извлекать мои сравненія, и сказать съ естествоиспытателями, что у птицъ одни только самцы поютъ, начинаютъ щекотать не задолго предъ тѣмъ временемъ, какъ выводить имъ дѣтей, и перестаютъ вскорѣ послѣ выведенія оныхъ; что между тѣмъ, какъ самка сидитъ на яицахъ, то самецъ сѣвъ на одну изъ ближайшихъ вѣтвѣй, забавляетъ свою подругу пріятнымъ

своимъ пѣніемъ во все то время, какъ она исполняетъ сію должность.

Но брачное условіе птицъ продолжается только до выведенія птенцовъ, и до того, какъ они сами собою будутъ въ состояніи питаться; такимъ образомъ, что труды и попеченія брачнаго состоянія, естьли позволено мнѣ употребить сіе рѣченіе, говоря о птицахъ, возложены на самку. Но въ нашемъ родѣ совсемъ не такъ; поелику мужъ и жена сопрягаются на всю жизнь, и большая часть трудовъ возложена на перьваго; то природа одарила женщину всѣми прелестями и привлекательными поступками, удобными развеселять ся супруга, и побуждать его къ работѣ съ неутомимостію, для содержанія его семьи и воспитанія дѣтей. Въ прочемъ сего не должно принимать въ точномъ смыслѣ; ибо часто одни и тѣ же должности касаются до обѣихъ: но въ семъ только видна цѣль природы въ распредѣленіи ею разныхъ склонностей обѣимъ поламъ.

Сверьхъ того, сколько бы причина къ сей разности ни быласильна; но разсматривая со вниманіемъ поступки женщинъ, найдемъ, что имъ болѣе желается совокупиться съ человѣкомъ такого веселаго и забавнаго нрава, каковы онѣ сами, нежели съ такимъ, которой былъ бы въ состояніи умѣрять излишество онаго, и дѣлать перевѣсъ своею важностію. Сіе есть старинная жалоба мущинъ на женщинъ, что онѣ предпочитаютъ человѣка забавнаго благоразумному. Когда вы увидите громогласнаго вертопраха, которой горланитъ къ стати и не къ стати, и поминутно хохочетъ; то будьте увѣрены, что онъ есть одинъ изъ любимцовъ женскаго пола: шумъ, крикъ, хохотанье, несносная веселость и услужливость суть такія по мнѣнію ихъ добродѣтели, коимъ не можно противиться. Однимъ словомъ, страсть женщины къ мущинѣ есть ни что иное, какъ самолюбіе, обращенное на другой предметъ: она желала

бы, чтобъ любовникъ ея сдѣлался во всемъ женщиною, кромѣ пола. По сему-то стихотворецъ *Дриденъ* сказалъ весьма колкое и справедливое изрѣченіе противъ такого свойства женщинъ, заставивъ въ комедіи сказать одну изъ нихъ: нашъ полъ по вертопрашеству своему прельщается внѣшностію и бездѣлкою; онъ ищетъ самъ себя, и удивляется себѣ самому въ мущинахъ.

Женщины, выходящія замужь за мущинъ, коихъ находятъ они столь же любезными, каковы и сами, отверзаютъ себѣ путь къ безчисленнымъ бѣдствіямъ: ибо такого свойства мущины помогаютъ только имъ проматывать ихъ имѣніе, внушать имъ новыя дурачества, и усугублять ихъ вертопрашество.

Та же самая лишняя живость столько же имъ бѣдоносна и послѣ, какъ и прежде ихъ бракосочетанія: она представляетъ ихъ воображенію вѣрнаго и разумнаго супруга, какъ

рабочаго домашняго вола, и обращаетъ ихъ мысли на какого либо безмозглаго щеголя, которой умѣетъ со вкусомъ одѣваться, шаркать ногами, хохотать безчинно, пѣть, свистать, и лучшимъ образомъ завязывать косынку, нежели мужья ихъ.

Естьли сей вѣтреный нравъ причиняетъ заблужденіе той части женщинъ въ выборѣ ихъ любовниковъ и въ поступкахъ ихъ съ мужьями своими; то можно сказать, что онъ также весьма бѣдственное имѣетъ вліяніе на дѣтей ихъ, кои научаются съ жадностію искать всѣхъ сихъ безделушекъ, кои матерямъ ихъ столь пріятны. Мать радуется, видя въ сынѣ своемъ то, чему она удивлялася въ любовникѣ своемъ, и такимъ образомъ всѣми своими силами старается размножить самое себя въ недостойномъ потомствѣ.

Мы видимъ весьма поразительной тому примѣръ въ младшей Фавстинѣ. Хотя она вышла за Марка

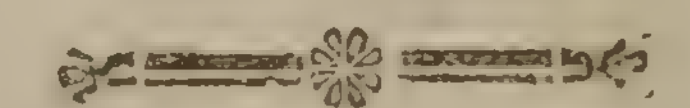
Аврелія, одного изъ величайшихъ, мудрѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ Государей, кои управляли когда либо Римскою Имперіею; но находила простаго Гладіатора любезнѣе своего достойнаго мужа. Для сего-то она и старалась воспитывать сына своего Коммода соотвѣтственнымъ сей склонности образомъ; и когда взошелъ онъ на престолъ своего отца; то сдѣлался лютѣйшимъ и гнуснѣйшимъ изъ всѣхъ тирановъ, самъ не стыдился драться съ Гладіаторами, и весьма забавлялся, проламливая имъ головы. Онъ столь мало имѣлъ вкусу и склонности къ истинной славѣ, что во многихъ его медаляхъ и статуяхъ, еще и по нынѣ существующихъ, изображенъ онъ въ видѣ Геркулеса, вооруженнаго дубиною, и покрытаго львиною кожею.

Всѣ мои, касательно сего, разсужденія произошли отъ нѣкоего дворянина и жены его, живущихъ не подалеку отъ деревни друга моего Ко-

верлія. Жена, старая кокетка, воздыхающая безпрестанно о градскихъ забавахъ, а мужь деревенской лѣшій, которой бранится какъ извощикъ, и насупитъ страшно брови, когда только услышитъ имя столицы. Супруга несносная жеманщица, а супругъ непонятно какъ грубъ. Барыня ненавидитъ пѣніе жаворонка и соловья, не можетъ сносить скучной долготы лѣтнихъ дней, и всегда почти упадаетъ въ обморокъ при видѣ древесной тѣни и прозрачныхъ источниковъ, подобныхъ хрусталю; баринъ же удивляется, какъ можно находить удовольствіе въ глупостяхъ комедій и оперъ, и съ утра до вечера смѣется надъ пестрыми кафтанами щеголей. Дѣти ихъ воспитаны въ сихъ различныхъ, внушаемыхъ имъ родителями мысляхъ. Сыновья рыщутъ за отцомъ по мхамъ, по болотамъ, по полямъ и по лѣсамъ, между тѣмъ, какъ дочери проводятъ время въ чтеніи матери своей любовныхъ писемъ и

романовъ. Отъ сего и произходитъ, что дочери почитаютъ отца своего за деревенскаго мужика, а сыновья почитаютъ мать свою тѣмъ, что она есть дѣйствительно.

Какая же разность между сими супругами и Аристомъ съ Аспазіею? Невинная живость ея умѣряется тихою важностію мужа. Жена становится благоразумнѣе отъ обхожденія съ мужемъ своимъ, а мужь веселѣе отъ разговоровъ жены. Аристъ не былъ бы столько любезенъ безъ Аспазіи; но Аспазія не была бы столько уважаема безъ своего Ариста. Добродѣтели ихъ смѣшаны въ ихъ дѣтяхъ, и наполняютъ все счастливое ихъ семейство безпрестанною веселостію и удовольствіемъ.

О РАЗНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ЖЕНЩИНЪ.

По мнѣнію Греческаго стихотворца Симонида.

Ни которыхъ писателей не читаю я съ такимъ удовольствіемъ, какъ тѣхъ, кои изображаютъ свойства человѣческія подъ различными видами, и описываютъ различіе нравовъ и обычаевъ тѣхъ вѣковъ, о коихъ говорятъ. Мнѣ кажется, что читатель не можетъ имѣть вящшаго удовольствія, какъ сравнивая добродѣтели и пороки своего времени съ добродѣтелями и пороками, царствовавшими во времена его предковъ, и сравнивать въ умѣ своемъ свой собственный характеръ съ нравами своихъ современниковъ, или тѣхъ, кои прежде его жили на свѣтѣ. Созерцаніе рода человѣческаго подъ сими разными видами и разстояніями, можетъ внушить намъ стыдъ и отвращеніе къ какому либо пороку, или побудить къ какой либо добро-

дѣтели; оно учинить насъ можетъ довольными или недовольными самими собою въ важнѣйшихъ членахъ нашей жизни. можетъ излѣчать насъ отъ предразсудковъ нашихъ, и исправить недостатокъ ума нашего, заставляющій насъ имѣть дурныя мысли о тѣхъ, кои не по нашему думаютъ.

Разсматривая нравы и обычаи древнѣйшихъ вѣковъ, увидимъ мы родъ человѣческой въ первой его простотѣ: но чемъ ближе будемъ подходить къ нашему времени, тѣмъ болѣе скрывается она подъ одеждою истонченности и хитрости, тѣмъ болѣе она утончевается и удаляется отъ первобытнаго своего состоянія, пока наконецъ теряется она совсѣмъ въ церемоніяхъ, ужимкахъ и увертка хъ, или въ томъ, что намъ разсудилось назвать благовоспитаніемъ. Прочитайте только, что древнѣйшіе авторы, какъ священные, такъ и свѣтскіе, писали о нравахъ мущинъ и женщинъ; то вамъ покажется, что

вы читаете исторію другаго рода тварей.

Между писателями древности ни которые столько не научаютъ насъ о нравахъ ихъ разныхъ вѣковъ, какъ тѣ, кои упражнялися въ писаніи сатиръ.

Симонидъ, славный стихотворецъ своего времени, есть авторъ древнѣйшей сатиры, до насъ дошедшей, и даже, по сказанію нѣкоторыхъ ученыхъ, самой первой въ свѣтѣ. Сей стихотворецъ процвѣталъ четыре ста лѣтъ, послѣ осады Троянской, и слогъ его есть доказательство простоты, или, лучше сказать, грубости того вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Благопристойность, столь строго наблюдаемая писателями нынѣшнихъ просвѣщенныхъ временъ, была древнимъ неизвѣстна, когда находилося какое либо самое отдаленное сношеніе въ ихъ уподобленіяхъ; то они нимало не заботилися о вѣжливости. Сатира Симонидова, Ямбическими стихами пи-

санная, о коей намѣренъ я здѣсь говорить съ моими читателями, есть достойный тому примѣръ. Женщины суть предметъ оныя. Онъ въ ней описываетъ всѣ различныя ихъ свойства, которыя выводитъ изъ выдуманнаго произшествія, основанная на догматѣ предсуществованія душь. Онъ сказываетъ намъ въ сей сатирѣ, что боги создали души женскаго пола изъ сихъ перьвыхъ сѣмянъ, или началъ, кои составляютъ различные роды животныхъ и стихій, и что ихъ добрыя и худыя свойства произходятъ отъ добрыхъ или злыхъ началъ, господствующихъ въ ихъ созданіи. Вѣжливость языка нашего не терпитъ, чтобъ я перевелъ здѣсь отъ слова до слова сего автора; но по крайней мѣрѣ я довольно вѣрно преложилъ его, не прибавя ничего отъ себя, и выразя всѣ его мысли. Я уже предъупредилъ читателей, что онъ нѣсколько грубъ. Сверьхъ того скажу еще, что сатирическія его стрѣлы

цѣлютъ только на женщинъ самаго низкаго состоянія, а не на тѣхъ, кои хорошо воспитаны, что было рѣдко во время сего стихотворца. Какъ бы то не было, вотъ преложеніе его стиховъ, которое я не имѣя времени, перевелъ прозою.

„Въ началѣ создалъ Богъ души „прекраснаго пола въ отдѣленномъ „отъ тѣлъ состояніи, и извлекъ „ихъ изъ разныхъ веществъ.

„Однѣ сотворилъ онъ изъ тѣхъ „припасовъ, изъ коихъ созданы свиньи. „Такого розряда женщина весьма не„чистоплотна въ домѣ, и прожорлива „за столомъ. Она не наблюдаетъ „опрятности въ одѣждѣ своей, а „домъ, въ которомъ она живетъ, „подобенъ хлѣву.

„Второй родъ душъ женскихъ „извлекъ онъ изъ припасовъ, служа„щихъ къ сотворенію лисицы. Жен„щина, оною одушевленная, имѣетъ „умъ и понятіе; она знаетъ что „хорошо и что худо, и ни что не

„ускользаетъ отъ ея проницанія. Въ „семъ розрядѣ есть женщины добро„дѣтельныя и порочныя.

„Третій родъ душъ сихъ взятъ „изъ частицъ собачьихъ, и женщины, „получающія такія души, суть тѣ, „коихъ мы называемъ бранчивыми, то „есть, что онѣ подражаютъ тѣмъ „животнымъ, которыя безпрестанно „лаютъ на всѣхъ, къ нимъ прибли„жающихся.

„Четвертый родъ взятъ изъ „земли. Такія души вложены въ лѣ„нивыхъ, живущихъ въ невѣжествѣ и „бездѣйствіи, кои цѣлую зиму не „сходятъ съ печи, и думаютъ толь„ко о томъ, какъ бы попить да „поѣсть.

„Пятой родъ извлеченъ изъ мо„ря. Съ такими душами женщины „суть нрава перемѣнчиваго, преходя„щія отъ глубочайшей тишины къ „жесточайшей бурѣ, и отъ пасмур„нѣйшаго ненастья къ блистатель„нѣйшему солнцу. Незнакомый, увидя

„такую женщину въ веселый ея часъ, „почтетъ ее за совершеннѣйшее тво- „реніе природы: но пусть подождетъ „онъ одну минуту; то увидитъ, „что взоры ея и слова внезапу пе- „ремѣнятся, она дышетъ однимъ бѣ- „шенствомъ и яростію, и предстáв- „ляетъ совершенную бурю, вихрь и „громъ.

„Шестой родъ составленъ изъ „частицъ, изъ коихъ сдѣланы ослы „и прочія рабочія животныя. Такія „женщины суть съ природы до без- „конечности лѣнивы: но когда мужья „ихъ станутъ поступать съ ними „строго; то онѣ всячески стараются „имъ угодить. Совсемъ тѣмъ онѣ „не ненавидятъ любовныхъ утѣхъ, и „не отговариваются никогда отъ лас- „ки своихъ мужей.

„Седьмой родъ душъ женскихъ „сотворенъ изъ кошачьихъ припасовъ. „Сіи женщины имѣютъ нравъ задум- „чивый, странный, брюзгливый, и „столь противный любовнымъ веселос-

„тямъ, что онѣ въ состоянiи выцарапать мужьямъ своимъ глаза, когда они къ нимъ подойдутъ ласкаться. Кромѣ того такiя женщины подвержены небольшимъ плутовствамъ и не чисты на руку.

„Гордая кобылица съ развѣвающеюся гривою, никогда не испытавшая всадника, служила къ составленiю осьмаго рода женщинъ. Сiи, не уважая ни мало своихъ мужей, проводятъ время въ уборахъ и въ намащенiи себя благоуханiями; онѣ стараются, какъ бы завить по лучше волосы, и украсить ихъ цвѣтами. Такого рода женщина есть весьма прiятный предметъ для иностранца, но весьма разорительный для мужа, развѣ онъ будетъ Король или Принцъ, и влюбится въ такую куклу.

„Девятый родъ происходитъ отъ обезьяны. Такiя женщины дурны и злобны: поелику же нѣтъ въ нихъ ни чего хорошаго; то онѣ стара-

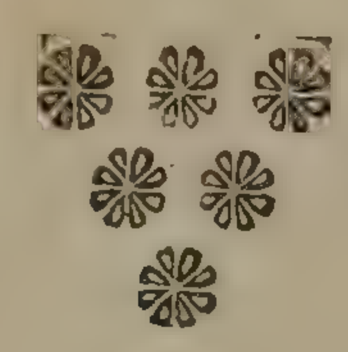
„ются осмѣивать все то, что нра-
„вится въ другихъ.

„Наконецъ десятый и послѣд-
„ній родъ взятъ отъ пчелъ, и бла-
„женъ тотъ мужь, которой нахо-
„дитъ себѣ жену съ такою ду-
„шою. Она не имѣетъ въ себѣ ни
„какого порока; семья ея процвѣта-
„етъ отъ добраго ея хозяйства. О-
„на любитъ своего мужа, и взаим-
„но имъ любима. Боги благословля-
„ютъ домъ ея, и награждаютъ до-
„бродѣтельными дѣтьми. Она отлич-
„на отъ всѣхъ прочихъ женщинъ,
„наполнена прелестями, ни когда не
„сводитъ знакомства съ безпутными
„женщинами, и не теряетъ времени
„на пустые и недостойные съ ними
„разговоры. Она украшена добродѣ-
„телью и благоразуміемъ, и словомъ
„сказать: она есть лучшая жена,
„каковою Юпитеръ наградить мо-
„жетъ благочестиваго мужа.

Естьли Греческій стихотворецъ
показываетъ великое проницаніе во

всѣхъ сихъ свойствахъ, кои предалъ онъ намъ о женщинахъ; то можно такъ же сказать, что онъ избѣжалъ того порока, въ которой впали *Ювеналъ* и *Боало*, одинъ въ шестой, а другой въ десятой своей сатирѣ, когда желали они очернить весь женской полъ, не отдавая справедливости достойнымъ. Такого рода сатиры, сравнивающія всѣхъ безразбора, не могутъ быть свѣту полезны; и по сей-то причинѣ удивлялся я всегда, что сей быстрый умъ Французскаго сатирика, которой одаренъ былъ изящнымъ понятіемъ, и казался любилъ добродѣтель, могъ вздумать, что весь родъ человѣческій можетъ быть предметомъ для сатиры, какъ онъ то по крайней мѣрѣ даетъ чувствовать въ другомъ изъ славныхъ своихъ твореній, которое названо: *Сатира на человѣка*. Какой порокъ, или какую слабость можно исправить, когда осуждаешь весь родъ вообще безо всякаго исключенія, и ста-

раешся доказать нѣкоторыми блестящими чертами ложнаго ума, что безсловесныя животныя во всемъ насъ превосходятъ? Сатира должна ограничиваться осужденіемъ тѣхъ недостатковъ, отъ коихъ люди могутъ остерѣчься, и полагать справедливое различіе порочныхъ съ безпорочными.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Францчска д' Обинье, потомъ Г. Скарронъ, а наконецъ Маркиза де Ментенонъ, любовница Людовика XIV, Короля Французскаго.

I. Сія славная женщина родилася въ тюрмѣ Ніортской въ недрахъ злополучія и бѣдности. Госпожа де Вильетъ, тетка ея, нѣсколько времени пеклася о воскормленіи ея; но материнская горячность не дозволила Госпожѣ д' Обинье оставить дочь свою въ чужихъ рукахъ. Она взяла ее къ себѣ. Констансъ д' Обинье, отецъ ея, былъ переведенъ потомъ изъ Ніорта

въ замокъ Тромпетъ, гдѣ и была воспитана сія дѣвочка, которая по претерпѣніи всѣхъ жестокостей злощастія, долженствовала нѣкогда вкусить всѣ сладости счастія. Гжа Ментенонъ говаривала часто, что помнитъ, какъ игрывала она съ дочерью тюремнаго старосты, которая была ей ровестница. У сей дѣвочки было нѣсколько денегъ, которыми она подразнивала ее, говоря, что она ее богатѣе: ето правда, отвѣтствовала маленькая Франциска; но за то я дворянка, а ты нѣтъ.

2. Констансъ д' Обинье наконецъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, и рѣшился ѣхать въ Америку, искать счастія и спокойствія, которыхъ въ отечествѣ своемъ обрѣсти не могъ. Онъ сѣлъ на корабль съ женою своёю и съ дѣтьми. Во время сего путешествія Франциска была больна при смерти, такъ, что уже совсемъ похолодѣла, и не являла ни какого знака жизни. Мать взяла ея на руки,

горько плакала, рвалася и старалася привести ея въ чувство. Наскучивъ ся воплемъ, Баронъ д' Обинье хочетъ вырвать изъ рукъ ея младенца, коего мнимая смерть приводила его, почти, въ изступленіе. Одинъ матросъ готовится бросить дѣвочку сію въ море: уже фитиль къ пушкѣ изготовленъ (*). Гжа д' Обинье проситъ, чтобъ позволено ей было въ послѣдній разъ ее поцѣловать, кладетъ руку на сердце своей дочери, и утверждаетъ, что она не умерла, что и дѣйствительно было правда. Гжа де Ментенонъ разсказывала послѣ сіе произшествіе въ Марли, Епископу Метцкому, которой сказалъ ей на то: вѣть, сударыня, изъ такой дальней дороги не даромъ возвращаются. Но она тогда изъ одной опасности избавилася только для того, чтобъ впасть въ другую. Какъ скоро

(*) При бросаніи мертваго тѣла съ корабля въ море, стрѣляютъ изъ пушки.

выздоровела она отъ своей болѣзни; то напалъ на ихъ корабль Аглинской морской разбойникъ: между тѣмъ, какъ всѣ находилися въ великой тревогѣ, д' Обинье плакалъ, жена его молилася Богу, держа въ рукахъ большія чотки, которыми хотѣла прогнать враговъ вѣры ея, Франциска же говорила своему брату: пускай насъ возмутъ, я буду рада; ужь тогда матушка насъ бранить не станетъ.

3. Гжа д' Обинье, основавшись въ Америкѣ, всѣ старанія прилагала о воспитаніи дѣтей своихъ. По счастію ихъ она въ разсужденіи недостатка своего принуждена была сама ихъ воспитывать. Она наиболѣе пѣклася о дочери своей, въ которой находила великія дарованія и сходство нрава со своимъ. Примѣры ея были лучшія наставленія: она сносила превратность счастія безъ роптанія, а пороки мужа своего съ снисхожденіемъ. Однажды домъ ихъ загорѣлся, и какъ маленькая Франциска пла-

кала; то мать жестокой сдѣлала ей за то выговорЪ. ВотЪ хорошо, отвѣчала она, будто я стану плакать о домѣ; нѣтЪ, сударыня, я плачу о куклѣ своей.

4. Сія добродѣтельная мать заставляла ее читать Плутарховы житія великихЪ людей, которая книга есть самая удобнѣйшая внушать добродѣтель и образовать понятіе. Дабы преодолѣть чрезвычайную ея застенчивость, и пріучить кЪ размышленіямЪ, заставляла она ее разсказывать ей что читала, и задавала дѣлать небольшія сочиненія. ОтЪ сего Франциска научилась рано разсуждать. Мать говаривала ей о будущемЪ вЪ адѣ злымЪ наказаніи, коимЪ безпрестанно страшаютЪ дѣтей, хотя бы должно пріучать ихЪ кЪ добродѣтели не такимЪ средствомЪ, каково есть страхЪ наказанія, Франциска сказала однажды своему брату, которой весьма того боялся. не бойся ничего, братецЪ, повѣрь мнѣ: вѣть эта мука будетЪ не

вѣчная, хотя Богъ такъ и сказалъ, но видно ето было въ сердцахъ; онъ послѣ вѣть одумается.

5. Какъ нѣкогда госпожа д' Обинье разсказывала ей о подвигахъ ея дѣда и о милости къ нему Генриха IV; то дѣвочка сія сказала: а я развѣ не буду имѣть знатнаго чина? — Какого тебѣ чина хочется, спросила мать? — Я хочу быть Королевою Наваррскою, отвѣчала она. Сіе желаніе потомъ нѣкоторымъ образомъ и исполнилось.

6. Смерть Констанса д' Обинье повергнула сію несчастную семью въ самую крайность. Вдова его возвратилася во Францію. Не имѣя чемъ заплатить своихъ долговъ, оставила она главному своему заимодавцу дочь свою въ залогъ; но жена его сказала, что не станетъ кормить ету маленькую шелудивку. Нѣкоторой судья того мѣста взялъ ее изъ человѣколюбія къ себѣ; но наконецъ, видя, что мать ее къ себѣ не выписываетъ,

отправилъ ее на первомъ кораблѣ къ теткѣ ея Гжѣ Монталамбертѣ, которая весьма была недовольна такимъ гостинцомъ. Гжа де Вильетъ сжалилася надъ ея нещастнымъ состоянiемъ, и выпросивъ у Гжи Монталамбертъ сiю ненавидимую ею племянницу, наставила ее въ Кальвинскомъ законѣ. Франциска полюбила вѣру, защищаемую ея предками; и поелику она не способна была къ посредственной привязанности; то прилѣпилася страстно къ сему закону. Гжа д' Обинье захотѣла везти ея къ Католицкой обѣдни; но Франциска съ упрямствомъ отъ того отрѣкалася. Такъ ты меня не любишь, сказала ей мать? — Я Бога люблю еще больше, отвѣчала сiя дѣвочка. Однакожь мать повезла ее насильно въ церьковь: но тамъ она оборачивалася къ образамъ спиною, и разными безчинствами своими вывела мать свою изъ терпѣнiя, такъ, что она ударила ея по щекѣ. Бѣйте, сказала она, под-

ставивъ другую щоку, за вѣру терпѣть славно.

7. Гжа де Вильетъ старалася внушить своей племянницѣ еще болѣе любви къ тѣмъ нравственнымъ добродѣтелямъ, о коихъ нѣтъ ни какихъ споровъ, потому, что природа посѣяла начала оныхъ во всѣхъ сердцахъ. У ней-то получила она сію склонность къ сожалѣнію о несчастныхъ и сію торопливость помогать имъ лично. Всякой разъ, какъ Гжа де Вильетъ раздавала милостину; то препоручала Францискѣ сію коммисію, дабы пріучить ея къ удовольствію творить добро, и быть чувствительною. Гжа де Нельянъ, мать Фельдмаршальши де Наваль, и родственница Гжи д' Обинье, выходила отъ Двора указъ взять Франциску отъ Гжи де Вильетъ, которая прежде отклоняла неотступныя прозьбы матери нѣкоторыми предлогами; но наконецъ совершенно отказала ей, и увѣряла, что не отдастъ ей дочери. Гжа де Нельянъ,

взявъ къ себѣ Франциску, всѣ силы прилагала для приведенія ея въ Католицкой законъ; но всѣ ея наставленія и труды только тотъ имѣли успѣхъ, что она увидѣла въ ней много упрямства и ума. Когда Священникъ спорилъ съ нею, и доводилъ наконецъ до того, что ей не чего было ему сказать; то она говорила: вы знаете больше меня; но вотъ книга, (указывая на Библію), которая въ тысячу разъ больше вашего знаетъ; однакожь она не говоритъ того, что вы говорите: для того то, видно, вы и не любите, чтобъ ее читали.

8. Гжа де Нельянъ, досадуя на такое упрямство, вздумала, что униженіе надъ нею подѣйствуетъ больше, нежели разсужденіе и увѣщеваніе. И такъ она перестала ее ласкать, начала обходиться съ нею грубо, сравнила съ служителями своими, и заставляла дѣлать подлѣйшую домашнюю работу. Я повелѣвала на

скотномъ дворѣ, говаривала она часто послѣ; такъ-то началося мое царствованіе. Иногда помогала она конюхамъ чистить лошадей, или искала въ головѣ скотницу. Всякое утро, надѣвъ соломенную шляпку съ опущеннымъ флеромъ, дабы сберѣчь отъ огару лучшій въ свѣтѣ цвѣтъ лица, взявъ въ одну руку корзинку, а въ другую хлыстъ, ходила она стерѣчь индѣекъ, съ строгимъ запрещеніемъ не касаться до корзины, въ которой находился ея завтракъ, пока не выучитъ наизусть нѣсколько духовныхъ стиховъ. Одинъ молодой крестьянинъ осмѣлился, влюбясь въ нея, открыть ей свою страсть. Франциска чувствуя себя не такъ рожденною, чтобъ сносить такую дерзость, и быть въ толь подломъ состояніи, сказала о томъ Гжѣ де Нельянъ, которая, боясь, чтобъ родственница ея съ простодушіемъ и состояніемъ пастушки не подверглася бы со временемъ и слабости ихъ, отправилася въ Ні-

ортскій дѣвичій монастырь, и Гжа де Вильетъ согласилась въ ономъ ее содержать: ибо Гжа де Нельянъ, желая имѣть славу ея обращенія, не хотѣла однако же за то платить. Старицы замучили Франциску наставленіями и Катихизисомъ; но тщетно. Одна благоразумнѣйшая сихъ монахиня, вмѣсто ласки и прочаго, столь ясно доказала ей правость Католической вѣры, что побѣдила мало по малу ея къ оной отвращеніе. Наконецъ она прилѣпилася къ Католицкому закону, когда не стали ее принуждать къ тому, начала слушать обѣдню, и сдѣлалася совершенною Католичкою; но только одному члену не хотѣла она вѣрить, то есть тому, которой исключаетъ изъ Царства небеснаго всѣхъ тѣхъ, кои не Католицкаго закона. Я вѣрю всему, говорила она; но не заставляйте меня вѣрить тому, что тетка моя Гжа де Вильетъ будетъ въ адѣ. Сіе было счастливымъ признакомъ ея добросердечія.

9. Монахини не могли излѣчить ее отъ сей столь мало Христіанской мысли, и принуждены были наконецъ согласиться, когда приняла она Католицкой законъ, чтобъ дать ей въ раю нѣсколько мѣстъ для тѣхъ изъ ея родственниковъ и пріятелей, кои были въ Кальвинскомъ законѣ. Гжа де Вильетъ, которая продолжала содержать свою племянницу, не захотѣла болѣе того дѣлать, услышавъ, что она перемѣнила законъ. Старицы нѣсколько времени содержали ее на своемъ иждивеніи: но наконецъ благотворительной жаръ ихъ простылъ. Прежде обращенія ея говорили онѣ, что бы купили оное цѣною своей крови: но когда она исполнила ихъ желаніе; то и куска хлѣба ей не стали давать. Онѣ представляли Гжѣ д' Обинье, что монастырь ихъ не можетъ кормить не платящихъ пенсіонерокъ, и просили ее взять отъ нихъ свою дочь, которая была уже въ такомъ возрастѣ, что время было по-

казаться въ свѣтѣ. Франциска закраснѣлася отъ сихъ словъ, которыя столь глубоко впечатлѣлись въ ея памяти, что послѣ она всегда старалася воздать симъ старицамъ за ихъ къ ней благоволеніе, и благотвореніями своими научила ихъ не презирать въ другихъ ту бѣдность, которую они въ себѣ столько уважаютъ. Разсказывая послѣ сіе приключеніе въ монастырѣ Святаго Кира, говорила она воспитывающимся въ ономъ дѣвушкамъ: дѣти мои, дѣлайте всегда добро; оно рѣдко предъ людьми пропадаетъ, а передъ Богомъ никогда.

10. Гжа де Нельянъ перевела ея послѣ того въ другой дѣвичій монастырь, гдѣ она въ перьвой разъ причастилась Святыхъ Таинъ. Сія важная церемонія и привычка довершили привязанность ея къ Католицкому закону; она учтивостію своею и угожденіемъ преклоняла къ себѣ сердца всѣхъ монахинь и пенсіонерокъ, такъ, что тогда уже можно было судить,

сколь велико будетъ со временемъ дарованіе ея заставить себя любить. Около сего времени лишилася она матери своей, которая умерла съ печали, видя дѣла свои въ такой разстройкѣ. Дѣвица д' Обинье три мѣсяца не выходила изъ своей комнаты, не столько сокрушаясь о своемъ несчастномъ положеніи, сколько о кончинѣ нѣжной своей матери. Она была весьма застѣнчива, говорила мало, казалось всегда помышляла о своихъ несчастіяхъ, и столь мало знала о рѣдкой красотѣ своей, что часто говаривала, что охотно помѣняется лицомъ съ перьвымъ человѣкомъ, кто пройдетъ по улицѣ. Она плакала, когда сажали ея противъ окна, и когда видѣли ея безъ покрывала; столько-то Гжа де Нельянъ натвердила ей, что ея зеркало и удивляющіеся ея красотѣ надъ нею насмѣхаются.

II. Возвратясь въ Парижь, потѣряла она нѣсколько своей застѣнчивости: Шевалье де Нельянъ, человѣкъ

весьма умный и свѣтскій, испросилъ у Гжи де Нельянъ позволеніе востипывать свою родственницу. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, кои вмѣстѣ и философы и придворные. Онъ-то первый подалъ ей наставленія касательно свѣта и общежитія, и придалъ ей тотъ видъ и осанку, коими отличаются въ большомъ свѣтѣ обращающіяся женщины. Гжа де Нельянъ познакомила ея съ Павломъ Скаррономъ, которой былъ тогда Аббатомъ, и жилъ въ соседствѣ съ ними. Скарронъ часто видя ее, былъ тронутъ ея прелѣстями, и пронзенъ горестію и сожалѣніемъ о ея нещастіяхъ, и страстно влюбясь, какъ въ красоту ея, такъ и въ скромность, перестилъ быть веселымъ: но какимъ образомъ человѣку недостаточному и сверьхъ того больному признаться, что онъ желаетъ обладать собраніемъ всѣхъ прелѣстей. Его фигура и немощи неудобны были прельстить молодую дѣвушку. Имѣніе его было

весьма посредственное. Онъ хотѣлъ подарить дѣвицѣ д' Обинье довольно знатную сумму; но она отрѣкалась отъ сего подарка съ такимъ видомъ, которой не подавалъ бѣдному Скаррону ни малѣйшей надѣжды къ успѣху въ его желанiи. У него были соперники, коихъ страсть была не столь робка и не столь честна, какъ его. Гжа де Нельянъ, опасаясь, чтобъ извѣстная Нинона Ленклосъ не развратила ея племянницу, стала не столь часто отпускать ея къ Скаррону, какъ для избѣжанiя помянутой опасности, такъ и для того, чтобъ смотря на великолѣпiе и пышность придворныхъ Господъ, тамъ бывающихъ, не почувствовала она омерзенiя къ тому посредственному состоянiю, которымъ позволяла ей иногда ласкаться, обѣщая доставить оное. Аббатъ Скарронъ помышлялъ на ней жениться. Онъ имѣлъ нужду въ женѣ, которую бы любилъ, естьли выздоровѣетъ, и которая бы ходила за

нимъ во время его болѣзни; однимъ словомъ сказать, онъ былъ въ нее влюбленъ. Однако же не смѣлъ сдѣлать такова предложенія, которое почиталъ онъ неудобоисполнительнымъ и смѣшнымъ. По щастію узналъ онъ стороною, что дѣвица д' Обинье весьма много претерпѣвала отъ Гжи де Нельянъ. Скарронъ дивился, что любезная сирота никогда не показывала своего неудовольствія ни малѣйшею жалобою, и любовь его присоединясь къ почтенію, еще болѣе отъ того усилилася. Сдѣлавшись смѣлѣе отъ сего открытія, и случившись нѣкогда съ нею на единѣ, показывалъ онъ ей великое сожалѣніе о несправедливостяхъ ея судьбы, и говорилъ, сколь несносно быть обязанною всѣмъ жестокому человѣколюбію скупой женщины, которая каждое малѣйшее благодѣяніе сопровождала укоризною и которая, щитая за честь находится вмѣстѣ съ нею въ публикѣ, дома не отличаетъ ея отъ слугъ своихъ.

Дѣвица д' Обинье на сіе отвѣтствовала только одними слезами. Естьли лишитесь вы Гжи де Нельянъ, примолвилъ Скарронъ; то что съ вами послѣдуетъ? — Слезы были отвѣтомъ и на сей вопросъ: ей представлялся весь ужасъ будущей ея бѣдности, коея настоящая была только одно преддверіе. Въ такомъ случаѣ, говорилъ Скарронъ, вы будете претерпѣвать самую жесточайшую крайность, или принужденны будете питаться подлымъ какимъ нибудь ремесломъ, гораздо еще хуждшимъ бѣдности, или будете подвержены всѣмъ сѣтямъ искусителей, а можетъ быть всему презрѣнію распутства, вы, которая достойна величайшаго щастія! Вы внучка человѣка знаменитаго дарованіями своими! Я повторяю вамъ нещастія ваши, зная, что не должны вы ихъ стыдиться, не будучи въ нихъ виновны; но не могу умолчать и того, что единственная ваша подпора есть Гжа де Нельянъ; а по смерти ея что съ

вами будетъ? — Что Богу угодно, отвѣчала дѣвица д' Обинье. Очень хорошо, отвѣчалъ Скарронъ: но когда Г. Герцогъ предложитъ вамъ снабдѣвать васъ всѣмъ, что вамъ угодно; то Богъ шепнетъ ли вамъ на ухо, что бѣдность ваша лучше такова богатства? — Что же мнѣ дѣлать, прервала дѣвица д' Обинье? — Благородная дѣвица, отвѣчалъ Скарронъ, въ вашемъ положенiи, не имѣетъ инаго прибѣжища, кромѣ монастыря или замужства. Сiи только два состоянiя могутъ спасти васъ отъ опасностей, которымъ подвергнетъ васъ безъ сомнѣнiя уже теперь славная въ свѣтѣ ваша красота. Естьли вы хотите постричься; то я заплачу ваше приданое. Когда же желаете выйти замужь; то я по несчастiю не имѣю предложить вамъ ничего, кромѣ очень посредственнаго достатка, и весьма гнусной фигуры. Что бы вы изъ сего ни избрали; но я все буду счастливъ, освободивъ васъ отъ жес-

токости Гжи де Нельянъ, отъ богатства откупщиковъ, и отъ хитрыхъ сѣтей придворныхъ Господъ. Но прошу васъ уважить то, что я, которой ни о чемъ такъ мало не помышлялъ, какъ о женидьбѣ, дѣлаю однако же вамъ сіе предложеніе. Дѣвица д' Обинье отвѣчала ему, что она съ охотою соглашается на то предложеніе, которое подастъ ей средства къ изъявленію ему своей благодарности, лишь бы только Гжа де Нельянъ согласилась дать на то свое соизволеніе. Сіе намѣреніе ея болѣе доказываетъ сожалѣніе ея къ человѣку, которой самъ о ней сожалѣлъ, нежели крайнюю ея бѣдность. Сострадание подобно любви сопрягаетъ сердца. Гжа де Нельянъ безъ труда согласилася на сіе, и чрезъ годъ послѣ того совершился бракъ. Въ перьвую самую ночь Скарронъ претерпѣвалъ жестокое страданіе. Такимъ образомъ брачное ложе мужу и женѣ обѣщевало только досады. Сей союзъ, говорила она

послѣ того, былъ таковъ, что душа въономъ мало участвовала, а тѣло ни крошки. Сей бракъ однако же, сколь онъ ни былъ страненъ и невыгоденъ, но учинилъ ее счастливою. Гжа Скарронъ не удалила отъ дому своего ту хорошую бесѣду, которая обыкновенно къ мужу ея собиралася, не отъ того, чтобъ имѣла она тотъ вертопрашной и веселой нравъ, которой былъ тогда въ модѣ. Естьли бы нравъ ея ей то и дозволялъ, но полъ бы запретилъ; она обладала тѣмъ ловкимъ и естественнымъ умомъ, съ которымъ человѣкъ можетъ каждому подладить. Всѣ наперерывъ старалися ей угождать, и быть въ числѣ гостей, составляющихъ ея бесѣду: знатность и богатство безъ дарованій не были приняты; она принимала только людей полезныхъ и любезныхъ. Гжа Скарронъ была душа сихъ собраній: чемъ болѣе кто имѣлъ ума; тѣмъ болѣе она тому нравилася. Она была весела, пристойна,

учтива и скромна. Слыша ея разговоры, забывали, что есть другія удовольствія, и даже забывали свои нужды. Сударыня, сказалъ ей однажды потихоньку одинъ изъ ея служителей, скажите еще какую нибудь исторію симъ господамъ: ибо у насъ сего дня нѣтъ жаренаго, такъ, чтобъ гости того не примѣтили. Главнѣйшая ея страсть была любовь къ славѣ, и она казалось старалася только о томъ, чтобъ поправить или упредить вредъ, причиняемый ей именемъ ея мужа. Она бояласся, чтобъ не разлилася и на нея часть того рода презрѣнія, которое необходимо навлекалъ на себя сей человѣкъ, въ коемъ все было шутовато. Алкая доброю славою, жертвовала она всѣми своими склонностями желанію снискать себѣ оную. Со всякою точностію наблюдала всѣ церковные посты и предписанія, и видѣла съ внутреннимъ удовольствіемъ, что другіе, не наблюдая оныхъ, надъ нею шутили,

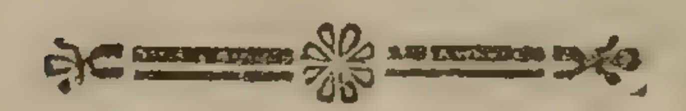
но еще болѣе за то почитали. Въ постъ не ѣдала она ни чего, кромѣ бобовъ и сельдей, между тѣмъ, какъ гости ея лакомилися изящнѣйшими кушаньями. Я не столько была щастлива, говаривала она послѣ, чтобъ такъ поступать въ то время единственно для Бога; но я хотѣла быть уважаема: желаніе пріобрѣсти себѣ похвальное имя была моя страсть. Сіе любочестіе причиняло мнѣ безчисленное множество мученій, кои претерпѣвала я, принуждая себя къ тысячѣ вещей, и можетъ быть въ наказаніе за то Богъ попустилъ мнѣ возвыситься, какъ будто бы онъ сказалъ въ гнѣвѣ своемъ: ты хочешь почестей и похвалы, и будешь имѣть ихъ столько, что то будетъ тебѣ въ тягость.

12. Будучи въ тѣхъ лѣтахъ, въ коихъ обыкновенно любятъ женщины веселости и разсѣянія, не отлучалася она никогда отъ мужа своего. Ни какая иная бесѣда не облегчала

ее отъ тягости и скуки видѣть безпрестанно однихъ людей. Она находила утѣшеніе въ добродѣтели своей и въ доброй славѣ. Королева мать, узнавъ о ея замужствѣ, сказала: что станетъ дѣлать Скарронъ съ дѣвицею д' Обинье? Она будетъ самой безполезной мебель въ его домѣ. Когда онъ былъ боленъ; то она была его служанка: когда ему было полегчѣ; то дѣлала компанію; а когда былъ онъ совершенно здоровъ, то она служила ему секретаремъ и чтецомъ. Безсомнѣнія сему-то образу жизни, перемѣшанной снисхожденіемъ, трудами и ученіемъ, обязана она была совершенствами дѣятельнаго, просвѣщеннаго и глубокаго своего ума, которой только имѣлъ нужду въ томъ, чтобъ вывести его наружу. Она навыкла писать съ величайшею способностію. Выучилась по Италіянски, по Гишпански, по Латински; но казалось, что ни какого языка, кромѣ природнаго, не знаетъ: столь удиви-

тельную имѣла она скромность. Толпа людей, любви достойныхъ, ежедневно повторяли ей, что она прекрасна: они не мало надѣялись на ея склонность, думая, что она имѣетъ отвращеніе къ мужу. Но Гжа Скарронъ, казавшаяся съ начала самою легкою побѣдою, въ разсужденіи безмѣрнаго ея желанія нравиться; но потомъ была оставляема, какъ нечувствительнѣйшая въ свѣтѣ женщина. Любовники ея безпрестанно жаловалися на смертоубійства большихъ ея черныхъ глазъ, кои учиняли толикое число невѣрныхъ, но ни одного счастливаго.

Продолженіе впредь.

ОБЪ ОРАКУЛАХЪ.

Додонскій дубъ есть древнѣйшій изъ оракуловъ.

Повѣствуютъ, или лучше сказать, баснословствуютъ, что открытіемъ Дельфійскаго оракула древніе обязаны были стаду козъ, кои будучи на паствѣ близъ одного земнаго отверстія, испускали странный крикъ, и бросалися во всѣ стороны, какъ безумныя, всякой разъ, какъ приближалися къ помянутому отверстію. Пастухъ, увидя сіе, захотѣлъ испытать, что было причиною столь жестокаго и необыкновеннаго дѣйствія, подошелъ къ отверстію, изъ коего вдругъ вышелъ густой дымъ; пастухъ сдѣлавъ отъ того нѣсколько странныхъ прыжковъ, каковыя дѣлали прежде его козы, началъ пророчествовать и пророчества его въ послѣдствіи сбылися. Когда сіе чудо разнеслося по всей той странѣ; то безчисленное множество любопытныхъ

людей прiѣзжали на мѣсто чудодѣйствiя, и другъ другу дѣлали отвѣты на задаваемые вопросы; но поелику сiе отверстiе было опасно, и какъ множество людей, ошалѣвъ отъ изходящаго густаго изъ онаго дыма, упали въ оное; то вздумали сiе мѣсто устроить такимъ образомъ, чтобъ посредствомъ нѣкоего рода треножника можно было стоять надъ симъ гадательнымъ дымомъ безъ всякой опасности. Тогда избрали (видно для лучшей приманки) молодыхъ дѣвицъ, посвященныхъ Дiанѣ, для изданiя оракуловъ брата ея Аполлона, до тѣхъ поръ, пока нѣкiй Енекратъ Ѳессалiйскiй, человѣкъ весьма усердный къ священному треножнику, похитилъ одну изъ нихъ, къ коей онъ имѣлъ еще болѣе усердiя. Послѣ сего произшествiя начали посвящать въ жрицы только такихъ дѣвицъ, коимъ было болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду; и въ семъ поступили благоразумно. Ибо молодая угадчица могла

страстно влюбиться, и открыть своему любовнику прошедшее, настоящее и будущее, то есть употребляемые обманы, для уловленія людей суевѣрныхъ. Пиѳія или Пиѳонисса садилась на треножникъ, поставленный надъ помянутымъ отверстіемъ, и напитавшись благоуханнымъ духомъ, изъ онаго исходящимъ, казалася наполнена священнымъ изступленіемъ, и давала оракулы, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Сей треножникъ былъ окруженъ и покрытъ лаврами, посвященными Аполлону, кои почти совершенно скрывали его отъ приходящихъ вопрошать оракулъ; дымъ же, исходящій изъ отверстія, подобно густому облаку, препятствовалъ видѣть хитрость Пиѳониссы, которая, смотря по надобности, говорила иногда въ трубу, дабы голосъ ея превосходилъ человѣческій: сіе орудіе вновь найдено въ наши времена отцомъ Кирхеромъ и Кавалеромъ Морландомъ. Тѣ, кои помогали угадчицѣ обманывать легко-

вѣрныхъ людей, проходили по подземному ходу къ отверстію. Мы имѣемъ примѣръ сихъ подземныхъ переходовъ въ исторіи жрецовъ Вааловыхъ, коихъ хитрость открылъ Св. Пророкъ Даніилъ. Пиѳонисса казалась въ изступленіи, и естьли дѣйствительно было сіе не притворство; то причиною тому былъ вѣроятно крѣпкій запахъ сѣры, которую сожигали въ отверстіи. Послѣ многихъ странныхъ кривляній она приходила паки въ память, и принявъ на себя важный видъ, произносила стихи, сочиненные жрецами храма, вмѣсто отвѣта, и выученные ею наизусть.

Доріяне объявивъ войну Аѳинянамъ за нѣкоторую обиду, отъ нихъ учиненную, послали вопрошать оракулъ, дабы узнать, благополучна ли для нихъ будетъ сія война. Оракулъ отвѣчалъ имъ, что они побѣдятъ, естьли только не умертвятъ Короля Аѳинскаго: Доріяне предъ начатіемъ сраженія строжайше прика-

зали солдатамъ и чиновникамъ не дѣлать Королю никакого вреда. Кодръ, царствовавшій тогда въ Аѳинахъ, услышавъ сей отвѣтъ оракула, и предостороржность непріятелей въ разсужденіи его, одѣлся въ платье простаго воина, и былъ убитъ непріятельскимъ солдатомъ, котораго онъ нарочно раздразнилъ; и чрезъ сіе великодушное дѣяніе Аѳиняне одержали побѣду надъ Доріянами, какъ то предсказалъ оракулъ. Но сія повѣсть ни мало не выгодна для оракуловъ, по тому, что ежели Аѳиняне одержали побѣду надъ Доріянами; то сіе было только по той причинѣ, что сіи не захотѣли болѣе драться, узнавъ, что Король Аѳинскій былъ убитъ: столько-то народъ предубежденъ былъ истинною сихъ пророчествъ! Сіе-то предубежденіе часто возбуждало Государей и даже цѣлые народы производить въ дѣйство предсказанія сихъ обманщиковъ.

Цицеронъ полагаетъ Дельфійскіе

оракулы или прорицалища въ числѣ самыхъ грубѣйшихъ обмановъ. Наконецъ Аполлонъ, давая въ теченіе многихъ вѣковъ отвѣты стихами, принялся опять за прозу; дабы заставить молчать насмѣшниковъ, кои говорили, что изъ всѣхъ стихотворцевъ самый скареднѣйшій былъ *богъ стиховъ*.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ НЕИМОВѢРНЫЯ МѢСТА ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

О МНИМОЙ БѢДНОСТИ ЗНАМЕНИТЫХЪ ДРЕВНИХЪ РИМСКИХЪ МУЖЕЙ.

Валеръ Максимъ сочинилъ цѣлую большую главу въ похвалу бѣдности: сіе сочиненіе содержитъ въ себѣ столько же басней, сколько и примѣровъ.,,

Одна иностранная госпожа гостила у Корнеліи, матери извѣстныхъ въ Исторіи Гракковъ. Сія госпожа показывала ей съ тщеславіемъ драгоцѣнныя свои каменья, кои въ тогдашнее время были наилучшіе. Корнелія не отрѣкалася смотрѣть сіи вещи, и проводила въ томъ время съ сею госпожею до возвращенія домой дѣтей своихъ изъ училища. Какъ скоро они вошли; то мать показавъ ихъ своей пріятельницѣ, сказала: *вотъ мои сокровища!* ,,

По сему сказанію Валера Максима, сія Корнелія, одна изъ знатнѣйшихъ Римскихъ Госпожь, не имѣла ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, что совсемъ невѣроятно. Сверьхъ того, на что она дожидалася своихъ сыновей, чтобъ сказать сіи, по мнѣнію его, прекрасныя слова? Гостившая у нея столь долго иностранка развѣ прежде не видывала Гракковъ? Сія мать, столь много ихъ любившая, и цѣнившая какъ ихъ,

такъ и ихъ воспитаніе дороже всѣхъ въ свѣтѣ сокровищей, развѣ ни одного раза прежде того не показала она сей иностранкѣ сколь мало уважала нарядами и украшеніями, и какую высокую надѣжду полагала она на своихъ дѣтей? Имѣла ли она нужду въ ихъ присудствіи, для повторенія имъ похвалы и отвращенія своего къ роскоши? Нѣтъ, конечно; но сіе нужно было автору для приданія соли своему словцу.

Естьли судить по словамъ сего историка; то Корнелія не только не имѣла ни какихъ драгоцѣнностей, но даже и ни какого украшенія. Изъ сего слѣдуетъ, что она никогда не наряжалася, и выходила со двора такъ, какъ простая невольница, или крестьянка. Не довольно ли для нее было имѣть двухъ пригожихъ дѣтей? Но исполнили ли они ея ожиданіе? — Никакъ. Они оба были люди безпокойные и бунтовщики, погибшіе посредѣ раздоровъ, коими растерзали

утробу своего отечества. Вотъ, право, изрядныя сокровища! Естьли бы помянутая иностранка дожила до ихъ преждевременной смерти; то не имѣла ли бы она причины напомнить ихъ матери Епиграмматической ея и прямо Римской отвѣтъ. Но разсмотримъ еще нѣкоторые примѣры, тѣмъ же авторомъ упомянутые.

Валерій Публикола былъ три раза Консуломъ, одержалъ знаменитыя побѣды для своего отечества; однако же, не взирая на то, *не оставилъ чемъ себя похоронить*. Публикола и сіи прочіе Римляне, коихъ бѣдность выхваляется, видно не имѣли ни домовъ, ни женъ, ни слугъ. Слѣдовательно, они во всемъ терпѣли великой недостатокъ? Сверьхъ того жены ихъ, конечно, не имѣли ни приданаго и ни чего тому подобнаго? Развѣ онѣ не имѣли ни платья ни вещей, кои бы могли продать въ столь т ѣ с н ы х ъ обстоятельствахъ? Развѣ не могли онѣ занять у род-

ственниковЪ, или у пріятелей! — Читатели! потрудитесь хотя нѣсколько со вниманіемЪ сіе обдумать, и вы увидите, что бѣдность сего Консула есть сказка; но вотЪ новыя тому доказательства: Публикола, по сказанію Плутарха, жилЪ вЪ домѣ надмѣру высокомЪ и великолѣпномЪ. Оной былЪ построенЪ на вершинѣ горы Веліи, отколѣ господствовалЪ надЪ градскою площадью, и отколѣ видно было все на оной произходящее. НародЪ вознегодовалЪ на то и началЪ жаловаться, опасаясь, чтобЪ Публикола не вздумалЪ сдѣлаться ЦаремЪ. Друзья его о томЪ извѣстили: онЪ немедленно собралЪ великое множество работниковЪ, и вЪ одну ночь разорилЪ свой домЪ до послѣдняго камня.

Столь великолѣпной домЪ можетЪ ли показывать бѣдность? Мнѣ скажутЪ, что онЪ его сломалЪ; согласенЪ, но не по своей волѣ. ОнЪ то учинилЪ для истребленія подозрѣнія

народа, которой боялся, чтобъ онъ не вздумалъ сдѣлаться Царемъ. „Римляне, прибавляетъ Плутархъ, устыдились, что ихъ первый чиновникъ живетъ въ чужомъ домѣ, такъ какъ бродяга, не имѣющій ни кола, ни двора ..... Народъ далъ ему мѣсто, на которомъ построилъ онъ домъ не столь огромный, въ томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ храмъ побѣды.„

И такъ народъ только далъ мѣсто, а Публикола самъ уже построилъ домъ. Но для постройки дома надобны деньги. Не уже ли онъ употребилъ на то всѣ тѣ, которыя у него были, и съ того времени до погребенія своего не имѣлъ ни полушки. Сей Консулъ безъ сомнѣнія имѣлъ богатые домашніе уборы, кои соотвѣтствовали великолѣпію прежняго его дома. Намъ не сказано, отдалъ ли онъ ихъ кому нибудь, или продалъ. Слѣдовательно велѣлъ онъ ихъ перенести въ новой свой домъ, и мнѣ кажется, можно было продать нѣко-

торыя изъ оныхъ, и сдѣлать ему приличное погребеніе. Но я болѣе о семъ говорить не буду. Скажу только то, что въ Римѣ съ начала построенія онаго было золото. Римляне захотѣли, говоритъ Титъ Ливій, учинить даръ Аполлону: но какъ казна была въ истощеніи; то Римскіе госпожи отдали добровольно все свое золото, которое было въ ихъ украшеніяхъ, изъ усердія къ сему божеству. Плиній, дабы доказать, что въ Римѣ мало было золота при началѣ сего города, увѣряетъ, что по взятіи онаго Галлами, нашлось онаго только тысяча фунтовъ. Что касается до меня; то сіе количество, мнѣ кажется, велико въ такое время, какъ городъ сей только что еще раждался. Марціянъ говоритъ, что Тарквиній Прискъ обѣщался построить храмъ Юпитеру Капитолину, и издержалъ сорокъ тысячь фунтовъ серебра на заложеніе онаго. Сія сумма не весьма ли велика по тогдаш-

нему времени? Всѣ сіи примѣры безъ сомнѣнія суть древніе Публиколы. Слѣдовательно въ Римѣ было золото, серебро и всякое прочее богатство. Но кто же онымъ владѣлъ? Не уже ли простой народъ? Какъ можно ето утверждать?

Третія о семъ исторія, читанная мною въ Валерѣ Максимѣ, касается до Мененія Агриппы. Сей великій мужъ, говоритъ онъ, которой умѣлъ примирить народъ съ Сенатомъ, умеръ безъ денегъ. Онъ бы былъ лишенъ чести погребательной; естьли бы народъ не сложился и не собралъ бы довольнаго количества денегъ ему на похороны. — Какъ! Не уже ли ни родня его, ни Сенатъ, которому онъ оказалъ столь важную услугу, не подумали о его похоронахъ? Онъ нашелъ только благодарность въ одномъ простомъ народѣ? Сіе сказаніе подаетъ намъ надмѣру низкое мнѣніе о Римскомъ шляхетствѣ, и слѣдовательно есть сущая басня.

Четвертой примѣръ сего же рода весьма забавенъ. Авторъ не можетъ сказать, чтобъ у Кaiя Фабриція и Емилія Папія не было денегъ; ибо у одного былъ небольшой серебряной кубокъ, а у другова солонка для приношенія жертвъ. Но кубокъ Фабриціевъ былъ лучше, потому, что поддерживала его роговая ножка. Сіи двѣ серебряныя вещицы досталися по наслѣдству Папію. Онъ столь былъ радъ, имѣя ихъ у себя, что никогда не хотѣлъ съ ними разстаться изъ почтенія къ жертвоприношеніямъ. — Я признаюсь, что такіе примѣры бѣдности суть весьма смѣшны. Но вотъ болѣе Героической тому примѣръ: Аттилій Регулъ былъ посланъ съ войсками противъ Карфагенцовъ; онъ побѣдилъ сихъ гордыхъ соперниковъ Рима. Сенатъ для оказанія ему большей чести, продолжилъ его начальство надъ арміею. Едва Регулъ увѣдомился о семъ Сенатскомъ положеніи, какъ и отпи-

салъ къ Консулу, чтобъ онъ отозвалъ его въ Римъ. Какая же бы причина побуждала его оставить побѣдоносную подъ предводительствомъ его армію? Не имѣлъ ли онъ какихъ либо важныхъ дѣлъ, коихъ ни кто, кромѣ его, не могъ сообщить Сенату? — Нѣтъ, а вотъ что: Регулъ получилъ извѣстіе изъ своей деревни, что староста его умеръ, что работникъ, или поденщикъ, въ отсутствіи его, укравъ всѣ земледѣльческія орудія, ушелъ; и такъ Регулъ опасался, чтобъ его поле не лѣжало въ пустѣ, и что бы жена его и дѣти не умерли съ голоду. Консулы сообщили письмо его Сенату, которой немедлѣнно сыскалъ ему новаго работника, и приказалъ снабжать семью его съѣстными припасами, и купить новую соху и проч. Безъ сомнѣнія, сего мызника выбрали изъ Консуловъ; онъ былъ какой либо Генералъ, или Дикшаторъ, по тому, что, по сказанію историковъ,

сіи Господа были искуснѣйшіе хлѣбопашцы. А дабы избавить Регула отъ заботъ его, должно было учинить не менѣе сего.

Продолженіе впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРАТКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО И ХРОНОЛОГИЧЕСКАГО СКАЗАНІЯ О ПОЛЕЗНѢЙШИХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ И ХУДОЖЕСТВАХЪ, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ИМЯНЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ.

Неутолимая шлюбка изобрѣтена Г. Берніеромъ, и представлена Королю Французскому въ 1772 году. Опытъ оной шлюбки дѣланъ былъ на рѣкѣ Сейнѣ въ Іюлѣ 1775 года. Хотя она наполнилася вся водою, и опрокинулася; но сама собою и съ невѣроятною скоростію, вылилвъ воду, опять

пошла въ прежнее положеніе къ великому удивленію зрителей.

Кожаныя шляпы, противящіяся острію сабли, выдуманы Генрихомъ Стунци, кожевеннымъ фабрикантомъ въ Цурихѣ въ Швейцаріи. Онъ также дѣлаетъ непроницаемыя пулями латы. — Въ 1771 году.

Цыфиръ Арабской или Индѣйской, употребляемый въ Ариѳметикѣ, введенъ въ Европу Гербертомъ въ 991 г.

Шоколадъ былъ привезенъ изъ Мексики въ Европу Гишпанцами въ 1524 году.

Хореграфія, или искуство изображать на бумагѣ танцовальныя шаги или фигуры изобрѣлъ Тоанетъ Арбо.

Колокола церьковные введены въ употребленіе Блаженнымъ Павлиномъ, Епископомъ Ноллетскимъ въ 416 году.

въ Римѣ освящены оныя въ 968 году.

Кометы. Параболической путь кометъ въ перьвый разъ доказанъ Георгомъ Сумуелемъ Дорселемъ, пасторомъ Плавенской церкви въ Войстлендѣ въ Англіи, въ обнародованномъ имъ о томъ сочиненіи въ 1680 году.

Орбитъ, или путь всѣхъ извѣстныхъ кометъ, изчисленъ, и найдено, что ни одна изъ нихъ не можетъ приближиться къ землѣ на такое разстояніе, чтобъ могла причинить ей вредъ. — Въ 1778 году.

Пропорціональной циркуль изобрѣтенъ Іовстомъ Биргомъ, Математикомъ Ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, въ 1603 году.

Пропорціональной циркуль съ четырью ножками изобрѣтенъ Г. Гинстомъ, Французскимъ межевщикомъ.

Дендрометръ, или древомѣръ, инструментъ изобрѣтенный въ Англіи.

для измѣренія скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ деревьевъ на корню, и для способствованія дѣйствіямъ Инженеровъ и Архитекторовъ въ 1769 г.

Алмазъ. Граненіе и шлифовка Алмазовъ изобрѣтена Людовикомъ Бергеномъ, дворяниномъ Брюжскимъ, которой перьвой употребилъ оные еще нѣтъ тому 350 лѣтъ. Онъ выдумалъ желѣзныя колеса, для приданія симъ Алмазамъ лучшей полировки посредствомъ Алмазнаго же порошку.

Клавдій Бріань былъ перьвый вырѣзыватель по Алмазу.

Костоваръ, машина, употребляемая Химиками для разваренія костей въ нѣсколько секундъ наподобіе мяса, изобрѣтена Папиномъ, описавшимъ оную въ 1688 году.

Индѣйскія куры привезены изъ Мексики въ 1570 году, и первая подана была на свадебномъ пиру Карла IX въ 1570 году.

Способъ учинить воду морскую удобною для питья, отнявъ отъ нея всю соленость и горькость, изобрѣтенъ Г. Фуркроа. Посредствомъ онаго въ сутки можно сто двадцать ведръ морской воды учинить прѣсною. Сіе бы съ великою пользою можно было употреблять на корабляхъ и въ островахъ, гдѣ нѣтъ прѣсной воды.

Вода, напитанная постояннымъ воздухомъ, весьма полезная отъ морской цынги. — Въ 1772 году.

Електрическая сила. Перьвою мыслію объ оной ученый свѣтъ одолженъ Отто Гверику, Бургомистру Магдебургскому. Послѣ того Мушенброкъ много дѣлалъ тому опытовъ; Аббатъ Ноллетъ повторилъ оные, и учинилъ нѣсколько новыхъ и проч.

Славный Франклинъ наиболѣе споспѣшествовалъ распространенію сего искуства.

Булавки перьвыя были сдѣланы въ Англіи въ 1523 году. Дамы употребляли прежде того деревянныя или костяныя спички.

Часы звонящіе. Одинъ Срацынской Халифа прислалъ въ подарокъ Карлу Великому перьвые такіе часы въ Европѣ въ 807 году

Часы на башняхъ. Г. Гале, Французскій Священникъ изобрѣлъ въ 1767 году способъ никогда не заводить такихъ часовъ, и чтобъ они всегда шли не дотрагиваясь до нихъ.

Влагомѣръ сравнительный изобрѣтенъ Г. Люкомъ: сего орудія не доставало Физикѣ.

Воздушныя ружья изобрѣтены Гутеромъ, мѣщаниномъ Нирембергскимъ.

Новаго строенія ружье, убивающее дробью на 110 футовъ, а пулею

на 300, изобрѣлъ Шаліа, ружейной мастеръ въ 1771 году.

Другое ружье, изъ коего можно сдѣлать 24 выстрѣла сряду, и не имѣющее больше семи Французскихъ фунтовъ вѣсу, представлено Академіи Парижской Бульетомъ, ружейнымъ мастеромъ въ 1767 году.

Логариѳмы найдены Барономъ Неперомъ Шотландцомъ, которой умеръ въ 1618 году.

Искуство гравировальное, или рѣзьба на мѣди, изобрѣтено въ Бокольтѣ въ Епископствѣ Минстерскомъ Исраемемъ Мехейномъ въ 1450 году.

Гравировка посредствомъ крѣпкой водки изобрѣтена славнымъ Албертомъ Дуреромъ, умершимъ въ 1526 г.

Искуство солить сельдей изобрѣтено въ 1416 году однимъ Голланд-

скимъ рыбакомъ, по имени Вильгельмомъ Бекелемъ. Карлъ V, въ бытность свою въ Нидерландахъ, ходилъ на могилу сего человѣка съ сестрою своею Королевою Венгерскою.

Кармачные часы перьвые были сдѣланы въ Нѣмецкой землѣ, и привезены въ Англію въ 1577 году.

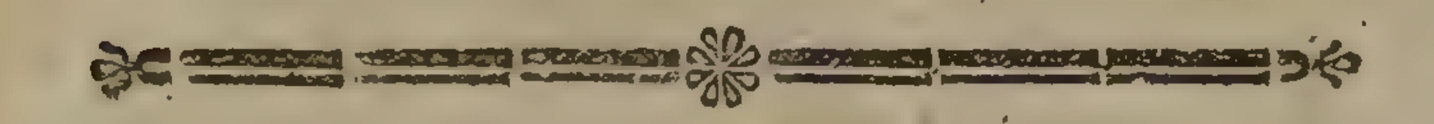
Въ 1676 году Барловъ сдѣлалъ въ Англіи перьвые часы съ репетиціею, и Карлъ II прислалъ одни въ подарокъ Лудовику XIV Королю Французскому.

Изобрѣтеніе стѣнныхъ часовъ приписывается Христіяну Гуигенсу, дворянину Голландскому въ 1657 году.

Продолженіе впредь.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ

АНЕКДОТЫ.

Завистники Кребильоновой славы пронесли слухъ, что будто трагедiи его сочинялъ не онъ самъ, но нѣкоторой монахъ, подъ его только именемъ. Въ то время, какъ Кребильонъ сочинялъ трагедiю свою Катилину, столь долго публикой ожидаемую; то въ одинъ день проговорилъ онъ изъ нея явленiе одному молодому человѣку, которой имѣлъ столь хорошую память, что повторилъ ему наизусть почти все прочитанное имъ. Государь мой, сказалъ ему Кребильонъ, скажите мнѣ искренно, не вы ли тотъ монахъ, которой сочиняетъ мои трагедiи?

Волтеръ велѣлъ припечатать въ заглавіи трагедіи своей Танкреда гравированную картинку, изображающую осла, которой казалось рычалъ на лиру, повѣшенную на лавровомъ деревѣ, разумѣя подъ видомъ осла непріятеля своего Фрерона. Фреронъ сдѣлалъ въ издаваемыхъ имъ листахъ безпристрастное разсужденіе о сей трагедіи, и кончилъ увѣдомленіемъ публику, что сія трагедія продается у такого то книгопродавца съ портретомъ автора при заглавіи.

Фонтенелль, видя бюстъ славнаго сатирика Боало, сказалъ: надобно увѣнчать его лаврами, и сослать на галеры.

Нѣкоторой судья, имѣющій не очень прямую совѣсть, рѣшилъ одно дѣло въ пользу виноватаго. Всѣ за ето на него вознегодовали, и кричали, что ето несправедливо: да кто съ

вами споритъ, что ето справедливо, отвѣчалъ судья.

Г. Монтескю спорилъ съ однимъ изъ своихъ товарищей. Сей сказалъ ему: я даю вамъ мою голову, естьли, мнѣніе мое несправедливо. — Я охотно ее принимаю, отвѣчалъ Монтескю; малые подарки поддерживаютъ дружбу.

Волтеръ, видя въ Фернейскомъ своемъ замкѣ великое множество праздныхъ людей, кои безъ церемоніи пріѣзжали къ нему жить, изъ любопытства видѣть сего славнаго человѣка, часто говаривалъ: Боже мой! избавь меня отъ моихъ пріятелей, а съ непріятелями я самъ управлюсь.

СЛУЧАЙ.

Кто счастьемъ хочетъ наслаждаться,
И быть въ почтенiи у всѣхъ;
Тотъ долженъ завсегда стараться
Во всемъ искать себѣ утѣхъ,
Прямою шествовать дорогой,
Ни на минуту не дремать,
И совѣсти внимая строгой,
Берѣчься оную марать.....
Все здѣсь свое имѣетъ время:
Такъ должно оное стерѣчь.
Вотъ жизнь, для многихъ тяжко бремя!
Не всякъ его умѣетъ влѣчь.

Жизнь наша съ шахматной игрою
Сходна, мнѣ кажется, во всемъ:
Умѣть лишь надобно рукою,
И знать расчетъ въ умѣ своемъ,
Когда и гдѣ какую пѣшку
Поставить, взять или отдать,
Сопернику явить насмѣшку,
Гдѣ свой проигрышь отъиграть,
Гдѣ привести въ задоръ другова,
Когда ему и поласкать.

Вотъ знанья надобно какова
Умѣть всегда пріобрѣтать!
Безъ добрыхъ дѣлъ, безъ теплой вѣры,
Почти, жизнь наша ничего:
Когда же съ симъ кто знаетъ мѣры,
Полезность брать изо всего;
Тотъ вѣрно счастіе притянетъ,
Лишь тутъ не надобно зѣвать.
Къ сему, коль памяти достанетъ,
Хочу я сказочку сказать.

Въ какой-то малой деревнюшкѣ
Изъ трехъ или пяти дворовъ,
Въ дрянной и старинькой избушкѣ,
Мужикъ, которой пасъ коровъ,
Виня жестокость злаго рока,
Вздыхалъ, и плакалъ и грустилъ,
Достать не могши и оброка,
Едва лишь голову кормилъ.
Встрѣчая день всегда съ заботой,
Онъ вкупѣ съ ней и засыпалъ.....
Однажды утомясь работой,
Лишь только бѣдной задремалъ,
Какъ вдругъ у своего окошка

Онъ слышитъ кто-то шабарчитъ,
Конечно ето наша кошка,
Со сна бѣдняшка сей ворчитъ.
Но слышитъ голосъ незнакомой:
Послушай, бѣдненькой сосѣдъ,
Слѣпой фортуною гнѣтомой!
Ступай скорѣй за мною въ слѣдъ.—
За чемъ? Крестьянинъ вопрошаетъ.—
Я кучу денегъ дамъ тебѣ.—
О го! Да кто ты?...Чортъ те знаетъ;
Конешно воръ: бери себѣ!—
Бѣги, дуракъ, скорѣй за мною,
Ко кладу я тебя веду!
Не будешь впредь знакомъ съ сумою:
Не жди, вдругорядь не приду!—
Да какъ тебя зовутъ?— *Случаемъ*
Которой всякому готовъ
Служить добромъ.— А га ста! знаемъ!
Пожди!.... Я не сыщу чулковъ....
Куда-то лапти затащились.
Жена, Оришка, Ванька плутъ!
Кой чортъ! Никакъ вы всѣ взбѣсились?
Ищи; вечоръ я клалъ ихъ тутъ.....
А ты што здѣсь стоишь, зѣвака!
Смотри, ужъ ты изтекъ отъ слюнъ!

Какова ждешь еще ты знака?
Давай скорѣй треухъ, зипунъ!....
Да гдѣжъ не вижу опояски?
Охти какіе дураки!....
Ещо не достаютъ подвязки:
Начну совать вамъ тумаки!....
Совсемъ!.... Забылъ ста нахирюхи.
Да каково бы мнѣ поѣсть?....
Давай, жена!.... Въ тебѣ всѣ блохи:
Я помню, что краюха есть.....
Ахти! да какъ я не умывшись,
Иду? И!.... Словно бусурманъ!....
Ужъ такъ и быть, кваску напившись,
Пойду..... Смотри какой туманъ!
Не видно зги передъ собою....
Сосѣдъ! Да гдѣ же ты? Сосѣдъ!
Не прячься, я иду съ тобою!....
Ахти! Давно простылъ и слѣдъ!
Смотри, какую сдѣлалъ склоку;
Пожалуй сте за нимъ ступай.
Штобъ чортъ те дралъ съ спины и
съ боку!
Да какъ бишь имя то? — *Случай!*

Соч. Иванъ Трунинъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

Робертъ Ладъ говоритъ: намъ должно было проходить чрезъ одну большую гору въ земляхъ мыса *доброй надежды*, на коей забавлялись мы ловлею большихъ обезьянъ, кои тамъ въ великомъ множествѣ находятся. Я не могу изобразить всего проворства сихъ животныхъ, нами гонимыхъ, ни того, съ какою легкостію, увертливостію и смѣлостію возвращалися онѣ назадъ, убѣжавъ прежде отъ насъ. Иногда подпускали онѣ насъ къ себѣ столь близко, что остановясь противъ ихъ, для поиманія ихъ, я почти былъ увѣренъ, что они въ нашихъ рукахъ: но съ одного прыжка удалялися онѣ отъ меня шаговъ на десять, и восходили съ такимъ же проворствомъ на деревья; оттолѣ смотрѣли онѣ на насъ весьма спокойно, какъ будто веселясь нашимъ утомленіемъ.

ОПИСАНІЕ БОЯ БЫКОВЪ.

ВЪ такой странѣ свѣта, гдѣ почти только надъ одними безсловесными можно дѣлать наблюденія, случилось видѣть мнѣ однажды двухъ быковъ прибѣжавшихъ изъ двухъ ближнихъ деревень, дабы оспоривать другъ у друга обладаніе надъ коровами той страны. Одинъ изъ нихъ показался мнѣ и дѣйствительно сильнѣе и крѣпче другова. Однако же послѣ нѣкоторыхъ къ сраженію приготовленій, кои состояли въ испусканіи ужаснаго рева и въ раздираніи земли страшными ихъ рогами, вдругъ началася битва, и я съ удивленіемъ увидѣлъ, что побѣда клонилась къ сторонѣ слабѣйшаго. Онъ нападалъ съ невѣроятною неустрашимостію и неутомимостію, и гналъ съ поля своего врага, при каждой сшибкѣ. Наконецъ, ободренный успѣхомъ, далеко прогналъ онъ своего соперника, коего пламенные глаза и мужественная осанка учиняли

еще ужаснымъ и въ несчастіи. Послѣдствіе убѣдило меня, что сіе было только искусная хитрость сего послѣдняго, для истощенія силъ своего непріятеля. Подобно молніи отступаетъ онъ назадъ, и въ одинъ мигъ бросается на мнимаго побѣдителя, поражаетъ его немилосердо, гонитъ назадъ, и въ совершенное приводитъ изумленіе. Ничто не можетъ сравниться съ силою его ударовъ, скоростію прыжковъ и съ бѣшенствомъ его нападенія. Наконецъ повергнувъ его на землю многократно, казалось сжалился онъ надъ нимъ, и даровавъ ему жизнь, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ, какъ онъ печально удалялся съ поля сраженія.

ХИТРОСТИ ЛИСИЦЪ.

Лисица, говоритъ Г. Бюфонъ, славится своими хитростями, и заслуживаетъ свою славу. То, что волкъ дѣлаетъ съ помощію силы своей, лисица дѣлаетъ то посредствомъ

своего проворства, и болѣе его успѣховъ имѣетъ. Не сражаясь съ собаками и пастухами, не нападая на стада, не таская падали, болѣе способовъ имѣетъ она къ жизни. Она употребляетъ болѣе ума, нежели безполезныхъ рысканій; кажется, что всѣ способы къ пропитанію находитъ она въ самой себѣ, и какъ извѣстно сіи способы суть изъ всѣхъ вѣрнѣйшіе и изобильнѣйшіе. Будучи столь же хитра, сколько и осторожна, замысловата и благоразумна даже до терпѣнія, она разнообразно всегда поступаетъ, и въ запасѣ имѣетъ нѣкоторые способы, кои умѣетъ употреблять къ статѣ.

Вотъ какимъ образомъ Г. Бюфонъ описалъ лисицу. Сіе животное обитаетъ всегда въ опушкахъ неподалеку отъ селеній; она слушаетъ пѣніе пѣтуховъ и крикъ домашнихъ птицъ, и чувствуетъ далеко ихъ запахъ. Она искусно избираетъ время, скрываетъ свои умыслы и слѣдъ, то ползетъ, то прыгаетъ; приходитъ, и

рѣдко безъ успѣха возвращается. Естьли можетъ она перелѣсть черезъ заборъ, или подлѣсть подъ оной; то не теряя ни одной минуты, опустошаетъ курятники, и терзаетъ все, что ей ни попадется. Потомъ проворно уходитъ, унося свою добычу, которую или забрасываетъ мохомъ, или прячетъ въ своей норѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ потомъ возвращается за другою, которую уноситъ, и прячетъ равномѣрно, но уже въ другомъ мѣстѣ; потомъ въ третій разъ, въ четвертый, и такъ далѣе, пока наступающій день, или какой нибудь шумъ въ домѣ, не увѣдомитъ ее, что должно уйти, и болѣе не возвращаться. Она дѣлаетъ то же самое и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловятъ осѣлками, или птичьимъ клѣемъ дроздовъ и куликовъ. Она предупреждаетъ охотниковъ, идетъ рано поутру, и часто по многу разъ въ день посѣщаетъ осѣлки; уноситъ птицъ, кои въ оныя попадаются, и прячетъ ихъ

по разнымъ мѣстамъ, а особливо при дорогахъ подъ мохомъ, оставляетъ ихъ тамъ иногда на два и на три дни, и безъ всякаго затрудненія находитъ, когда надобно. Она выгоняетъ въ поле молодыхъ зайцовъ, ловитъ иногда и большихъ въ ихъ логовищахъ, никогда неупускаетъ ихъ, когда они бываютъ ранены, вырываетъ изъ норъ кроликовъ, сыскиваетъ перепелиныя гнѣзда, застаетъ самку на яицахъ, пожираетъ ее, и истребляетъ великое множество дичины.

Говорятъ, что иногда двѣ лисицы соединяются вмѣстѣ, чтобъ ловить зайца, или кролика. Когда лисица гонится за своею добычею; то лаетъ подобно гончей собакѣ, и между тѣмъ временемъ другая лисица стоитъ на пути, ожидая, чтобъ дичь прошла мимо, и чтобъ она могла ее поймать. Говорятъ, что она избавляется отъ блохъ, погружаясь мало по малу въ воду, опустивъ прежде въ оную задъ; блохи же подвигаются

по немногу къ мордѣ, и тогда лисица окунается стремительно въ воду, и такимъ образомъ отъ оныхъ избавляется.

Лисица есть столь же искусной рыбакъ, сколь и добрый охотникъ. Ходя по берегамъ рѣкъ, она опускаетъ въ воду трубу свою, или пушистый хвостъ, въ шерсть коего запутываются малыя рыбки, и не могутъ освободиться. Какъ скоро почувствуетъ она, что рыбы попались въ ея хвостъ; то немедленно, вынувъ его изъ воды, поѣдаетъ оныхъ.

Разсказываютъ, что всѣ породы лисицъ Сѣверныя Америки имѣютъ весьма забавный способъ ловить водныхъ птицъ. Онѣ немного входятъ въ воду, потомъ выходятъ назадъ, и дѣлаютъ множество прыжковъ на берегу. Утки чайки и прочія водяныя птицы, коихъ забава сія увеселяетъ, приближаются ко врагу, которой тотчасъ присмирѣетъ, какъ скоро увидитъ ихъ близъ себя, но только

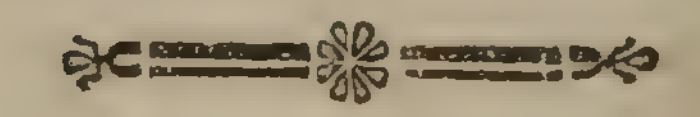
однимъ хвостомъ машетъ, дабы ихъ приманить поближе, и сіи безразсудныя животныя до того простираютъ свою глупость, что даже не опасаются клевать лисицу. Тогда она бросается на нихъ, и никогда не упускаетъ сей добычи.

Барсукъ, говоритъ Г. Бюфонъ, есть звѣрь лѣнивый, недовѣрчивый, уединенный, и которой удаляется въ самыя пустыя мѣста, въ дремучія лѣса, и вырываетъ тамъ себѣ нору. Кажется, что онъ убѣгаетъ отъ всякаго сообщества, даже и отъ дневнаго свѣта, и проводитъ три доли своего вѣка въ семъ мрачномъ жилищѣ, изъ коего выходитъ только для исканія себѣ пищи. Лисица, неимѣющая такой способности, для вырыванія себѣ норъ, старается воспользоваться его трудами. Не въ состояніи будучи принудить его силою, заставляетъ она хитростію оставить его обиталище, пугая его, безпокоя зловоніемъ своего испражненія; потомъ

выживъ его оттолѣ, вселяется на его мѣсто, распространяетъ сію нору, улучшиваетъ оную, и живетъ въ ней.

Лисицы, живущія на Американскомъ перешейкѣ, немногимъ чемъ побольше обыкновенной кошки. Шерсть на ней весьма тонка, и походитъ цвѣтомъ на коричневую. Хвостъ у нея не длиненъ, но весьма густъ, и составленъ изъ зубчатыхъ волосовъ, которой служитъ не менѣе къ обороненію ея отъ непріятелей, равно какъ и къ украшенію. Естьли за нею гонится собака, или другой какой звѣрь, для нее опасный; тогда смачиваетъ она хвостъ свой на бѣгу своею уриною, и брызжетъ имъ въ глаза. Вонь, отъ того произходящая, столь несносна, что сего одного способа довольно ей къ остановленію ихъ.

Продолженіе впредь.

НРАВОУЧЕНІЕ.

Подражаніе ла Фонтену.

Волкъ лѣсовъ дремучихъ житель,
Страстно любящій овецъ,
Прибѣжавши въ ихъ обитель
На извѣстный всѣмъ конецъ,
Подхватилъ тотчасъ ягненка,
И унесъ съ собою въ лѣсъ.
Кошкѣ было жаль рабенка;
О какой лукавой бѣсъ!
Такъ лисицѣ говорила,
И нещадно забранила.....

✿

,,Для чего такія твари,
Вдругъ лисица прервала,
,,Долго терпятъ Государи?
,,Ябъ имъ знать себя дала!
,,Кто такъ нагло поступаетъ;
,,Тотъ достоинъ казней всѣхъ.
,,Иль бездѣльникъ сей не знаетъ,
,,Сколько тягостенъ сей грѣхъ,
,,Какъ съ ворами поступаютъ,
,,Какъ убійцъ такихъ караютъ?,,

*

КакЪ лиса судила вора
По естественнымЪ правамЪ,
ВЪ продолженье разговора
ВдругЪ она узрѣла такЪ
Одного вблизи цыпленка.
ПерестаВЪ тотчасЪ судить
Вора волка и ягненка,
(Можноль случай упустить!)
Волку вЪ злобѣ подражаетЪ,
И мораль позабываетЪ.

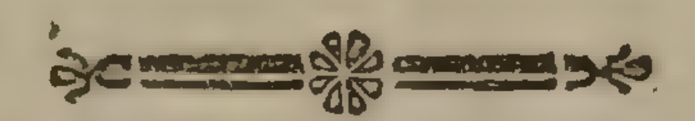
*

„О ужасныя злодѣйства!
ШепчетЪ кошка про себя;
„Всѣ мучительныя дѣйства
„ИзлилабЪ я на тебя,
„Злобой дышуще творенье!
„ВЪ ней и совѣсть не дрожитЪ:
„ГдѣжЪ сокрылось поученье?„...—
Крыса мимо вдругЪ бѣжитЪ....
ПозабывЪ, что говорила,
Кошка крысу подхватила.

*

Таковыхъ творцовъ морали
Вижу я и межъ людьми.
Какъ бы мы счастливы стали,
Естьлибъ сей порокъ съ земли
Вѣчно въ тартаръ преселился!
Счастливъ тотъ, кто съ юныхъ лѣтъ
Отъ примѣровъ научился
Различать и тьму и свѣтъ.
Старикижъ досѣль не врали,
Что *легко учить морали.*

Соч. Ив. Трун.

ТУФЛИ АБУ-КАЗЕМОВЫ,

СКАЗКА.

Въ Багдадѣ жилъ нѣкогда купецъ, по имени Абу-Каземъ, которой былъ скупъ до крайности. Не взирая на его великое богатство, ходилъ онъ всегда въ лахмотьяхъ, и чалма его, изъ толстой холстины сдѣланная,

была такъ замаслена, что не было способу узнать, какого она была цвѣту; но туфли его въ особливости были достойны любопытства. Каблуки были подбиты большими гвоздями, а верьхъ такъ былъ покрытъ заплатами, что они не имѣли ни какого вида, то есть, они были ни круглые, ни длинные и ни четвероугольные. Въ теченіе десяти лѣтъ искуснѣйшіе Багдадскіе сапожники всѣми силами старалися удержать ихъ отъ совершеннаго разрушенія; но все ихъ мастерство не могло воспрепятствовать сдѣлаться имъ столь тяжелыми, что туфли Абу-Каземовы вошли въ пословицу, для выраженія чего либо тяжелаго и неуклюжаго.

Въ одинъ день, какъ Абу-Каземъ проходилъ чрезъ большой базаръ, поднесли къ нему нѣсколько хрустальныхъ сосудовъ изящнѣйшей работы. Поелику просимая за нихъ цѣна была весьма умѣренна; то онъ воспользовался симъ случаемъ, и купилъ

сіи сосуды. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сего мѣста услышалъ онъ, что одинъ торгующій ароматами купецъ, пришедъ въ разореніе, продавалъ еще довольное количество розовой воды, въ которой состояло все оставшееся имѣніе сего несчастнаго человѣка: Каземъ воспользовался злополучіемъ своего собрата, и заплатилъ ему въ половину той цѣны, чего стоилъ товаръ. Сія покупка его развеселила; но вмѣсто того, чтобъ послѣдовать примѣру купцовъ той страны, которые въ такихъ случаяхъ имѣютъ обыкновеніе давать пиры, Каземъ разсудилъ, что ему гораздо меньше станетъ, и несравненно пріятнѣе будетъ сходить въ баню, куда уже онъ давно за скупостію не хаживалъ. Въ то время, какъ онъ раздѣвался, одинъ изъ его пріятелей, или по крайней мѣрѣ человѣкъ, называющійся симъ именемъ, подошедъ къ нему, представилъ, что его старые туфли учиняли его посмѣши-

щёмъ всему городу, и что время уже ему купить новые. Твоя правда, отвѣчалъ Каземъ; я уже и самъ нѣсколько лѣтъ о томъ думаю, хотя, правду сказать, мнѣ кажется, что и ети еще очень годятся носить. Послѣ сего онъ раздѣлся, и бросился опрометью въ баню.

Багдадской Кади пришелъ чрезъ минуту послѣ сего: Каземъ, вышедъ изъ бани прежде его, сталъ въ передбанникѣ одѣваться, но не нашелъ тамъ своихъ туфлей. Вмѣсто ихъ увидѣлъ онъ другіе; но сіи не ево, ибо они были новые.... Еге! да ужъ ето полно не подарокъ ли того друга, которой мнѣ недавно дѣлалъ столь хорошее поученіе о моихъ старыхъ туфляхъ? — Сія мысль поразила и восхитила нашего скупягу..... Избавиться такимъ образомъ отъ неизреченнаго мученія покупать новыя туфли....имѣть и обувь и деньги! — Каземъ схватилъ ихъ съ неописанною радостію, надѣлъ, и пошелъ изъ бани.

Между тѣмъ Кади уже вымылся; но невольники его тщетно искали его туфлей; на ихъ мѣстѣ нашли они только два безобразные и скверные осметка..... Ахъ! да это туфли Абу-Каземовы, вскричали они всѣ въ одинъ голосъ. Онъ вѣрно унесъ туфли нашего господина.... За нимъ побѣжали и догнали: воровство не требовало ни какой улики: онъ имѣлъ ее на ногахъ; отнявъ у него туфли, потащили его и бросили въ тюрьму. И такъ нашъ Каземъ попался въ кохти правосудія: Каземъ былъ богатъ, и его не освободили, пока онъ не заплатилъ большаго денежнаго штрафа.

Проклиная свою судьбу, и Кадіевы туфли, Каземъ возвратился домой, и перьвое его движеніе состояло въ томъ, чтобъ бросить въ рѣку Тигръ, протекающую подъ его окнами, невинную причину его несчастнаго приключенія. На завтра рыбаки, закинувшіе близъ того мѣста свои

сѣти, почувствовали, таща ихъ, необыкновенную тягость. Сіи добрые люди радовалися напередъ о счастливой своей тонѣ. Но увы! Сія тягость произходила отъ туфлей Абу-Каземовыхъ. Гвозди, торчащіе въ каблукахъ, изорвали сѣти, и рыба ушла. Рыбаки пришедъ отъ того въ бѣшенство, бросили ихъ изъ всей силы въ окошки скупца; туфли попали въ хрустальные сосуды, купленные имъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ, и въ которые влилъ онъ розовую воду разореннаго купца: сосуды разбились въ мѣлкія части, и плачевные ихъ остатки плаваютъ въ волнахъ розовой воды.

Я не намѣренъ, да и не въ состояніи описать здѣсь отчаянія Каземова. Проклятые туфли, вскричалъ онъ по долговременномъ молчаніи; я съ вами слажу, не станете вы мнѣ больше вредить! Сказавъ сіе, пошелъ онъ ихъ зарывать въ одномъ изъ угловъ своего сада.

Одинъ недоброжелательный сосѣдъ засталъ его въ семъ упражненіи, и донесъ на него правительству, говоря: *Каземъ нашелъ въ своемъ саду кладъ.* Сего было довольно для возбужденія корыстолюбія судьи. Каземъ былъ принужденъ къ нему явиться и сколько онъ ни божился, что не нашелъ ни какого кладу, но что онъ зарывалъ свои туфли; однако же его не хотѣли слушать: судья надѣялся получить деньги, должно было ихъ найти, или возвратиться въ тюрьму.... Каземъ разсудилъ лучше заплатить деньги.

Не зная что дѣлать съ своими бѣдоносными туфлями, Каземъ находился въ крайнемъ отчаяніи. Онъ бы охотно удавился, естьли бы можно ему было унести съ собою на тотъ свѣтъ его богатство, и оставить туфли на семъ свѣтѣ.... Бросалъ онъ ихъ въ Тигръ; но ихъ оттуда выудили, чтобъ перебить его хрустальную посуду. Зарывалъ ихъ въ саду;

такъ всклѣпали на него, будто онъ нашелъ кладъ.... Наконецъ вздумалъ онъ ихъ спрятать въ одномъ весьма глубокомъ водохранилищѣ, которое снабжало водою весь городъ. Учинивъ сіе твердо былъ онъ въ тѣхъ мысляхъ, что на вѣки отъ нихъ избавился, и возвратился спокойно домой; но неблагопріятствующій ему духъ, безъ сомнѣнія забавляющійся на щетъ Казема и его туфлей, толкнулъ ихъ въ одинъ изъ протоковъ водохранилища. Вода въ теченіи своемъ остановилася, народъ подумалъ, что источникъ ея изсякъ, тревога сдѣлалася общая, всѣ умираютъ отъ жажды, приходятъ къ водохранилищу, чистятъ каналы.... Находятъ туфли Абу-Каземовы. Поелику его весь городъ ненавидѣлъ; то всѣ приступили къ Правителю, что туфли сіи были единственною всему причиною, и чтобъ хозяинъ ихъ былъ строго наказанъ. Нещастнаго Казема ведутъ вторично въ тюрьму, осуждаютъ вновь къ ве-

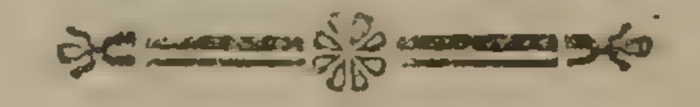
ликому денежному наказанію: но туфли его возвращены ему во всей ихъ цѣлости.

Дабы сдѣлать конецъ сей цѣпи печальныхъ приключеній, Каземъ вздумалъ ихъ сжѣчь; но какъ они были еще мокры; то онъ положилъ ихъ на край балкона, чтобъ они на Солнцѣ высохли.

Философія сего скупяги долженствовала еще быть подвергнута страшному опыту. Одна сосѣдняя кошка, увидя туфли, захотѣла ими поиграть, и уронила одну изъ нихъ на улицу. Бѣдоносная сія туфля паденіемъ своимъ ушибла и испугала шедшую мимо беременную женщину, отъ чего она выкинула; мужъ ея пожаловался на Казема Кадію, которой и осудилъ его заплатить штрафъ за неосторожность кошки.

Каземъ пришедъ въ неистовство, взялъ въ каждую руку одну изъ своихъ туфлей, подошелъ къ судьѣ, и говоря ему съ такимъ жаромъ, ко-

торой заставилъ хохотать всѣхъ присутствующихъ, вотъ, сказалъ онъ, бѣдоносная причина всѣхъ моихъ несчастій!.... Сіи-то проклятые туфли привели меня наконецъ въ совершенную нищету.... Обѣщай мнѣ, что я впредь не буду давать отвѣта во всемъ томъ вредѣ, которой они безъ всякаго сомнѣнія еще будутъ дѣлать... Кади не могъ ему отказать въ его прозбѣ, и Абу-Каземъ научился на свой щотъ, сколь опасно не перемѣнять часто туфли.

САТИРА
НА САМАГО СЕБЯ.

О я, что сотворенъ Всесильною рукою
На то, что бы питать себя ржаной мукою,
На то, чтобъ иногда пшеничну поѣдать,
На то, что бы женясь, другому жизни дать,
На то, чтобъ мудрости всечасно домогаться,

На то, что бы въ добрѣ для ближ-
нихъ упражняться,
На то, что бы законъ и вѣру обожать,
На то, чтобъ дурностьми Творца не
раздражать!
О я, что столько разъ преступни-
комъ являюсь
Предъ тѣмъ, которому я столько удив-
ляюсь,
Смотря на множество безчисленно мі-
ровъ,
Которой Всемогущъ, и будетъ вѣкъ
таковъ!
О я, что вопреки всему ученыхъ міру,
На самаго себя теперь пишу сатиру!
Сей я, что не шутя бранюсь съ са-
мимъ собой,
Внемли, что говоритъ тебѣ разсудокъ
твой!
„Смотря, какъ ближній твой
въ богатствѣ утопаетъ,
„Какъ онъ со знатными по братски
поступаетъ,
„Недавно будучи ближайшій сверст-
никъ твой;

„Тогда отъ зависти клянешь ты жребій свой,
„И говоришь: поддѣлъ онъ счастіе на уду!...
„Послушай! я твоимъ теперь судьею буду."
„Когда бы ты теперь иль завтра счастливъ сталъ,
„Позволилъ ли бы ты, чтобъ ближній унывалъ,
„Смотря, какъ въ счастіи себя позабываешь?
„Я думаю, что нѣтъ. За чемъ же унываешь,
„За чемъ безсовѣстно завидуешь тому,
„Которой, можетъ быть, по сердцу иль уму
„Достоинъ счастія, великой сей награды?
„Уже ли безъ причинъ, прервавши всѣ преграды,
„Которы каждому быть щастливымъ претятъ,
„Достигъ онъ до того, чего и всѣ хотятъ?
„И здѣсь ты скажешь нѣтъ. Какіяжъ есть причины

„Тебѣ въ печаль впадать, какъ мухѣ
въ паутины?
„Ужели ближнему не хочешь ты добра,
„Когда величина сосѣдняго двора,
„Когда богатыя достаточныхъ наряды,
„Когда къ сопернику красавицыны
взгляды,
„Когда кому нибудь вельможескій пок-
лонъ,
„Когда межъ дикими естественный
законъ,
„Когда по правому пути другіе ходятъ,
„Сіи дѣла въ тебѣ мученья производятъ?
„Кто можетъ о себѣ толь дерзско
утверждать,
„Что онъ достоинъ всѣмъ на свѣтѣ
обладать?
„Щастливыхъ въ свѣтѣ есть и безъ
тебя довольно.
„Иль зависть, сей порокъ есть чувст-
віе невольно?„ . . . —

„Досѣль говорено, что счастье въ
свѣтѣ есть . . . .
Согласенъ былъ и я . . . . Изволь же мнѣ
донесть,

,,Гдѣ щастье ты нашолъ, въ которой
части свѣта?
,,Въ какомъ углу земли текутъ въ
покоѣ лѣта?
,,Въ которомъ городѣ не чувствуютъ
заботъ?
,,Въ какомъ селеніи не видано работъ?
,,Въ какихъ домахъ живутъ щастли-
вы человѣки?
,,И естьли хижина, гдѣ грусти нѣтъ
во вѣки? —
,,О бѣдное изъ всѣхъ созданіе Творца!
,,Исканью твоему не будетъ и конца.
,,Коль правила себѣ ты предписавши
строги,
,,Изъ хижины придешь во Царскіе
чертоги;
,,То вѣрно въ нихъ найдешь такіяжъ
токи слезъ,
,,Такіяжъ грусти, всѣ и точно въ
томъ обрѣзъ.
,,Узнаешь, что и Царь имѣетъ так-
же страсти,
,,У коихъ, какъ и ты, бываетъ онъ
во власти.

„Уже ли мнишь, что онъ совсѣмъ не человѣкъ,
„И грусти никогда не чувствовалъ въ свой вѣкъ,
„Имѣя щастіе всегдашнѣе въ коронѣ?
„Вотъ разница съ тобой, что плачетъ онъ на тронѣ! —
„И такъ счастливымъ звать Царя не видимъ мѣръ. —
„Кого же ты теперь представишь мнѣ въ примѣръ?
„Я знаю, щастіе межъ дикими ты видишь.
„О сколько истинну прямую тѣмъ обидишь!
„Возможнолъ счастію межъ тѣми обитать,
„Которы по страстямъ обыкли поступать?...
„Одинъ другова тамъ, какъ муху убиваетъ;
„Но казни за такой поступокъ не бываетъ....
„Гдѣ есть насиліе, убійство безъ причинъ,

„Гдѣ всякой по себѣ надъ всѣми гос-
подинъ,
„Сумнительно, чтобъ тамъ спокой-
ство обитало;
„Тамъ слѣду щастья нѣтъ, гдѣ со-
вѣсти не стало!„....
„Узрѣвши коротко, въ какомъ
порядкѣ свѣтъ,
„Признаешься ль теперь, что щастья въ
ономъ нѣтъ,
„Нѣтъ въ ономъ ничего, что зависти
достойно,
„И что завидовать другому не
пристойно?
„[illegible] съ щастiю есть доб-
рой человѣкъ;
„[illegible] отъ него завистливой
[illegible]„....
О я! Гдѣ я? Что я? И что я
былъ доселѣ?
Уже ли сей порокъ хранилъ я въ са-
момъ дѣлѣ?
Разсудокъ мой! О жезлъ, которой далъ
мнѣ Богъ,
Священной вѣчности, чтобъ слѣдуя въ
чертогъ,

Не слѣпо, какъ теперь, я къ свѣту
прилѣпляяся,
И тѣмъ отъ истинны прямой не уда-
ляяся!
Благодарю, что ты открылъ глаза мои;
Да руководствуютъ совѣты мнѣ твои!
О мысль о щастіи! изчезни ты
на вѣкъ!
Напрасно мучится тобою человѣкъ,
Понеже щастье есть химера и мечта.
Увы! И все, я зрю, на свѣтѣ суета!

Соч. Ив. Трук.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

Зажечь свѣчу концемъ ножика.

Воткнуть непримѣтнымъ образомъ на конецъ ножика маленькій кусокъ фосфора, по которой былъ бы величиною по крайней мѣрѣ съ хлѣбное зерно. Имѣя такой ножичекъ, надобно, снимая щипцами оную свѣчу, умышленно

ее погасить, и взявъ ножичекъ, дотронуться концемъ онаго до свѣтильни, которая должна быть щипцами немного разворочена, и снята при томъ не очень низко, чтобъ была еще нѣсколько горяча. Какъ скоро сіе сдѣлаешь; то воткнутой на ножѣ фосфоръ свѣчу въ одинъ мигъ опять зажетъ.

Волшебное сложеніе.

Вели кому нибудь написать нѣсколько цыфровъ сряду, какъ то три цыфра, четыре или болѣе. Напримѣръ есть ли напишутъ 348; то прикажите подъ сими цыфрами написать еще три ряда цыфровъ по три же въ рядъ, а между тѣмъ на особливой бумажкѣ написавъ сей первой рядъ 348, поставте передъ сотнями число 3, а изъ единицъ толикое же число вычтите, что и составитъ 3345, къ приписаннымъ же къ оному тремъ рядамъ цыфровъ припишите и вы три же ряда, наблюдая, чтобъ вездѣ пригоо-

нять по девяти, выключая перьваго ряда.

Такимъ образомъ:

	348
Подъ нимъ, наприм.	244
написано - - - -	496
	401
И такъ припишите	755
	503
	598

Что и составитъ 3345, то есть ту сумму, которую вы прежде написали на особливой бумажкѣ. Сіе покажется весьма удивительно незнающимъ сего увеселенія.

Способъ, произрастить въ три минуты грибъ, или подобіе онаго.

Возьми рюмку съ широкимъ отверстіемъ, положи въ нее унцію, или шесть золотниковъ, самаго чистаго селитрянаго спирта; потомъ налей на него масляной ессенціи Гваякскаго дерева, которую можно достать въ аптекѣ. Сія смѣсь произведетъ растѣніе, въ которомъ чрезъ три минуты

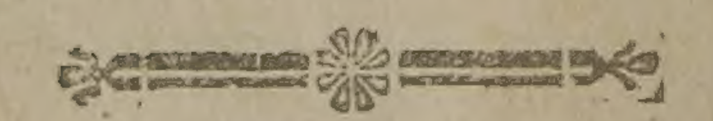
увидятъ совершенное подобіе обыкновеннаго гриба.

Какъ сдѣлать такую помаду, отъ которой, естьли вымажешь оною лицо, волосы, или что другое; то оное будетъ въ темнотѣ свѣтиться.

Возьми десять грановъ фосфора, смѣшай его полегоньку съ восемью золотниками обыкновенной помады, и когда сею помадою натрешь лицо, или вымажешь себѣ волосы; то всѣ сіи части будутъ въ потемкахъ свѣтиться, что незнающимъ весьма удивительно покажется.

КОНЕЦЪ

ОСМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ОСМОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Стран.
Продолженіе повѣствованія о изящныхъ художествахъ. - - - - - - 3
Слово о пользѣ Физики, - - - 15
О провидѣніи. - - - - - - 37

Статья Економическая.

Продолженіе о горячкахъ и лихорадкахъ. - 53
Разныя лѣкарства отъ бородавокъ. - 70
Вѣрнѣйшій и легчайшій способъ потушать пожары. - - - - - - 74
Способъ гравировать на деревѣ. - - 75
Рецептъ какъ дѣлать лучшія Китайскія чернилы - - - - - - 77
Способъ сохранять сыръ - - - 79
Економической шоколадъ - - - 80
Какъ сдѣлать несгараемую свѣтильню - 81
Способъ предохранять себя ночью въ спальнѣ отъ комаровъ - - - - - --
Способъ учинить весьма крѣпкимъ остріе ножа 82
Способъ красить рогъ подъ цвѣтъ черепахи 83
Какъ дѣлать сыръ изъ земляныхъ яблоковъ --
Окончаніе достовѣрныхъ признаковъ о будущемъ дождѣ. - - - - - - 84
Какъ приготовлять превосходное мыло, называемое Серальскимъ - - - 86
Разные любопытные секреты для охотниковъ до цвѣтовъ - - - - 83
О составленіи разноцвѣтныхъ чернилъ - 94

Страк.

Способъ откармливать быковъ - - 96
Продолженіе о кушаньяхъ - - - 91

Статья Нравоучительная.

Свойство Кавалера Рогера Коверли и его домашнихъ. - - - - - 105
Разсужденіе о безбожникахъ - - - 121
Избранныя мысли славнѣйшихъ писателей о разныхъ предметахъ - - - 127
О томъ, что женщины предпочитаютъ забавныхъ и шутливыхъ мущинъ тѣмъ, кои одарены здравымъ смысломъ - - 131
О разныхъ свойствахъ женщинъ - - 141

Статья Историческая

Продолженіе достопамятныхъ дѣяній и сказаній новѣйшей исторіи - - - 153
Объ оракулахъ - - - - - 178
Продолженіе критическихъ примѣчаній на нѣкоторыя неимовѣрныя мѣста древней исторіи - - - - - - 183
Продолженіе краткаго историческаго и хронологическаго сказанія о полезныхъ изобрѣтеніяхъ въ наукахъ и художествахъ - 193

Статья Увеселительная.

Анекдоты - - - - - 201
Случай - - - - - - 204
Продолженіе любопытныхъ примѣчаній на нравы животныхъ - - - - 208
Нравоученіе - - - - - 217
Туфли Абу-Каземовы, сказка - - 219
Сатира на самаго себя - - - 228
Разныя увеселенія - - - - 235